Истпарт Воронежского обкома ВКП(б)

ГК615
Л-

Богучарцы

КОММУНА

ИСТПАРТОТДЕЛ ВОРОНЕЖСКОГО ОБКОМА ВКП(б)

И. ПАРХОМЕНКО, В. МАЛАХОВСКИЙ,
М. ЕРМОЛЕНКО, В. СТРАХОВИЧ, И. ВРАЧЕВ

БОГУЧАРЦЫ

К ИСТОРИИ 40-й БОГУЧАРСКОЙ ДИВИЗИИ

В ОБРАБОТКЕ М. БОРИСОВА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Н. АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНА"
ВОРОНЕЖ 1935

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

РЕДАКТОР А. Г. БРОУН

Уп. облита № 6188. Изд № 252. Зак. № 2527. Тираж 3150 экз. Статформат А⁵ 148 × 210 15¼ печ. листов по 46 300 печ. знаков. Сдано в производство 29/X-34 года. Подписано к печати 27/XI-34 года. Обложка и супер-обложка работы художника В. Караблинова. Рисунки в тексте исполнены художниками Л. Стольпо и Е. Агеевым. Обложка и супер-обложка отпечатаны бригадой П. Воронова. Типография издательства „Коммуна", Воронеж, проспект Революции, 51.

ОФОРМЛЕНИЕ ВАЛЕНТИНА ЮЩЕНКО

47
35
25154

ПЯТНАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЕ
НАШЕЙ СЛАВНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ
ПОСВЯЩАЮТ ЭТУ КНИГУ

АВТОРЫ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В. АЛЕКСЕЕВ.

Книга, второе издание которой мы предлагаем читателю, создалась в результате большой работы и ее авторов, и работников Истпарта Обкома ВКП(б), и ряда активных участников описываемых в ней событий.

Богучарцы—слово, не требующее расшифровки, разъяснения, комментариев. В истории партизанского движения, в истории подвигов Красной армии эта боевая часть, из отряда выросшая в полк, затем в дивизию, стала известной, так же, как 25-я Чапаевская или 24-я Железная дивизии восточного фронта. К сожалению, у Богучарской дивизии не было и нет еще своего Фурманова, который сумел бы облечь весь героизм борцов за пролетарскую диктатуру в форму художественного произведения.

Полки Богучарской дивизии вписали немало побед в историю гражданской войны.

Богучарцы на протяжении двух лет были почти единственной частью Красной армии, отстаивавшей южные границы ЦЧО. На их долю выпала задача отбивать атаки и германских оккупационных армий, и украинских контрреволюционных формирований—петлюровцев, гайдамаков; богучарцы бились и с белым донским казачеством, с армией Деникина; им пришлось сражаться и в тылу с поднимавшим кулацкие вооруженные восстания врагом.

Богучарцы не раз вступали в схватки с врагом, подавляющим своей численностью и вооружением, и не раз победа оставалась за отрядами богучарцев.

Красноармейцам и командно-политическому составу дивизии в ряде случаев приходилось принимать на себя удары во много раз более сильного противника и своей неустрашимостью, стойкостью и боевым опытом отвлекать удары врага от уязвимых частей фронта, спасать от захвата важнейшие стратегические пункты.

Звание „богучарцы“ было синонимом доблести и геройства.

Никакая в мире армия не имела и не могла иметь частей, подобных Богучарской дивизии. Только Красная армия под руководством партии большевиков родила новый тип бойца—защитника завоеваний Октябрьской революции, который воплотил в себе и высокую политическую сознательность, и боевую стойкость.

А стойкость требовалась исключительная, не говоря уже о первых днях гражданской войны, когда на защиту октябрьских завоеваний выступили богучарцы. Последним пришлось выдержать особенно жестокую борьбу в те месяцы осени 1919 года, когда на южном фронте решался вопрос о жизни или смерти пролетарской диктатуры.

В эту пору особенно проявили свою преданность делу рабочего класса, делу партии Ленина бойцы 40-й богучарской дивизии.

Белые армии бросили все свои лучшие силы на подступы к Курску, Орлу, Воронежу и другим городам бывш. ЦЧО.

Наши армии значительно уступали врагу и численностью, и вооружением, но у них была стойкость и вера в победу.

В октябре на южном фронте наступили решающие дни. Деникинская армия захватила большую часть черноземных губерний и находилась в нескольких переходах от центра мировой пролетарской революции—Москвы.

Опасность была велика. Истощение внутренних хозяйственных ресурсов достигло предела. Тяжелые дни поражений на фронте, голод, холод, контрреволюция в тылу. Несмотся однако на все страдания и потери, силы не покинули пролетарскую страну.

Ленин, ЦК партии приковали все внимание партии и рабочего класса к южному фронту. Все лучшие люди революции пошли на фронт против золотопогонной буржуазной и дворянско-помещичьей контрреволюции, против интервентов, помогавших Деникину в его наступлении.

Поняли эту опасность и основные массы крестьянства, оказавшие активную поддержку борющемуся пролетариату как на фронте, так и в тылу белых армий, поднимая восстания против наступавшей реакции, оказывая организованную помощь частям Красной армии.

Перед лицом угрозы поражения пролетарской диктатуры ЦК партии принял ряд исключительных мер.

Фронту нужны были новые людские пополнения, беззаветно преданные делу революции бойцы. Партия посылает лучших своих сынов на южный фронт.

Фронту нужно было твердое, несгибаемое, не отступающее перед опасностью, перед трудностями руководство, и

партия посылает на южный фронт в этот ответственнейший момент в истории революции лучшего большевика, верного ученика Ленина товарища Сталина.

Именно благодаря руководству Сталина операциями против белых, деникинские планы были разбиты, и белая армия юга в несколько месяцев из гигантской махины была превращена в жалкую горсть панически бежавших людей.

Сталин нашел тот выход, который не могли найти ни командование южным фронтом, ни Реввоенсовет.

Картину полной растерянности в руководстве застает тов. Сталин на южном фронте.

Сталин отвергает прежний план ведения операций против Деникина, намечавший наступление Красной армии на Новороссийск через Царицын и донские степи и грозивший нам явным провалом и поражением.

В письме Ленину Сталин выдвигает свой план, свои предложения разгрома белых армий.

„...На-днях главком дал Шорину директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн на Ростов“... [1]).

Этот план, предложенный тов. Сталиным, был принят Лениным и ЦК партии.

Смена руководства южным фронтом, проведение в жизнь намеченных тов. Сталиным мер по разгрому белых сразу благоприятно сказываются на положении на фронте. Уже через несколько недель конница Буденного подходит к Воронежу.

Вся тяжесть борьбы против двух конных корпусов белых—Шкуро и Мамонтова—легла на плечи частей 8-й армии и конного корпуса Буденного.

---

[1]) К. Ворошилов. „Сталин и Красная армия“.

Наши части, особенно 8-я армия, были уже значительно расшатаны бесконечными столкновениями с врагом, беспрерывными боями и переходами.

Одна из лучших боевых дивизий армии, 40-я Богучарская, вынесшая все тяжести сражений с значительно более сильным противником, особенно с кавалерией Мамонтова, потеряла больше половины своего командного состава.

В сентябре 1919 года в политсводке по 8-й армии о состоянии частей 40-й дивизии сообщалось:

„1-я бригада. Снабжение продовольствием, обмундированием, фуражом слабое. Недостаток обоза тормозит передвижение.

370-й полк. Недостаток вооружения, снаряжения, снарядов и лошадей. Пополнение без винтовок.

371-й полк. Отсутствие обоза.

372-й полк. Недостаток фуража.

373-й полк. Боеспособность понизилась вследствие больших потерь комсостава.

2-й кавдивизион. Недостаток людей, лошадей и транспорта.

Сапрота № 118. 50% плохо обмундировано, 25% совершенно раздеты. Острый недостаток медикаментов [1]).

Силы противника во много раз превосходили наши.

Белые собирали под Воронежем свои лучшие части.

Огромное число войск было брошено на оборону Воронежа от Красной армии—четыре конных корпуса, несколько дивизий и другие части. Против 8-й армии и корпуса Буденного было сосредоточено по меньшей мере 50-60 тысяч белых войск.

С 20 октября начались упорные бои за Воронеж, и пролетарская стратегия Сталина оправдала надежды страны.

В три раза превосходящие нашу армию силы противника были разгромлены и белые обращены в бегство, перейдя к паническому отступлению и под Орлом, и под Курском, и под Воронежем.

Наконец решительный удар был нанесен.

Богучарские полки были всегда в самых горячих, самых тяжелых сражениях этого периода и твердо отбивали атаки врага под Ростовом, Новороссийском—всюду, пока не была окончательно и навсегда сокрушена контрреволюция.

Богучарцы были именно теми из миллионов трудящихся, которые, как пишет М. Горький:

---

1) Архив Красной армии (копии в архиве Воронежского истпарта).

„... дрались почти голыми руками, полуголодные, полуодетые... против армии, которые организовали ученые царские генералы на средства помещиков и фабрикантов, против полков, где почти каждый рядовой был офицером. Дрались против специалистов войны, отлично вооруженных иностранными капиталистами".

Авторы этой книги сами руководили от начала до конца гражданской войны всеми этапами боевых операций, вынося на своих плечах не только все лишения и невзгоды походной фронтовой жизни, но и большую организаторскую работу по созданию сперва партизанских отрядов, а затем и отдельных регулярных частей Красной армии. Некоторые из авторов не раз были ранены в сражениях на южных фронтах б. ЦЧО, но ни один из них не выбывал из строя, из рядов армии, из рядов Богучарской дивизии.

Отсюда, особую ценность приобретают эти правдивые, подтвержденные фактами, взаимно проверенные рассказы авторов о боевых действиях Богучарской дивизии.

Конечно, эта книга далеко не исчерпывает всех этапов борьбы дивизии, ее походов и подвигов. Мало того, книга представляет собой больше человеческий документ, чем военно-историческое исследование, хотя к последним может быть отнесена работа В. Малаховского.

Таким образом. Истпарт изданием этой работы делает только первый шаг в описании гражданской войны на основе действий и борьбы отдельных военных соединений.

Вся выпущенная нами по истории гражданской войны литература страдала тем основным недостатком, что была скудна фактами непосредственных действий частей Красной армии, описывала общий ход борьбы, не давая самой борьбы, действительной жизни героев красных фронтов.

Конечно, мы должны оговориться, что и эта книга еще имеет немало недостатков и главный из них—все же некоторая сухость изложения, повторяемость, невольное стремление некоторых авторов поставить действия полка и даже дивизии изолированно от общего хода гражданской войны, недостаточное оттенение в нужных местах классовой природы борьбы и предательской контрреволюционной роли меньшевистско-эсерской своры (в статье Пархоменко).

Можно было бы указать еще на ряд дефектов, но не в этом суть. Главное,—картина героической борьбы богучарцев дана ярко и незабываемо. Мы старались зафиксировать ее так, как она вышла из-под пера авторов, сохраняя их стиль, их выражения.

Причем, особенно большое внимание было обращено только на одно,—на проверку фактов. С этой целью Истпартом были

собраны многие командиры и политработники дивизии, и они на ряде заседаний внесли свои поправки в печатаемый материал.

„Богучарцы" безусловно будут читаться с большим интересом и не только исследователем гражданской войны, но и широчайшими массами трудящихся, а особенно молодежью.

Большинство богучарцев является сейчас активными борцами на фронте социалистического строительства. Немало богучарцев передовиков-колхозников показывают образцы борьбы за урожай, за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства в деле выполнения всех обязательств перед социалистическим государством.

Как и на фронте гражданской войны, на социалистической стройке богучарцы идут впереди...

ВВЕДЕНИЕ

М. В. БОРИСОВ.

„Наша война,—писал Ленин,—является продолжением политики революции, политики свержения эксплоататоров—помещиков и капиталистов..."

„Не голосованиями, а гражданской войной решаются все серьезные вопросы политики, когда в порядке дня поставлена историей диктатура пролетариата...

Без такой войны из империалистического рабства не выйти".

Гражданская война являлась прямым продолжением Октябрьской революции.

Главной целью гражданской войны являлась борьба за упрочение советской власти, за торжество пролетарской диктатуры.

Крестьянство Богучарщины, как и всех других районов Советского союза, переходивших в известные моменты гражданской войны в руки белых, убедилось на собственном опыте, что без упрочения советской власти не могла быть выкорчевана помещичья собственность на землю, не могло быть уничтожено сословное и национальное неравенство, не могли стать свободными тружениками крестьяне, придавленные хищнической эксплоатацией великорусского помещика и зажиточного казака.

Поэтому власть советов была знаменем борьбы богучарских партизан.

Старик Скляров из слоб. Грушевой, захваченный в плен белогвардейцами во время первого их набега на Богучар, заявил своим палачам: „Вы пили и хотите пить нашу кровь, я погибаю, но советская власть будет жить".

Партизан Скляров говорил устами всех крестьян Богучарщины, только в жестокой войне с вековыми угнетателями видевших выход из тяжелого, невыносимого положения.

ЛИЦО КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

Гражданская война на Богучарщине отчетливо показывает расстановку классовых сил революции и контрреволюции.

В рядах белогвардейщины выступали помещики, городская и сельская буржуазия—предприниматели, владельцы

мельниц, ссыпщики хлеба, кулаки, гайдамаки, зажиточные казаки, служилые кадры царского строя—генералы, офицеры, полиция, жандармы, чиновники и попы.

Германские оккупационные отряды, достигшие пределов Богучарщины, являлись союзниками и организаторами казачьей контрреволюции.

В дальнейшем ходе гражданской войны главою всей южной белогвардейщины, временно занявшей Богучарщину, была Антанта.

Предательскую роль, как и везде, играла местная организация эсеров, являвшаяся пособником контрреволюции.

В своей борьбе против советской власти и большевистской партии эсеры смыкались с монархически настроенными элементами Богучара, возглавлявшимися штабс-капитаном Лихобабиным, городским головой Кравцовым и полицейским надзирателем Москалевым, которые держали тесную связь с казачьей контрреволюцией и подготовляли ее поход на Богучар.

Поведение богучарских эсеров не менее ярко подтверждает ленинскую характеристику демократической контрреволюции. „Называя себя социалистами,—говорил Ленин,—меньшевики и эсеры на деле—наемники белых, пособники помещиков и капиталистов“ (т. XXIV, стр. 434, по 2 и 3 изд.).

„Меньшевики и эсеры,—отмечал Ленин,—играли роль пособников монархии как прямых (министры, организаторы, проповедники), так и прикрытых (наиболее „тонкая“, наиболее подлая позиция Черновых и Мартовых, которые якобы умывали руки, а на деле работали пером против нас“ [1]).

Представители партии эсеров, входившие в Богучарский уисполком, отказались от борьбы с немецко-гайдамацкими оккупантами.

„Мы—избранники народа,—заявляли они,—немцы нам ничего не сделают, нам остается лишь встретить их с хлебом и солью“ (воспоминание Пархоменко).

Ленин говорил, что „кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистскими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины побили рекорд“.

Вот почему в ходе гражданской войны богучарские эсеры оказались штабом без армии. Все живое и честное ушло от них, сплотившись под знаменами коммунистической партии,

---

[1]) *Том XXVII, стр. 6, по 2 и 3 изд.*

которая возглавила борьбу трудящихся Богучарщины и против местной контрреволюции, и против немецко-гайдамацкой оккупации, и против казачьей контрреволиции, и против дени кинщины.

СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА.

Развитие гражданской войны на Богучарщине ярко обнаруживает ведущую роль пролетарских элементов на стороне сил революции. Они возглавляли советы, отряды партизан и полки богучарцев.

Руководящее ядро—тт. Пархоменко, Прокопенко, Ермоленко, Переяслов, Котляров, Шматко, Бондарев, Павловский, Корнеев и др.,—все это были выходцы из бедноты, батраков и рабочих. Немалое число их—шахтеры донецких рудников.

Пролетарские элементы, сплоченные в большевистской организации и вокруг нее, подняли на борьбу за власть советов многочисленные слои бедняцкого и батрацкого населения Богучарщины. Особое обострение гражданской войны на Богучарщине об'ясняется прежде всего ее положением на границе с Донской областью, которая с первых же дней Октябрьской революции сделалась ареной жесточайшей классовой борьбы.

Богучарщина—это восточная часть слободской Украины. Значительная часть ее населения состояла и состоит из украинцев, предки которых в XVII-XVIII вв. покинули коренную Украину после упорной борьбы с польскими панами.

Волна украинских переселенцев, дойдя до реки Дон и несколько дальше за Дон, у городов Павловска и Богучара, приостановилась, столкнувшись с коренным населением Донским казачеством, ранее осевшим по бассейну реки, с одной стороны, и с переселенческой волной—с севера России. Оттого и поселения украинцев и русских находятся здесь вперемежку, при значительном преобладании украинских слобод в южной части б. Воронежской губернии, прилегающей к области войска Донского.

Уйдя от кабалы польских панов, переселенцы из Украины попали в руки не менее хищных эксплоататоров—русских помещиков и зажиточных казаков. Это вызывало постоянное брожение и вспышки. Положение крестьян, зажатых в тиски отчаянной нужды и кабалы, сделалось безвыходным.

И это вылилось, наконец, в 1905—1906 годах в колоссальное по размерам аграрное движение. В 1905 году насчиты-

вается около 50 случаев крестьянских выступлений против помещичьего землевладения, а в 1906 году—80. Правительство жестоко расправлялось с участниками аграрных „беспорядков"—тюрьмы, ссылки, карательные отряды, экзекуции,—вот каков был язык самодержавия.

Несмотря на это, крестьянство Богучарщины не успокаивается. В годы мировой войны, на почве растущей дороговизны товаров, широкой волной прокатываются разгромы складов и лавок. Такие разгромы были в Лосево, в Бутурлиновке и в ряде других мест.

Фронт все время поддерживает тыл в таком настроении. Об этом можно судить из перехваченных писем. Письма призывают крестьян: „Общим настроением требуйте мира от правительства, а мы, пока оружие у нас в руках, поддержим наши общие интересы. Мы все сообща сделаем мир, а полиции не бойтесь. Мы узнаем, если они будут вас за это привлекать, то мы им, чортовым барбосам, головы посрываем, не бойтесь".

После Февральской революции крестьянство вступает в борьбу за землю с помещиками, со своими же односельчанами—кулаками, скупившими на основании столыпинского закона землю у бедноты. Кулаки сумели эти земли отрезать из лучших по качеству общинных фондов. Против отрубщиков крестьяне вели борьбу уже во время войны, но после Февральской революции эта борьба сделалась чрезвычайно острой и приняла широкие размеры.

Крестьяне слободской Украины в октябре 1917 года вступают на путь активной борьбы с помещиками. Начинается разгром имений и массовая рубка помещичьих лесов. И в первые дни после Октябрьской революции в земельных и продовольственных комитетах оставались старые заправилы—в большинстве эсеры. Поэтому крестьянство полагало, что возврата к старому не будет только в том случае, если будет окончательно сокрушено помещичье землевладение. Но вот руководство беднотой по организации ими сопротивления кулачеству берут на себя вернувшиеся солдаты-фронтовики. Организующаяся беднота разгоняет земские управы, избирая советы. Для этого в Богучарщине были особые условия. К моменту Октябрьской революции богучарские слободы и громадная часть их обитателей были разорены.

В Богучарщине было особенно крупное помещичье землевладение. Лишенные земли, крестьяне вынуждены были закабалять себя на работу у помещиков за мизерную плату, а на зиму уходили в шахты Донбасса. Таковы особые условия, которые подняли богучарского крестьянина одним из первых на борьбу за советскую власть, превратив его в мощный

барьер на пути южной контрреволюции на север и восток страны.

Вместе с тем развитие самой гражданской войны многому научило крестьянство Богучарщины. Здесь со всей силой подтвердилась ленинская мысль, что война есть не только „продолжение политики", но и „воспитание и обучение политике".

Школой для трудового крестьянства Богучарщины являлись германо-гайдамацкая оккупация, казачья и деникинская контрреволюция.

Оккупация несла богучарскому крестьянству хищнические реквизиции и контрибуции, разгон советов и массовые насилия над мирным населением.

Казачья и деникинская контрреволюция влекла за собой восстановление органов царской власти, реставрацию помещичьей и кулацкой кабалы, конфискацию жалких крестьянских пожитков и массовый жесточайший террор всего трудящегося населения и особенно советски настроенных элементов.

Крестьянам сл. Писаревки, где находилось имение крупного помещика Прутченко, было предложено восстановить барское добро, уплатив за недостающее в тройном размере.

Крестьяне Писаревки не могли этого выполнить, и 54 человека подверглись телесному наказанию.

Во время первого захвата белыми Богучарщины (1918 г.) по 14 волостям было конфисковано 1 326 лошадей и 1 043 рабочих вола. Здесь же было казнено 115 чел., а 213 подверглись телесному наказанию. Семьи бойцов богучарцев подверглись самым зверским истязаниям, а имущество их полной конфискации.

По городу Богучару было арестовано и заключено в тюрьму, по далеко не точным подсчетам, свыше 300 чел., которых каждую ночь расстреливали пачками по 15-20 чел., а 64 чел. было убито прикладами. Всем этим делом руководили слуги царского режима во главе с полковником Филипповым, полицейским надзирателем Москалевым и городским головой Кравцовым.

Вот почему росло и ширилось партизанское движение на Богучарщине.

Вот почему из партизанских отрядов выросли богучарские полки, бригады и, наконец, дивизия.

Вот почему при втором наступлении белых совершенно замерла Богучарщина: трудовое крестьянство почти поголовно со всем имуществом и домашним скарбом покидало родные насиженные места, уходя вслед за полками на север, куда не досягала рука белобандитов.

Уже во время первого захвата казаками Богучара в отдельных слободах (Дерезовка, Гороховатка и др) вспыхивали массовые крестьянские восстания против помещиков и буржуазии. Партизанские отряды вели с белыми в тылу настоящую войну, отвлекая ее силы и дезорганизуя связь между тылом и фронтом.

В этом заключалась одна из существенных причин неудач и поражений белых армий.

„Ни одна армия в мире,—писал в „Правде" тов. Сталин 28/XII 1919 г.,—не может победить без устойчивого тыла... Непрочность тыла контрреволюционных войск об'ясняется социальным характером правительства Деникина—Колчака. Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капиталиста, но и ярмо англо-французского капитала".

Благодаря революционному военному союзу пролетариата и крестьянства, Красная армия имела прочный тыл, прочные позиции на фронте, сочувствие, а порою и активную помощь крестьянского тыла белых.

В этом заключалась самая глубочайшая причина побед Красной армии, которая в отношении обученности, технической вооруженности и материального снабжения стояла ниже белой армии.

„Судьбы войны решаются,—говорил тов. Сталин в беседе с первой американской рабочей делегацией,—в последнем счете не техникой, которой обильно снабжали Колчака и Деникина враги СССР, а правильной политикой, сочувствием и поддержкой миллионных масс населения" [1]).

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ НА БОГУЧАРЩИНЕ. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

„Всякая революция,—говорил Ленин,—лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться".

Мы победили потому, что научились „защищаться" и создали Красную армию,—орудие пролетарской диктатуры.

В деле строительства Красной армии огромную роль играла революционная самодеятельность рабочих и крестьянских масс. Для отпора контрреволюционерам и интервентам массы, под руководством коммунистов и большевистски настроенных элементов, создавали многочисленные красногвар-

[1] *„Вопросы ленинизма"*.

дейские и партизанские отряды, которые в начале гражданской войны являлись основной вооруженной силой советской власти.

Такой революционный почин масс в огромной степени был облегчен тем, что они имели в своих руках оружие и военный опыт, приобретенные в результате империалистической войны, поставившей под ружье миллионы рабочих и крестьян.

Не меньшее значение здесь также сыграл унаследованный, „исключительный по своему богатству и разнообразию, опыт массовой борьбы трех революций". Относительно этого опыта Ленин говорил: „Ни в одной стране не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных сторон движения — легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического".

Развитие гражданской войны на Богучарщине дает нам яркий пример революционной самодеятельности трудящихся масс в строительстве вооруженных сил советской власти.

Формирование добровольческих партизанских отрядов началось на Богучарщине с января-февраля 1918 г. Создание этих отрядов было делом революционной инициативы большевистски настроенных солдат фронтовиков, возвратившихся на родину и убедившихся в том, что контрреволюционный режим керенщины еще существует здесь, что он пытается опереться на белогвардейские элементы, хлынувшие сюда с севера. И отряды ставили своей задачей — свержение власти контрреволюционеров в Богучаре, и для этой цели отряды по существу и создавались.

Следующим толчком в развитии партизанского движения на Богучарщине являлось немецко-гайдамацкое нашествие, разорявшее трудовое население реквизициями и контрибуциями и восстановившее власть контрреволюции.

Только на одном Таловском участке партизанского фронта против немцев-гайдамаков собралось до 1 000 добровольцев, вооруженных из местных запасов и при помощи штаба Южной завесы, а также уцелевшего снаряжения зазмурско тирасполь ских отрядов, трагически погибших от руки донской контрреволюции.

Историческое значение борьбы богучарских партизан этого периода состоит в том, что они, наряду с вооруженными силами Южной завесы, своей грудью приостановили немецко гайдамацкое движение на богучарском участке и дальнейшее распространение его на восток.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛКА.

Затем строительство вооруженных сил на Богучарщине идет под знаком подготовки к решительной схватке с донской казачьей контрреволюцией, возглавляемой ген. Красновым. Краснов окреп под прикрытием германской оккупации и ставил задачей распространить свою власть на весь юго-восток России, вплоть до Воронежа.

В июле 1918 г. под влиянием этой грозной опасности, богучарские партизаны перестраиваются в регулярный полк Красной армии, командиром которого штабом Южной завесы назначается солдат фронтовик 6-го Финляндского стрелкового полка Малаховский В. А., вступивший в ряды большевистской партии еще на фронте империалистической войны. До последнего назначения тов. Малаховский был членом ревкома 7-й армии, а затем командиром боевого участка ст. Пасеково, входившего в распоряжение штаба Южной завесы.

Окраинное положение Богучарского уезда—на стыке Донобласти, где поднялся открытый мятеж против советской власти, на стыке Украины, откуда угрожали немецко-гайдамацкие банды контрреволюции,—вот конкретная обстановка, которая способствовала осознанию широкими слоями трудящихся Богучарщины железной необходимости строительства Красной армии.

„Нам удалось достигнуть перелома,—говорил Ленин в октябре 1918 г.,—когда на месте 10-миллионной армии сплошь бежавшей, не вынесшей ужасов войны и понявшей, что эта война преступна, начала строиться, сотня тысяч за сотней тысяч, армия социалистическая, знающая, за что борется, и идущая на жертвы и лишения, больше чем было при царизме, но потому, что она знает, отстаивает свое дело, свою землю, свою власть, на фабрике, защищает власть трудящихся".

Красная армия строилась „на неразрывной близости, можно сказать—на неразрывной слитности советов с армией, на началах социалистической защиты и сознательности" (Ленин).

25154

Большевистская и советская организации Богучарщины принимали деятельнейшее участие в строительстве регулярного полка. Партизанские отряды, а затем роты и батальоны полка были скованы пролетарской дисциплиной лучших партийных и советских работников богучарщины, прошедших школу помещичьей кабалы и империалистической войны.

„Командный состав,—пишет Малаховский,—за исключением Рачкова, моего первого помощника, б. офицера авиации, местного крестьянина, весь поголовно был из местных же кре-

стьян, фронтовых унтер офицеров, подпрапорщиков или рядовых солдат, возвратившихся из окопов мировой войны и при приближении германцев ушедших в партизанские отряды".

В дальнейшем, с развертыванием Богучарской дивизии, многие из этих командиров рот и батальонов командовали полками дивизии.

Таким образом, в ходе гражданской войны выковывались из передовых пролетарских и крестьянских элементов кадры своих командиров, новой военной организации нового класса, взявшего в свои руки государственную власть.

Красная армия была „орудием просвещения крестьянства". И в период строительства партизанских отрядов, и в период строительства регулярного полка богучарская партийная организация уделяла большое внимание постановке политработы среди бойцов, держа с ними теснейшую связь, а затем посылая в ряды полка более развитых товарищей.

Так создавалась новая дисциплина—дисциплина Красной армии. Это была „не дисциплина палки и помещичья, а дисциплина советов рабочих и крестьянских депутатов" (Ленин).

Эта новая дисциплина „родилась только тогда,—подчеркивал Ленин,—когда эти десятки миллионов людей на собственном опыте увидели, что помещиков и капиталистов они сбросили сами, что строится новая жизнь, что они начали ее строить и что они эту жизнь построят, если не помешает иностранное нашествие".

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИВИЗИИ.

С августа 1918 г. по начало января 1919 г. Богучарщина подверглась нашествию донской казачьей контрреволюции и испытала все ее ужасы.

Когда весною и летом 1919 г. Богучарщине стала вновь угрожать об'единенная южная контрреволюция, возглавляемая царским генералом Деникиным и снаряженная Антантой, то здесь приходит в движение поголовно вся масса трудящихся Богучарщины и смежных с нею уездов.

По призыву коммунистической партии и уисполкома в Богучар стекаются из слобод сотни и тысячи добровольцев, готовых отдать свою жизнь для борьбы с белогвардейщиной.

Из этого массового потока добровольцев создается Богучарский резервный полк, а затем развертывается 40-я Богучарская стрелковая дивизия. Таков конечный результат партизанского движения на Богучарщине. Не везде оно поднималось на такую высоту.

Организация такой военной единицы, как дивизия, требовала военных специалистов, которые частью занимали посты и в основном Богучарском полку (Рачков—пом. комполка, Бовенко—командир батареи, Деникин—комбат 3 и др.).

Первым комдивом (месяца два) был Василенко, а затем, до самого разгрома деникинщины, дивизию возглавлял бывший царский генерал Грживо-Домбровский. Комбригами тоже были военные специалисты.

Задача использования военных специалистов в деле строительства Красной армии была достигнута путем организации политработы и партийно-политического аппарата внутри армии, путем создания института военных комиссаров, путем сочетания в роте, батальоне, полку, бригаде и дивизии военного специалиста и комиссара коммуниста, передового пролетария.

При организации дивизии богучарская парторганизация мобилизовала на политработу в ней до 90% своего состава. Первым военкомом дивизии был тов. Ермоленко, состоявший на этой должности вплоть до победного продвижения к Ростову-на-Дону. Первым военкомом третьей бригады был сам парторганизатор т. Пархоменко.

БОЕВАЯ ИСТОРИЯ ПОЛКА И ДИВИЗИИ.

Велик и славен боевой путь, пройденный Богучарским полком и Богучарской дивизией.

Исторической заслугой Богучарского полка в период второй половины 1918 г. является то, что он, будучи наиболее крепкой боевой единицей в юго-восточном углу Воронежской губернии, первый принял удары красновской контрреволюции и героическим сопротивлением на своих родных полях, наряду с другими частями Красной армии, преградил движение казачьей контрреволюции на Воронеж и вглубь Советской республики, еще переживавшей период формирования новой вооруженной силы.

Под натиском превосходных сил противника полк был вынужден покинуть пределы родного уезда и смежных с ним уездов, дававших пополнение полку, а затем дивизии и отошел к Острогожску.

Тяжелый период неравной борьбы, вырывавший из рядов полка десятки и сотни жизней, не сломил революционной решимости и дисциплины остальных бойцов.

В ноябре-декабре 1918 г., в связи с изменением международной обстановки (германская революция) и укреп-

лением советской власти по всей России, наступает полоса под'ема и расширения плацдарма пролетарской революции.

На всех фронтах Советской республики открывается наступление. Красновская контрреволюция, утратившая поддержку германских оккупантов и готовая продать себя англо-французскому империализму, также начала отступать под ударами Красной армии и партизанских отрядов, бивших белоказаков с фронта и тыла.

В этом разгроме красновской контрреволюции огромное значение принадлежит Богучарскому полку и партизанам востока слободской Украины. В пределах Острогожского уезда полк начосит ряд сокрушительных ударов по Южной армии ген. Иванова, и, восторженно встречаемый населением слободской Украины, при его активной поддержке партизанскими действиями, через Сагуны победоносно продвигается к Павловску, выручает из когтей белоказаков родной Богучар (конец декабря—начало января 1919 г.), а затем, неотступно идя по пятам красновцев, вместе с другими частями Красной армии спускается вглубь Донобласти, доходя до подступов к Новочеркасску—столице казачьей контрреволюции (март—апрель 1919 г.). Но победа над Германией развязала руки Антанте и она организует весной 1919 года первый большой комбинированный поход против Советской республики. Снарядив Колчака, Антанта бешено работает по сколачиванию белых армий и на севере, и на северо-западе, и на юге России. Донская казачья контрреволюция, находившаяся на грани полного разгрома, получает новое подкрепление со стороны белой армии Деникина и вновь начинает оказывать упорное сопротивление.

В глубоком же тылу Красной армии, действовавшей на южном фронте, в станицах Казанской, Вешенской и Мигулинской, вспыхивает контрреволюционный казачий мятеж против советской власти.

Казачья Вандея приобретает широкий размах. Впоследствии для ее подавления снимается с южного фронта ряд боевых единиц, в том числе Богучарский полк.

Один из авторов этой книги т. Малаховский ставит очень интересный и важный вопрос: почему не удалось раздавить до конца красновцев, а затем подавить тыловую казачью Вандею? Читатель увидит, что автор видит одну из существенных причин наших неудач этого периода в медлительности действий оперативного руководства и в тактике выравнивания фронта, с одной стороны, а с другой—в неблагоприятных условиях времени года—в распутице и бездорожьи и в сравнительно высокой боеспособности казаков.

Все эти обстоятельства, несомненно, заслуживают внимания. Но автор недоговаривает других условий, повлекших наши неудачи на южном фронте.

К ним относятся—недостаточная предварительная оценка политической обстановки на южном фронте, недооценка крестьянских движений на Дону, Кубани и Украине, и политические ошибки, допущенные в этих местах, колебания середняка и отсюда широкий размах кулацких восстаний (вешенское восстание, григорьевщина и махновщина), неизбежно приводивших к дезорганизации нашего южного фронта.

Кроме того, должно быть учтено тяжелое экономическое положение страны, не дававшее возможности наладить сколько-нибудь сносное снабжение фронта, активизация белогвардейщины на всех других фронтах, особенно на восточном (Колчак).

Далее следует иметь в виду огромную пространственность южного фронта, наличие в нем трех географических театров действий, политическое и стратегическое значение которых в отдельности не было достаточно учтено нашим командованием. Имела место недооценка роли борьбы за Донбасс, как промышленного пролетарского района. В то же время была допущена неверная оценка наступательных и оборонительных качеств донского войска. Противник обладал крупными конными частями, позволявшими ему делать быстрые маневры и успешно бороться с пространственностью театра войны, на его стороне было сочувствие населения, так как театр военных действий передвинулся в Донскую область.

Наконец, также нельзя обойти молчанием неверную стратегическую установку нашего командования, заключавшуюся в желании нанести разгром сил южной контрреволюции одним ударом от Воронежа к Царицыну и Ростову, вместо ряда последовательных и строго разграниченных операций [1]).

В борьбе по ликвидации вешенского восстания Богучарский полк проявил особую активность. Эта активность определялась, с одной стороны, сознанием бойцами величайшей опасности, которая грозила родной Богучарщине от казачьей контрреволюции, а с другой—сравнительно лучшим знанием богучарцами бытового уклада жизни казачества и пробретенным опытом борьбы с ним в предшествующий период.

Возращаясь с юга из под ст. Каменской, полк включился в оперативный план первой бригады экспедиционной дивизии 8-й армии, занял Скильное и Мешковскую, а затем в конце ап-

---

[1]) *См. А. И. Егоров, „Разгром Деникина".*

реля—начале мая подошел с боями к самому сердцу восстания—ст. Вешенской.

Но закрепиться в ст. Вешенской богучарцы не смогли. Другие части экспедиционной дивизии не проявляли достаточной устойчивости в борьбе с восставшими, которые имели к началу мая 30 000 бойцов при 27 пулеметах и 6 орудиях.

К тому же в начале июля на помощь восставшим подошла Донская армия, прорвавшаяся из-под ст. Каменской и Луганска. В это же время в штаб экспедиционной дивизии проникли предатели (офицер Стрижак и др.) и вызвали паническое отступление дивизии.

С тяжелыми боями, окруженный со всех сторон, Богучарский полк был вынужден отступить вместе с дивизией на территорию Павловского уезда.

К началу июля все части экспедиционной дивизии, в том числе и 103 й Богучарской полк, отходят на север, укрепляясь на ж.-д. линии Абрамовка—Таловая—Хреновое. Сюда вслед за отсупающими полками прибывают сотни и тысячи добровольцев и беженцев из Калачеевского, Павловского и особенно Богучарского уездов, еще в 1918 г. испытавших кровавую диктатуру белогвардейцев.

Здесь происходит переформирование экспедиционной дивизии в 40 ю стрелковую дивизию. В нее вливаются свежие силы добровольцев, беженцев и мобилизованных Богучарщины и смежных с нею уездов 103 й Богучарский полк, принявший теперь название 353-го, являлся наиболее крепкой боевой единицей дивизии. Богучарцы—добровольцы, бойцы и вышедшие из их рядов командиры были ведущим началом дивизии. Поэтому ей за боевые заслуги и было присвоено впоследствии почетное название „Богучарская".

С момента сформирования и до исхода генерального сражения с Деникиным дивизия все время находилась на самом левом фланге 8 й армии, на стыке 9-й армии. Известно, что с момента отката красных войск из-под Луганска и ст. Каменской этот стык являлся самым больным и тревожным участком всего южного фронта. 9-я армия, более всего пострадавшая при отступлении, долго не могла собраться с силами и не могла обеспечивать должным образом фланг 8-й армии.

Именно в этот разрыв между 8-й и 9-й армиями двинулась в начале августа конница ген. Мамонтова, ударив по 358 и 357 полкам третьей бригады Богучарской дивизии (см. воспоминания Пархоменко, Ермоленко и Малаховского).

Несмотря на необычайный героизм этих богучарских полков, задержать противника, имевшего огромное численное и техническое превосходство, не удалось.

До настоящего времени в нашей литературе господствует взгляд, что Мамонтов, взяв направление своего рейда на Тамбов вместо ст. Лиски, нарушил директиву Деникина по мотивам личного честолюбия, желая первым в'ехать в Москву (см. А. И. Егоров, „Разгром Деникина").

Публикуемые воспоминания, особенно т. Ермоленко, по нашему мнению, дают основание подойти к освещению этого вопроса с другой стороны.

Имелась ли для Мамонтова реальная возможность сломить сопротивление красных частей, находившихся на путях к ст. Лиски?

Воспоминания военкомдива 40 т. Ермоленко показывают, что Мамонтов, прорвавшись между р. Савала и ст. Колено, пытался овладеть ст. Таловой, но здесь он встретил упорное сопротивление полков 40-й Богучарской дивизии, и эта операция ему не удалась.

Овладев внезапно Александровским поселком, в 10-12 километрах на север от Таловой, где находился штадив 40, Мамонтов берет направление на запад, на Н. Чиглу, куда отступил штадив, но здесь он получил от богучарцев такой решительный отпор, что вынужден был резко изменить свое движение, взяв северо-восточное направление—Бирюченский поселок—Артюшкино—Макарово—Костин Отделец—Братки по р. Савала. Следовательно, нарушение Мамонтовым деникинской директивы было обусловлено не только честолюбивыми замыслами казачьего генерала, но и решительным сопротивлением полков 40-й дивизии. В этом последнем факте заключается огромная боевая заслуга бойцов и командиров богучарцев, которые предотвратили возможный разгром 8-й армии и внезапный набег Мамонтова на Воронеж.

Мамонтов уходит далеко на север, в Тамбов и Козлов, а в это время, по распоряжению штарма 8, Богучарская дивизия вместе с другими частями переходит в наступление захватывая в свои руки г. Павловск и держась там до начала октября—до второго рейда Мамонтова на ст. Таловую.

В начале сентября вторая бригада дивизии была переброшена в район ст. Лиски—Коротояк, где пытался прорваться корпус Мамонтова, уже заканчивающий свой рейд. Бригада выдержала натиск мамонтовой конницы, сохранив Лиски в своих руках. Мамонтов, как известно, соединился со Шкуро у с. Осадчино, в районе Репьевки.

В дальнейшем эта бригада участвовала в боях в районе Коротояка против об'единенных корпусов Мамонтова и Шкуро, двинувшихся на Воронеж. Здесь она нанесла серьезный урон известной Тульской дивизии противника.

После этого Шкуро берет направление на Нижнедевицк и Воронеж, а Мамонтов, прорвав фронт 8-й армии в районе Левой Россоши, совершает рейд на ст. Таловую, а оттуда через с. Московское идет на Воронеж. Положение 8-й армии в этот момент было крайне тяжелым. Штарм потерял связь со штабом фронта, не говоря уже о связи и сообщениях между дивизиями, бригадами и полками

Вторая бригада Богучарской дивизии, потерявшая в боях с мамонтовцами и шкуровцами до половины своего состава, направилась из Коротояка в район г. Боброва. Первая же и третья бригады, под яростным натиском противника, ведут кровопролитнейшие бои, отступая из района Павловск—Калач в район ст. Анна. При этом особенно большой урон потерпела первая бригада, ибо, находясь на крайнем левом фланге 8-й армии, она попрежнему не имела надлежащего взаимодействия с обессиленными частями 9-й армии.

8-ю армию выводит из критического положения конкорпус тов. Буденного, переданный с фронта 9-й армии в район Воронежа и занявший последний в двадцатых числах октября. Нажим белых по фронту 8-й армии ослабевает, части 8-й армии, в том числе и Богучарская дивизия, пользуясь этим, отдыхают, приводят себя в боеспособное состояние.

В конце октября и начале ноября силы деникинцев под Орлом выдохлись, ряды их дрогнули и они покатились обратно на юг. В это же время в районе ст. Касторное Буденный наносит сокрушительный удар белой коннице.

Одновременно к середине ноября 8 я армия ликвидирует наступление белых по всему своему фронту, а 40-я Богучарская дивизия одной из первых переходит в наступление, разбивая у Чесменки два полка белых и захватывая до 400 пленных. В дальнейшем богучарцы занимают Бобров, Хреновую, переходят ж.-д. линию Лиски—Таловая, переправляются через Битюг и Дон, очищают от белых Павловск и разрывают их фронт у ст. Евстратовка, что имело огромное значение для победоносного продвижения на юг всей 8-й армии.

Разгромив в начале декабря группу ген. Старикова и оттеснив ген. Гусельщикова от ст. Кантемировка, Богучарская дивизия маршем движется к станицам Гундоровской и Каменской, а затем к ст. Лихой и Александро-Грушевской, где у хут. Несветай рассчитывается с мамонтовцами за их внезапный набег на Александровский поселок, причинивший в свое время также тяжелые потери.

В дальнейшем богучарцы принимают активное участие в боевых операциях под Ростовом-на-Дону. Здесь-то в январе 1920 г. и дается дивизии почетное название „Богучарская".

Вплоть почти до самого Новороссийска гонят белых богучарцы, а затем получают боевое задание—выловить остатки белогвардейцев в горах Кавказа.

Отсюда Богучарская дивизия получает направление на польский фронт, но выход из Крыма врангелевской армии меняет это направление. Богучарцы принимают участие в операциях против Врангеля, а затем по ликвидации его сил бросаются на борьбу с махновщиной.

ВОЕННО-ТАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ БОГУЧАРЦЕВ.

В заключение необходимо несколько остановиться на военно-тактическом опыте Богучарской дивизии.

Она, как и многие другие формирования Красной армии периода гражданской войны, имела ту особенность, что в основном возникла из добровольческих, партизанских отрядов Богучарщины и смежных с нею уездов слободской Украины. Бойцы отдельных звеньев полков являлись односельчанами или соседями по местности, хорошо знающими друг друга. Огромная часть низшего и значительная часть среднего комсостава тоже были своими людьми, имевшими природную сметку и опыт империалистической войны.

Все это создавало необычайную спайку бойцов между собой и бойцов с командирами. Богучарец доставался врагу только мертвым, и притом и тела убитых богучарцы старались не оставлять в руках противника.

Как и все формирования, имевшие своим источником партизанские и добровольческие кадры, отдельные части Богучарской дивизии проявляли в ходе войны специфическую, присущую партизанству, инициативу и изворотливость. Нередко даже отдельные командиры ставили себе самостоятельные задачи, иногда идущие вразрез с директивами командования. С другой стороны, эта инициатива и изворотливость приводили к тому, что в условиях вообще слабого материально-технического снабжения армии богучарские полки и бригады были порою лучше снабжены боеприпасами, нежели соседние с ними части. В дивизии сложилась традиция: богучарцы сами добывают вооружение и сами обеспечивают необходимое снабжение. Поэтому в боевых донесениях не было принято писать о захваченных трофеях или потерях снаряжения.

Характернейшей чертой гражданской войны являлось то обстоятельство, что она велась на всей необ'ятной территории России, и что в ее ходе в силу этого отсутствовали

сплошные фронты. В гражданской войне мы наблюдаем необычайную маневренность. Опыт ее богат фланговыми и тыловыми ударами и рейдами, а также стремительными внезапными ударами. Эти особенности также были обусловлены особым характером войны и качества „новой военной организации нового класса".

Рассматривая боевую историю 103-го Богучарского полка, затем 40-й Богучарской дивизии, следует отметить, что подобного рода тактические приемы были излюбленным методом борьбы богучарцев с противником. Благодаря этому, они неоднократно производили разгром превосходных сил врага или с успехом выходили из неблагоприятной боевой обстановки.

К числу других особенностей гражданской войны относится практика ночных боев.

Все эти ночные действия заканчивались полным успехом для богучарцев.

„До сих пор,—говорил тов. Фрунзе,—практика ночных боев особенно широкого рапространения не имела, о чем можно только пожалеть. Те случаи ночных боев, которые имели место в японской, затем в европейской и в нашей гражданской войне, говорят, безусловно, в их пользу. В подавляющем большинстве случаев они давали положительные результаты. Конечно, для получения удачных результатов от войск требуются особенная выдержка, моральная устойчивость и доблесть" (т. I, стр. 249).

Именно благодаря этим качествам богучарцы и выигрывали ночные бои.

Наконец следует отметить и такую особенность боевого опыта богучарцев, когда они подкрепляли свои строевые силы добровольно привлекаемым населением той местности, преимущественно на слободской Украине, где велись бои, вооружая его всеми известными патриархальными орудиями—вилами, топорами, косами и т. п.

Воспоминания показывают, что это производило на противника ошеломляющее действие.

Разумеется, подобный тактический прием стал лишь возможным для Красной армии, которая строилась „на неразрывной близости, можно сказать, на неразрывной слитности советов с армией", на неразрывной близости и слитности ее с трудящимися массами и их глубочайшими жизненными интересами.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ПАРТИИ.

И. П. ПАРХОМЕНКО.

Февральская революция мало изменила политическое лицо Богучара. Да это и вполне понятно, если учесть, что это был мещанский, захолустный городок, расположенный в шестидесяти километрах от железной дороги.

Лишь в конце марта в городе был проведен первый многолюдный митинг, привлекший крестьянство ближайших окрестных сел. Его инициатором являлся Данцев П. В.

По возвращении с фронта офицера Лелекина М. В. (эсера) и приезда курсистки Баранниковой (эсерки), имевших в прошлом богатый революционный опыт, общественная жизнь в городе заметно оживилась.

В этот же период был организован и первый совет г. Богучара во главе с Данцевым. Нужно заметить, что этот совет был встречен в штыки монархистами и буржуазией города. Имели даже место попытки его разгрома. Совет не имел связи с беднейшими элементами города и деревни. Вскоре член совета Лелекин выбыл на фронт, а Баранникова, избранная заместителем уездного комиссара Временного правительства, не уделяла внимания работе совета. Остался один Данцев в окружении контрреволюционных элементов. Совет, оторванный от масс, потерял свое значение, сделавшись придаточным органом Временного правительства.

Таково было положение в Богучаре вплоть до осени 1917 г.

Октябрьские события привели в бешенство богучарскую буржуазию и монархистов. Экстренно созванное собрание членов земской управы и городской думы вынесло постановление о создании отряда для посылки в помощь генералу Корнилову

В ответ на это Данцев обратился с воззванием к населению уезда, разоблачая замыслы контрреволюционеров. Посылка отряда не состоялась.

После Октябрьского переворота Богучарский совет стал пополняться прибывающими солдатами фронтовиками старой армии.

Число сторонников Данцева стало увеличиваться. Так прибыли и вошли в состав совета Белогубов, братья Снитькины, Власенко, Шепелев и др.

Прибывшие товарищи поставили во всю ширь вопрос о реорганизации местных органов власти на основе декрета Совнаркома.

21 ноября 1917 г. было созвано об'единенное собрание земской городской управы, куда прибыли члены совета во главе с Данцевым и Белогубовым.

На этом собрании Данцев категорически потребовал передачи власти совету. Это требование вызвало яростное негодование и отпор со стороны представителей буржуазии.

И учреждения временного правительства, находившиеся под влиянием и руководством махровых черносотенцев, продолжали работу.

Председателем продовольственной управы был Романовский (кадет), председателем земской управы—учитель Девяткин (кадет), уездным комиссаром—Попов (правый эсер). Эти организации пытались дискредитировать совет в глазах населения. Продовольственная управа, искусственно задерживая отпуск товаров населению, распространяла слухи, что это делается по распоряжению совета. Подобного рода провокации ставили в очень затруднительное положение работу совета, вызывая враждебное к нему отношение, доходившее едва не до открытого выступления и разгрома последнего.

Сельские советы возникли на Богучарщине очень поздно, в январе 1918 г. Их организовывали прибывающие в деревню солдаты-фронтовики демобилизуемой царской армии. Сельские советы возникали стихийно. Наряду с ними действовали и волостные земства. В январе 1918 г. городской совет преобразовался во временный уездный совет.

Он приступил к выработке плана создания волисполкомов и работе по созыву уездного с'езда советов. С этой целью был командирован на места ряд активных членов Богучарского совета.

Кроме того, во все населенные пункты уезда была направлена особая инструкция о порядке выборов депутатов. Командированным членам совета был дан следующий наказ:

а) об'ехать все населенные пункты: села, хутора и деревни;

б) раз'яснить населению значение созываемого с'езда и инструкцию по выборам;

в) предложить волостным земствам, сельским комитетам и сельским советам немедленно приступить к выборам представителей на уездный с'езд;

г) сообщить о ходе порученной работы уездному совету.

Особенно активно провел подготовительную работу член совета Власенко К. И., уроженец слоб. Песковатки.

Эта работа была закончена к 25 февраля 1918 года. 14 марта 1918 г. был созван первый с'езд советов, на котором присутствовало 342 делегата. С'езд продолжался четыре дня, был избран уездный совет в 78 человек, выделивший из своего состава уисполком в 15 человек.

С этого момента начинается большевистский этап в работе совета.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В УЕЗДЕ В 1918 ГОДУ.

Планомерная партийная работа в Богучарском уезде началась лишь в марте 1918 г.

Первой задачей было установление руководства периодической печатью. В уисполкоме был поставлен вопрос об издании газеты „Известия".

Для печатания газеты была использована частновладельческая типография. Изданием газеты парторганизация держала население уезда в курсе событий текущего момента. Через газету проводилась вербовка добровольцев в ряды партизан, а затем в ряды Богучарского полка. Газета имела тираж до 1 000 экз.

Второй задачей являлась вербовка в ряды партии. В течение марта—начала апреля 1918 г. в партию вступили 6 членов уисполкома: Шепелев М. И., Белогубов, Гармашев, Буртыкин. Правдин и Данцев П. В.

В красногвардейском отряде проводилась политико-воспитательная работа.

К 1 мая 1918 г. в отряде уже насчитывалось 23 сочувствующих, в том числе весь командный состав этого отряда—Прокопенко, Ковалев, Корнеев, Захаржевский и Курганский.

Вторжение в уезд немецко-гайдамацких банд, а также контрреволюционные замыслы донского казачества выдвинули вопрос о срочном созыве партконференции, но в связи с событиями на фронтах Богучара эта конференция, намечавшаяся на 12 мая, не состоялась. Парткомитет так и не был оформлен. В дальнейшем партработа была развернута на селе.

В партию вступили в сл. Журавка—Линцов Т., Залиман, Цибулин; Монастырщина—И. Пешков; Абросимово—Мосенков; Данцевка—Вдовенко и Павловский; Талы—Клочков; Каразеево—Толокно; Галиевка—Галеев; Грушевое—Чалекко. Таков был первоначальный состав парторганизации уезда.

В дальнейшем он расширялся за счет вербовки сочувствующих из красногвардейцев Богучарского полка. К августу

1918 г. партийный состав вместе с сочувствующими возрос до 80 чел.—8 членов партии и 72 сочувствующих.

В июле 1918 г. была проведена партконференция и избран парткомитет в составе Пархоменко, Шепелева, Бурты-кина, Белогубова, Гармашева, Данцева и Разуменко.

Придавая первостепенное значение борьбе с контрреволюцией, парторганизация уделяла большую часть своих сил проведению боевых операций как на немецко-гайдамацком фронте, так и на казачьем, беря отряды партизан под свое непосредственное руководство и выделяя на каждый участок фронта своих политических руководителей.

Свое влияние на массы крестьянства парторганизация проводила, главным образом, через местную печать и путем устройства сельских митингов, где популяризировались идеи компартии и стоящие перед ней практические задачи.

Молодой большевистской организации приходилось вести постоянную острую борьбу с партией эсеров, руководителями которой были: Попов (врач), Баранникова (курсистка), Плотников и Новохатский (офицеры) и др.

Эта эсеровская группа держала связь с военруком штабс-капитаном Лихобабиным, об'единявшим всех местных монархистов-офицеров.

Наряду с эсеровской группой в Богучаре активно действовала и монархическая группа во главе с Москалевым (помощн. надзират.), Кравцовым (городской голова) и Латвинским (аптекарь). Она держала тесную связь со станицей Казанской и Новочеркасском—столицей донской контрреволюции.

Обе контрреволюционные группы в самых разнообразных формах боролись против советской власти и коммунистической партии. Буржуазия пыталась даже арестовать парткомитет, сорвать с'езд советов, разоружить Богучарский полк и арестовать его комсостав во главе с Малаховским.

Недостаточность организованных революционных сил, а также напряженная обстановка на фронтах не давали нам возможности сразу принять решительные меры в отношении контрреволюционеров. Из'ятие этих элементов происходило постепенно и затянулось.

9 августа 1918 г. Богучарский полк и другие войсковые части под натиском казачьей и местной контрреволюции оставили пределы Богучарского уезда. Парторганизация мобилизовала себя целиком на борьбу с контрреволюцией, влившись в ряды Богучарского полка.

РАБОТА СОВЕТОВ В 1918 ГОДУ.

Избранный первым с'ездом советов (18 марта 1918 г.) уисполком состоял из следующих товарищей: Данцев П. В.— председатель (большевистски настроенный), члены—Пархоменко (организатор компартии), врач Попов (л. э-р.), Баранникова (эсерка), Буртыкин (сочувствующий компартии), Шепелев (большевистски настроеный), Белогубов (большевистски настроенный), Шевцов (большевистски настроенный), подпрапорщик Новохатский (эсер), бывш. офицер Плотников (эсер), Сумин (эсер), чиновник Осотский (эсер), Лавченко (беспартийный), агроном Ермоленко М. И. (эсер), крестьянин Власенко (эсер) и Правдин (большевик).

Уисполком принял постановление об организации добровольческого отряда в количестве 100 человек На отряд возлагалась охрана советских учреждений и поддержание революционного порядка в городе и уезде. Инструктором отряда был назначен Прокопенко.

Силами отряда была произведена конфискация дома купца-миллионера Куранова, где разместились все советские учреждения города. Далее был из'ят из ведения воинского начальника ружейный склад и по всему уезду началось из'ятие оружия у местной буржуазии и офицерства.

Так, в Кантемировке у некого Шаповалова был обнаружен целый склад огнестрельного оружия и обмундирования.

Для обеспечения выплаты зарплаты бойцам отряда и служащим совучреждений на местную буржуазию была наложена контрибуция в 500 000 руб., почти полностью собранная.

В дальнейшем, вплоть до отступления из уезда (9 августа 1918 г.), работа уисполкома заключалась в укреплении низовых органов соввласти, в руководстве хозяйственной жизнью уезда, а также в создании отрядов добровольцев для защиты границ уезда.

Уисполком принимал меры к недопущению хищнического разорения имений бежавших помещиков, посылая туда охрану и инструкторов.

В июле 1918 г. по постановлению уисполкома была проведена мобилизация на уборку урожая в помещичьих экономиях, оставленных владельцами.

С момента появления в уезде немецко-гайдамацких банд военные вопросы поглощали все силы уисполкома. Первой задачей в этом направлении было укрепление таловскогое фронта и снабжение его боеприпасами. В этом деле активно участие принимал председатель уисполкома Данцев, пользовавшийся большой популярностью среди населения уезда.

В июне, в связи с нарастающей опасностью донской контрреволюции, перед усполкомом стал вопрос об организации Богучарского полка. Этот вопрос был предметом обсуждения экстренно созванного с'езда советов.

Необходимость с'езда также вызывалась и тем, что члены уездного совета первого состава в большинстве своем ушли в партизанские и добровольческие отряды. Кроме того, проводилось выделение самостоятельного Калачеевского уезда.

С'езд состоялся в июле 1918 г. Присутствовало 300 делегатов. В центре внимания с'езда стояли вопросы о политическом положении уезда и организации регулярного Богучарского полка.

Личный состав уисполкома мало изменился: вновь вошли в его состав Чернухин Стрижененко, Линцов, Передерьев, Рябов, Иванов и Проценко.

Характеризуя работу советов в 1918 г., нужно отметить, что эта работа в условиях окружения уезда контрреволюцией и активности местных контрреволюционеров имела преимущественно военный характер.

НЕМЕЦКО-ГАЙДАМАЦКАЯ ОККУПАЦИЯ И КАЗАЧЬЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ.

Начало немецко-гайдамацкой оккупации Богучарского уезда относится к первым числам мая нов. ст. 1918 г.

Нашествию немцев и гайдамаков предшествовала волна беженцев и отступающих с Украины дезорганизованных отрядов солдат бывшей царской армии. Среди населения уезда широко распространялись вести о грабежах, которые чинили немцы, забирая хлеб, скот и домашнее имущество крестьян.

Отступающие с Украины отряды двигались на восток по северной части Донской области.

Одним из таких отрядов был Заамурско-Тираспольский отряд под командой Венедиктова. В отряде насчитывалось около 3 000 чел. при нескольких десятках орудий. Отряд шел через Чертково на станицы Казанская и Вешки и своим небольшим фланговым кавалерийским крылом в составе двух эскадронов в 240 чел. держал направление на Богучар.

Отряд отступал на восток под натиском немцев, шедших по его пятам и занимавших вслед за ним станции Ю.-В. ж. д.

Таким образом, немцами к были заняты к началу мая 1918 г. ст. Чертково и Кантемировка.

Необходимо отметить, что в период движения немцев к границам Донской области и Воронежской губернии в казачь-

их станицах шло уже скрытое брожение. Среди казачества широко популяризировалась идея создания независимого войска Донского. Таким образом, к этому моменту на Донщине уже была подготовлена достаточная почва для контрреволюционного восстания против советской власти.

Заамурско-Тираспольский отряд, сильно утомленный большим переходом и не знавший подлинных настроений и замыслов казачества, попал в ловушку и был разоружен казаками в станицах Казанке и Мешковской.

Часть отряда, состоявшая из китайцев, была расстреляна во время сна, а другая часть раздета и заперта в сараях и затем отправлена в Новочеркасск.

Разоружение отряда шло наряду с вооружением казачества. По этому случаю в ст. Мешковской контрреволюционеры организовали благодарственный молебен, где поп выступил с проповедью, требуя сожжения живых, запертых в сараях солдат, как большевиков. И лишь случайность, а именно боязнь сжечь станицу, ввиду сильного ветра, остановила белогвардейцев от приведения в жизнь этого жесточайшего зверства.

Весть об аресте и разоружении отряда была получена в Богучаре 3 мая от прибывшего конного отряда тираспольцев, командиры которого тотчас же обратились к предкомитета коммунистической партии Пархоменко и к председателю исполкома Данцеву с просьбой принять меры к освобождению отряда и посылке с этой целью особой делегации в ст. Казанку.

На экстренном заседании уисполкома было решено выслать делегацию. Это мероприятие также вызывалось и тем обстоятельством, что казаки совершали набеги на пограничные села Богучарщины (Глубокое, Белые горки), где занимались грабежами и насилованием женщин.

Появление немцев-гайдамаков на территории Богучарщины и явно контрреволюционное настроение донского казачества создали угрожающее положение в уезде.

Уже в местной газете „Известия“ от 5 мая 1918 г (№ 16) и в ряде последующих номеров были помещены воззвания, призывающие всех сочувствующих советской власти вступать в партию, укреплять в Богучаре советскую власть и создавать оборону против наступающей контрреволюции.

Ввиду того, что поездка в Казанку была сопряжена с большим риском для жизни и что большинство уисполкома состояло из эсеров и колеблющихся, то ехать туда никто не соглашался. Тогда эту миссию взял на себя парторганизатор Пархоменко. Вместе с ним выехал Сармин.

На пути, в селе Глубоком, делегация получила первые сведения о положении в Казанке и о насилиях над тираспольцами, произведенных белоказаками.

5 мая, рано утром, в окрестностях Казанки делегация была встречена кавалерийским казачьим раз'ездом в 15 чел. с обнаженными шашками. Начальник раз'езда, ознакомившись с целями делегации, препроводил ее при своей охране в ст. Казанку.

Настроение казачества, высыпавшего толпами на улицы станицы, было явно враждебное.

По адресу делегации слышались возгласы: „Попались, голубчики".

И лишь вооруженная охрана. сопровождавшая до станичного управления, спасла нас от самосуда толпы.

Возле станичного управления стояла тысячная толпа восставших казаков.

Делегация была представлена полковнику полевого суда, который, ознакомившись с документами, дал нам разрешение войти в помещение станичного правления.

Правление станицы состояло из офицеров и казачьих урядников. По стенам были развешены портреты персон дома Романовых. Эта обстановка ярко свидетельствовала о царящих здесь настроениях.

Перед станичным правлением были поставлены два вопроса: 1) о прекращении казачьих набегов на пограничные села Богучарщины, 2) об освобождении тираспольских отрядов.

Последний вопрос вызвал со стороны офицерства возмущение. Делегацию обвиняли, что она защищает большевиков и сама является большевистской. Таким образом, наши переговоры закончились безрезультатно.

Делегация еле вырвалась из рук белоказаков и прибыла в Богучар 5 же мая.

В этот момент в Богучар был получен ряд телеграмм и донесение о занятии немцами ст. Кантемировки и их движении на Богучар.

6 мая было созвано экстренное заседание уисполкома и поставлен вопрос об обороне уезда. Значительная часть членов уисполкома, состоящая из эсеров, отказалась от активной обороны уезда, заявив, что „мы—избранники народа, немцы нам ничего не сделают, нам остается лишь встретить их с хлебом солью".

Другая же часть уисполкома взялась со всей энергией за организацию революционной обороны уезда.

К этому моменту вооруженные силы, находившиеся в распоряжении уисполкома, насчитывали до 200 добровольцев-

партизан. Часть из них была разбросана по уезду для поддержания порядка.

Навстречу немцам под сл. Талы мы направили отряд под командой Прокопенко и Бондарева. Кроме того, небольшой отряд под командой Шматко выступил на ст. Кантемировка.

Для руководства делом отпора немецко гайдамацких банд, по решению уисполкома, была создана особая военная тройка в составе Пархоменко, Сармина и Ермоленко.

Тройка выпустила приказ-воззвание, в котором подчеркивалось наступление грозного часа испытаний для молодой советской власти Богучарщины и описывались все ужасы немецко-гайдамацкого нашествия.

Население призывалось выступить на защиту завоеваний Октябрьской революции. Одновременно давался ряд практических указаний по защите и организации сопротивления немецкому нашествию.

При наступлении противника предлагалось немедленно уничтожить важные документы советских и других организаций, увезти имущество, хлеб и скот в безопасные места, а при крайней необходимости даже уничтожать его на месте; задерживать всех подозрительных лиц и направлять их в Богучар, расстреливая сопротивляющихся на месте; сформировать партизанские отряды, устанавливая связь с Богучаром и между селами.

Наконец, всем партизанским отрядам давалось указание о боевых позициях, которые они должны занять.

Этот приказ еще более поднял дух среди крестьянского населения, которое стихийно поднималось на борьбу под влиянием слухов, шедших с Украины, о зверствах и грабежах немцев и гайдамаков. Этот приказ способствовал большому наплыву добровольцев партизан для борьбы с немцами-гайдамаками и внес в эту борьбу организующее начало.

Первая встреча с немцами произошла 7 мая 1918 г. в сл. Талах, где нашим отрядом, пополнившимся партизанами на месте и достигшим 100 чел., был отобран обоз с награбленным хлебом и другим имуществом. Немцы бежали по направлению сл. Бугаевки.

8 мая партизанский отряд вступил в бой в сл. Смаглеевке с немецким отрядом в 30 чел В результате боя немцы были разбиты, взято 28 лошадей, 15 пик, несколько касок и убито два немца; остальные бежали в Кантемировку.

Необходимо отметить проявленную в этот период инициативу пред. Таловского волисполкома Клочкова, который своевременно и быстро информировал Богучар о движе-

нии немцев. Еще до прихода Богучарского отряда он организовал из местного актива (солдат старой армии) группу самообороны, численностью в 30 человек.

Это первое боевое крещение с немцами ободрило население ближайших сел и вызвало большой прилив партизан, в результате чего в сл. Талах был создан батальон до 500 чел. Этот батальон продолжал быстро пополняться партизанами из прилегающих сел и в скором времени уже достиг до 1 000 человек.

Особенно много добровольцев поступило в Журавке и и Подколодновке.

В деле вооружения батальона оказал большую помощь командир одного из тираспольских отрядов, отступивший со ст. Калач. Он дал батальону 3 500 винтовок, 3 орудия с упряжью и 7-8 пулеметов.

Немцы, получив отпор в таловском направлении, устремились в сторону Зайцевки, Титаревки и Шуриновки.

К этому времени в указанных селах уже были созданы по инициативе населения небольшие партизанские отряды тов. Рогачева—40 чел. и Липчанский под командой матроса Стрешнева—120 чел.

В помощь им с таловского участка была послана рота под командой Бондарева. Вся эта группа партизанских отрядов Богучарщины на правом своем фланге, у хутора Голого, связалась с отрядом тов. Головко, а через него со штабом Южной завесы, в лице Павлова, Малаховского, Качалова и Фураева, отпустивших нам 500 винтовок, два пулемета и патроны.

В дальнейшем наступило некоторое затишье. Боевые действия партизан на фронте Голый—Талы—Титаревка—Зайцевка заключались в мелких стычках с немцами, в предотвращении их наступления вглубь уезда и ограждении населения от грабежей и насилий.

Но затем немецкие войска повели наступление по всему фронту богучарского участка (Титаревки—Талы). В слободе Н. Павловка ими было подбито одно наше орудие, изранена прислуга и контужен командир взвода.

Под этим напором немцев партизанские части, расположенные под слободами Титаревкой и Смаглеевкой, отступили, разбившись на две группы, из коих одна во главе с Прокопенко временно прибыла в Богучар, а другие во главе с Ковалевым—в х. Цапков.

Это отступление создало колебания на всем таловском участке. Некоторые партизаны, оставив позицию, прибывали в Талы, где мы их задерживали и ободряли.

И. П. ПАРХОМЕНКО
организатор большевиков на Богучарщине.

Благодаря усилиям Пархоменко, Бондарева, Сармина и Ермоленко, боевое положение на фронте вновь было восстановлено.

Но в скором времени под натиском немцев все партизанские отряды отступили за Дон. В этот момент на фронте борьбы с немцами-гайдамаками наступило затишье. Закрепившись на рубеже ст. Кантемировки и встретив упорное сопротивление партизан, немцы приостановили военные действия в богучарском направлении.

В это же время над Богучарщиной нависла новая опасность—опасность казачьей контрреволюции, замышлявшей распространить свое влияние и власть на весь юго-восток России, вплоть до Воронежа. Казачьи налеты на пограничные села все учащались.

Вопрос об организации вооруженных сил приобретал первостепенное значение. Опыт партизанской борьбы с немцами гайдамаками обнаружил ряд недостатков—раздробленность сил и действий партизан, а также отсутствие опытного боевого руководства их отрядами.

Это обстоятельство и заставило обратиться в штаб командующего Южной завесой Павлова с просьбой о присылке опытного командира. В частности, мы просили откомандировать на богучарский участок Малаховского, имя которого партизанам и уисполкому было уже хорошо известно по совместной борьбе с немцами.

Малаховский оправдал звание красного командира и вписал в историю богучарских партизан и полков много славных страниц, приобрел безграничную преданность и уважение среди бойцов и населения уезда.

Его имя и сейчас с любовью произносится населением Богучарщины и других мест, где богучарские полки защищали дело советской власти.

Под его руководством отряды партизан были переформированы в регулярный полк Красной армии, а затем на основе этого полка была создана Богучарская дивизия.

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ БОГУЧАРА.

Причинами, вынудившими к отступлению из Богучара, явились разбросанность частей Богучарского полка по уезду, паническое настроение, создавшееся в самом Богучаре в силу неосведомленности местного военного командования и уисполкома о положении в казачьем лагере, провокационное поведение некоторой части командного состава из бывших офицеров и шпионаж местных контрреволюционеров.

К моменту наступления казаков части только что организовавшегося Богучарского полка были брошены в уезд на хозяйственный фронт по уборке урожая в конфискованных помещичьих экономиях.

В целях скорейшего снятия урожая, уборка проводилась полком с помощью мобилизованной местной буржуазии и контрреволюционно настроенной интеллигенции.

Последнее обстоятельство обеспечило казакам точные сведения о расположении частей и облегчило им задачу захвата Богучара. Один отряд под руководством Павловского был брошен в с. Монастырщину для наблюдения по границе Донобласти. Другой отряд находился за Доном в Бычке.

Крупный отряд полка работал в сл. Шуриновке под командой Бондарева. Мелкие части полка находились в ряде других сел уезда, занимаясь транспортированием собранного хлеба и выполняя прочие работы по уборке урожая.

Таким образом, к моменту наступления казаков, в Богучаре при штабе полка лишь находилась незначительная часть бойцов и комиссариатская рота в 40 чел. Причем нужно отметить, что в это время командир полка Малаховский отсутствовал, находясь в командировке в Москве.

Группа бывших офицеров, работавших в военкомате, и монархически настроенных элементов города, во главе с военруком Лихобабиным, связавшись с контрреволюционной Казанкой и передавая туда все необходимые сведения, организовала в нашем тылу заговор против советской власти.

Местная буржуазия и интеллигенция, включая учителей и гимназистов, также были настроены контрреволюционно и держали связь с Казанкой. Впоследствии, по занятии белыми Богучара, значительная группа этой интеллигенции и гимназистов вступила в Богучарский белогвардейский карательный отряд.

Имея точную информацию о положении в Богучаре и собрав значительную, хорошо вооруженную силу, белоказаки 8 августа 1918 г. повели наступление на Богучар. Главные силы их шли в обход г. Богучара по левой стороне Дона, двигаясь по тракту Глубокое—Бычок и дальше. Второй отряд с главным командованием шел через сл. Монастырщину непосредственно в Богучар. Небольшие части казаков были брошены в сторону Кантемировки. Таким движением казаков разрозненные части Богучарского полка были окружены и отрезаны как друг от друга, так и от штаба полка, расположенного в Богучаре.

Штаб полка и местные советские организации получили первые сведения о наступлении казаков лишь в два часа дня

8 августа, когда уже значительная часть территории уезда была занята противником и последний находился в 15 км. от Богучара. Эти сведения поступили от отдельных крестьян, прибежавших в город. Разосланные штабом гонцы по отрядам с приказом о прибытии в Богучар перехватывались казаками или вынуждены были возвращаться обратно, не достигнув частей полка.

Такое поспешное и внезапное наступление казаков не дало возможности местной парторганизации и соворганам собрать все силы, которые можно было бы использовать для оказания сопротивления. 8 августа вечером, было созвано экстренное заседание узкого состава уисполкома, где был поставлен вопрос о немедленном вооружении и подготовке к дальнейшим действиям. На этом же заседании было решено в случае неудачи сопротивления отступать всем, дабы сохранить для будущих военных операций партийное и советское руководство в полку.

Ряд товарищей категорически отказались отступать и предлагали лучше умереть в бою. Так, в неравной борьбе героически пал смертью храбрых Белогубов.

Ночь на 9 августа прошла в тревожном ожидании наступления казачества. Местная контрреволюция: купечество, духовенство и интеллигенция готовились к приему казаков, намечая план уничтожения работников и запасаясь оружием, чтобы стрелять в отступающих.

В ночь под 9 августа комиссариатская рота, под командой Таранова, была выставлена за сл. Песковаткой по направлению сл. Дьяченково. Отдельные бойцы роты заняли посты в разных частях города. Артиллерия же в составе двух орудий была установлена в нагорной части, за городом в двух пунктах.

Рано утром 9 августа 1918 г. казаки, сгруппировав свои силы в сл. Дьяченково и открыв артиллерийский огонь, густыми колоннами повели наступление на Богучар. Комиссариатская рота отступила в черту города и расположилась вдоль дамбы у моста через реку Богучарку. Здесь произошел первый, хотя и короткий, но жестокий бой с неравными силами врага. В то же время казаки, охватив город с правого фланга, вошли в его центр и начали расправу с захваченными советскими работниками и партизанами. Так были расстреляны: члены партии и члены уисполкома Белогубов и Гармашев, секретарь редакции газеты Плетенской и 28 красноармейцев, а также много граждан города и пригородных сел.

В момент этой расправы большая часть партийных и советских работников, а также штаб полка и комиссариатская

рота успели отступить из города по направлению к сл. Филоново. При этом Таранов с тремя красноармейцами под ураганным огнем казаков вывез из города денежный ящик казначейства.

Судьба окруженных частей Богучарского полка была такова. Отряд, находившийся в сл. Монастырщине и состоявший из 41 чел. пехоты и 75 всадников при 2 пулеметах, пробился в сл. Красногоровку, но ввиду занятия казаками переправы на реке Дон и больших сил врага в Задонье, вынужден был изменить направление. Обойдя Богучар с юга, он пробился к х. Цапково, где и соединился с отступавшей из Шуриновки частью отряда Бондарева.

Затем обе части вместе двинулись в направлении Калитвы, куда уже прибыла отступившая из Богучара часть полка, соединившаяся до этого вблизи Козинки с ротой Тимошенко, стоявшей в Шуриновке.

Небольшие же группы полка, находившиеся в северной части уезда, сосредоточившись в сл. Варваровке, двигались в Павловск, куда также отступил весь полк и беженцы.

Затем полк занял сл. Белогорье.

Находясь здесь, полк пополнился добровольцами и, приведя себя в боевой порядок, вступил в длительную полосу боев с казаками, долго не имея связи с другими частями Красной армии.

В дальнейшем в одной из стычек был ранен комполка Малаховский и полк принял его заместитель Рачков.

К двадцатым числам сентября казаки захватили полностью Богучарский уезд и значительную часть Павловского, имея позицию в 4 км. от Павловска, в сл. Елизаветовке. Ввиду намерения казаков захватить Павловск и углубиться далее, Богучарский полк решил приостановить их движение и на рассвете 23 сентября 1918 г. перешел в контрнаступление.

Силы казаков в несколько раз превосходили силы богучарцев. Противником был открыт ураганный артиллерийский и ружейный огонь. К концу боя большинство комсостава полка вследствие ранения выбыло из строя.

Находясь в передовых позициях, я тоже получил тяжелое ранение в правую ногу. В этом бою полк потерял 11 чел. убитыми и 31 чел. ранеными. Мы отступили в Белогорье, а казаки заняли Павловск.

Осенью под натиском превосходных сил противника богучарцы отошли к Острогожску. Казаки заняли Павловский и Бобровский уезды. Положение полка было весьма тяжелое.

Оторвавшись от родной, питающей его базы, полк быстро таял от потерь в сражениях и от болезней. В указанный

период в полку насчитывалось 600-700 чел , оборванных и измученных длительными переходами и почти беспрерывными боями.

Однако, полк не потерял боевого духа и благодаря умелому и отважному руководству Малаховского вскоре одержал под Кодубцем крупную победу над белой армией, отбив у нее значительную массу мобилизованных жителей Богучарщины и крупные боевые трофеи.

Это победоносное сражение превратило полк в мощную боевую единицу, которая затем с успехом оттеснила противника к границам родного уезда и 25 декабря 1918 г. заняла Богучар, окончательно закрепившись на его рубеже в начале января 1919 г.

БЕЛЫЕ В БОГУЧАРЕ.

Богучарские белогвардейцы—Москалев, Латвинский, Романовский, бежавшие в Казанку, собирали там вокруг себя контрреволюционную молодежь и интеллигенцию, прибывшую в Казанку из Богучара.

Эти контрреволюционные группы способствовали ускорению наступления казаков на Богучар и явились их верными помощниками в расправе над всеми революционными элементами Богучарщины.

Особенно активную роль играл царский пристав и сыщик Москалев, который вел казачьи войска на Богучар. С его помощью были собраны колоссальные суммы, пожертвованные местным купечеством на борьбу с красными войсками.

По его инициативе местное купечество устроило триумфальную встречу прибывшему сюда генералу Краснову.

Генерал был встречен у моста депутацией, состоявшей из местной буржуазии, духовенства и контрреволюционной интеллигенции во главе с городским головой Кравцовым, крупным ссыпщиком хлеба.

Чтобы подчеркнуть свою мощь и сделать более щедрыми купеческие карманы, генерал Краснов решил демонстрировать перед богучарской буржуазией связь казаков с Европой. С ним прибыл немецкий представитель, но впоследствии оказалось, что это был комми-вояжер Московской цинделевской фабрики.

После торжественного приема генерала Краснова казаки повели дальнейшее наступление, а местные главари—Москалев, Латвинский, Кравцов и другие, совместно с полковником Филипповым, приступили к кровавым расправам над мирным населением города и уезда.

В широких размерах начались телесные наказания и аресты в городе и ближайших селах. Было арестовано и заключено в тюрьму более 300 чел., которые каждую ночь расстреливались пачками по 15-20 человек, причем, одними прикладами было убито 64 человека.

Заключенные белогвардейцами в тюрьму товарищи стойко и бесстрашно шли на смерть, веря в победу революции. Цыган Ващенко Федор, выведенный на расстрел, схватил за горло конвоировавшего казака и крикнул: „Я погиб, но оставшиеся в живых товарищи сотрут вас с земли". Также мужественно шел на смерть старик Скляров, 68 лет, из сл. Грушевой, заявив перед расстрелом палачам: „Вы пили и хотите пить нашу кровь, я погибаю, но советская власть будет жить не только в России, но и на всем земном шаре".

В дальнейшем расправа развернулась во всем уезде. Казаки захватили в свои руки 16 волостей уезда. Здесь было произведено ими 115 казней, а 213 человек подверглись телесным наказаниям. Эти наказания приобретали массовый характер. В сл. Писаревке, где находилось имение крупного помещика Прутченко, было подвергнуто телесному наказанию 54 человека. Кроме того, крестьянам было предложено восстановить имение, возвратив весь скот, инвентарь и имущество, или уплатив за недостающее в тройном размере.

В то же время по 14 волостям была проведена конфискация 1326 лошадей и 1043 рабочих волов. Уничтожались крестьянские посевы. Общая сумма убытков трудового населения составила миллионы рублей.

Особенно жестоким репрессиям подвергались семьи богучарцев—красных партизан. Для карательных действий против них посылались специальные отряды в села Журавку, Подколодновку, Березовку и др., где у семей бойцов начисто отбиралось все имущество, не говоря уже об истязаниях и расстрелах. Белогвардейцы восстанавливали на Богучарщине все органы царской власти уезда, возвращали помещиков в имения и жестоко терроризировали советски настроенное население.

В ответ на все это в ряде сел подымались восстания крестьянства.

6 декабря 1918 г. в сл. Дерезовке—Бунеев, Клевцов, Курдюков, Фролов, Бунеев Н., Долгополов и Березуцкий организовали инициативную повстанческую группу. В это же время велась подготовительная работа к восстанию в селе Горюховатке под руководством Малахова, Басова и других.

Дерезовская группа товарищей, узнав об этом, направилась в Гороховатку и вошла в связь с группой Малахова и Басова

6 декабря ими совместно был разработан план уничтожения казачьей администрации в сл. Гороховатке, создания революционного комитета, сбора оружия и дальнейшего расширения восстания против казаков.

Глубокой ночью 8 декабря план, намеченный указанными товарищами, был приведен в исполнение. Казачья администрация была расстреляна. Для поднятия духа среди крестьянского населения и большего вовлечения его на борьбу с контрреволюцией организаторы восстания провели в тот же день групповые демонстрации.

В ночь на 8 декабря дерезовская группа отправилась в свое родное село и успешно провела там восстание

Здесь буквально все население в количестве 500 дворов, как мужчины, так и женщины, поднялось на борьбу с белогвардейщиной.

Расправившись с казаками, дерезовцы организовали партизанский отряд численностью до 200 человек: находясь в тылу казачьих войск, отряд дезорганизовал их боевые действия, перехватывая и уничтожая гонцов.

В дальнейшем вожаки восстания Бунеев, Долгополов, Березуцкий и Макаренко решили втянуть в сферу восстания соседнее село Дубовиково.

Здесь ими был собран сельский сход для обсуждения порядка восстания, но ввиду приезда карательного отряда из Богучара товарищи вынуждены были бежать в Дерезовку.

Преследовавший их отряд казаков достиг сл. Дерезовки, но был разбит партизанами под командой т. Бунеева, потеряв 3 человека.

Восставшая Дерезовка не могла долго держаться и оказывать сопротивление сильному казачьему отряду. Поэтому дерезовцы послали через фронт казаков специальную делегацию в Богучарский полк, находившийся неподалеку, с просьбой о помощи.

В ответ на это первый батальон Богучарского полка под командованием Бондарева отправился вглубь расположения казачьих войск. 23 24 декабря 1918 г. он достиг сл. Дерезовки, а оттуда в ночь под 25 декабря, совместно с партизанами, внезапно окружил и занял Богучар, захватив в плен более 200 казаков, одного белого генерала и много трофеев.

В дальнейшем партизаны-дерезовцы вступили в Богучарский полк и являлись примерными бойцами.

К этому же периоду относится создание группы в 21 чел. в сл. Каразеево (на границе Донской области): группа поставила своей задачей—разоружать казаков, бежавших с фронта, и уничтожать офицеров.

Руководителем этой группы был Козьмин А. Б.—матрос, впоследствии политком 3-й бригады 40-й Богучарской дивизии. Его группой было отобрано у врага много винтовок и холодного оружия.

Вследствие разложения белогвардейского тыла, массовых восстаний крестьянского населения и натиска красных войск, казаки очистили к 17 января 1919 г. Богучар и уезд, отступив вглубь Донской области.

Население уезда, испытав карательную политику контрреволюционеров, притеснения возвращавшихся помещиков, еще крепче сплотилось вокруг советской власти и горячо откликалось на все ее мероприятия.

Теперь мы уже не встречали тех затруднений, которые имели место в 1918 г. К тому же, с уходом казаков наиболее активные местные контрреволюционеры тоже убежали с ними.

Следовательно, в городе и уезде значительно облегчилась для нас политическая обстановка.

1919 год был годом продолжения борьбы как с местной контрреволюцией на Богучарщине, так и с соседней донской белогвардейщиной.

Борьба эта приобрела чрезвычайно ожесточенный характер.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В УЕЗДЕ В 1919 г.

По занятии Богучара была немедленно развернута работа по созданию ревкомов в уезде. В этот момент я еще находился в Москве на излечении. Но вскоре по вызову Губкома прибыл в Богучар и сразу приступил к организационному оформлению парторганизации.

Со 2 февраля была произведена перерегистрация членов партии. Зарегистрировалось 43 действительных члена и около 50 сочувствующих.

Затем было проведено общее собрание и был создан временный уком РКП(б) под моим председательством.

Тут же было опубликовано первое воззвание к крестьянскому населению уезда.

Поводом к этому послужили нелепые слухи, распространявшиеся среди крестьянства агентами контрреволюции о, якобы, принудительном введении коммун.

В своем воззвании укомпарт разбивал эти темные замыслы контрреволюции, раз'яснял роль коммун и пути их построения.

Закончив организационную работу в городе, уком приступил к ее оформлению на селе.

В течение первой половины февраля было организовано 17 волостных и сельских комячеек. Необходимо отметить, что в большинстве своем ячейки состояли из групп сочувствующих.

В конце февраля была созвана 2 я партконференция, где был избран уком в составе председателя Пархоменко, членов Данцева, Шепелева, Буртыкина, Шевцова, Чаленко, Чернухина и секретаря Голошевского.

В марте в ряды компартии вступили бывшие эсеры: врач Попов, учитель Рябов и др.

В связи с осложнением военных операций на фронтах, с превращением Богучара в военную базу по подавлению казачьего восстания, с реорганизацией Богучарского полка в бригаду, а затем в дивизию,—вся работа парторганизации этого периода исключительно вращалась в кругу военных вопросов.

Уком приступил к изданию газеты „Рабочий и крестьянин" и положил начало в уезде комсомольской организации. В этом деле принимал активное участие Голошевский, создавший вокруг себя пятерку из учащейся молодежи города, еще показавшей в 1918 г.

Эта пятерка, на правах временного уездного бюро, проводила дальнейшую работу по вовлечению пролетарской молодежи в ряды комсомола.

Комсомольцы горячо откликались на зов партии в эти тяжелые месяцы борьбы. Так, при налете казаков на Галиевку вся комсомольская организация выступила вместе с партийцами против казаков.

Комсомольцы вели просветительную работу среди воинских частей, посылались в качестве проводников с эшелонами мобилизованных красноармейцев в другие города, несли караульную службу совместно с красноармейцами. Особенно активными были Шапарь и Моренко. Необходимо отметить, что после вторичного отступления из Богучара в 1919 г. вся комсомольская организация вступила во вновь сформированную 3-ю бригаду Богучарской дивизии, в 359 й полк. Руководитель ее Голошевский был батальонным политкомом 358-го полка, первым ставшим под удар мамонтовского набега.

К моменту этого вторичного отступления из Богучара (18 июня 1919 г.) партийная организация, включая сочувствующих, насчитывала 230 человек.

При реорганизации Богучарского полка в бригаду, а затем в дивизию парторганизацией было мобилизовано 90% состава действительных членов (64 чел.) на политическую и военную работу в ее частях. Из ее рядов был выделен первый комиссар 40 й Богучарской дивизии, Ермоленко М. И.

Сам я тоже был первым комиссаром 3-й бригады этой дивизии.

СОВЕТСКАЯ РАБОТА В 1919 г.

По прибытии в Богучар нами был немедленно создан уездный ревком, который выпустил воззвание к населению уезда. В нем рассказывалось о разрушениях и ужасах, произведенных контрреволюционными войсками как в Богучарском уезде, так и в других частях советской республики. Население призывалось твердо стоять на страже советской власти и создавать отряды для борьбы с казачеством.

В течение января и начале февраля была проведена организация волостных и сельских ревкомов, а также шла подготовительная работа к созыву 3-го уездного с'езда советов, состоявшегося в с. едине февраля.

С'ездом был создан уисполком в составе 25 человек. В основном это были все те же товарищи, которые были в составе уисполкома в 1918 г.

За период с февраля и по 18 июня 1919 г. (день вторичного отступления) исполкомом были проведены следующие мероприятия: организация всех отделов, образование комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (руководителями ее были Шевцов и Ковалев), установление в уезде института народных судей. В то же время было обращено большое внимание на дело оказания помощи пострадавшим от казачьего нашествия партизанским и красноармейским семьям.

Для этой цели были разосланы на места особые уполномоченные. Они составляли точно описи убытков и выдавали пострадавшим денежные средства и скот.

Примерно начиная с марта и вплоть до отступления работа уисполкома носила исключительно военный характер. Богучар являлся непосредственною зоною военных действий, здесь находился штаб экспедиционной дивизии Сокольникова и здесь концентрировались лечебно санитарные учреждения, обслуживающие воинские части фронта. Здесь происходило формирование десяток, двадцаток из профсою-

зов, членов советов и коммунистов Орловской и Воронежской губерний, прибывающих сюда по самомобилизации.

Особое внимание было уделено уисполкомом делу формирования 40-й стрелковой дивизии, впоследствии названной, по его ходатайству, Богучарской дивизией. Значительная часть ее бойцов была завербована нами из жителей Богучарского уезда.

ЗАНЯТИЕ БОГУЧАРА СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ В 1919 г. И ДАЛЬНЕЙШИЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ.

Богучарский полк, заняв внезапно Богучар, 25 декабря 1918 г., по стратегическим соображениям вынужден был для выравнивания общего фронта советских войск временно отступить в сл. Гороховатку (бывш. Павловского уезда). Город и уезд были окончательно заняты только 17 января 1919 г.

Сделав 4-дневную стоянку, полк затем стал преследовать казаков.

Необходимо отметить, что отступавшие казаки вооружали до зубов все население пограничных с уездом станиц, а сами уходили вглубь Донобласти.

Население станиц относилось в высшей степени враждебно к советской власти и в особенности к бойцам богучарцам и их славному командиру Малаховскому, под руководством которого было нанесено немало жестоких ударов белоказакам.

Казаки пограничных станиц, чувствуя неминуемое свое поражение, пустились на хитрую провокацию. 20 января они выслали свою делегацию в Богучар, которая заверила ревком, что казаки не против советской власти и просят прекратить наступление, соглашаясь сдать оружие.

Мы отнеслись к этому с большой подозрительностью, ибо всем нам была памятна история с заамурско-тираспольскими отрядами в мае 1918 г., которые доверились и попали в результате в ловушку.

Заверение казачьей делегации уревком принял к сведению. Вместе с тем Богучарский полк начал двигаться в направлении ст. Казанки, выслав впереди себя делегацию в составе 5 человек, во главе с членом ревкома Сарминым и представителем полка Дроновым.

Одновременно военно революционным комитетом было выпущено воззвание к казачеству, в нем говорилось об успехах, достигнутых советскими войсками на всех фронтах

гражданской войны и кратко излагались основы политики советской власти. В заключение казачество призывалось к совместной борьбе с контрреволюцией.

Прибыв в Казанку, делегация созвала митинг. Делегация ревкома потребовала сдачи оружия. Находившиеся на митинге казачьи офицеры, переодевшиеся в штатские костюмы и выполнявшие в станице подпольную контрреволюционную работу, выступили с враждебными речами, призывая расправиться с делегацией самосудом. И этот самосуд был бы осуществлен, если бы делегация не успела бежать в пределы расположения частей Богучарского полка. После этого полк занял Казанку и после большого боя у ст. Мешковской продолжал дальнейшее наступление вплоть до ст. Каменской.

В бою под ст. Казанкой погиб один из лучших командиров партизанских отрядов, член уисполкома второго созыва Проценко.

Видя свое бессилие, контрреволюционные элементы станиц, по которым двигались бойцы Богучарского полка, пускались на варварски-жестокие хитрости. В изготовленную пищу они примешивали ядовитые вещества и в таком виде ее предлагали богучарцам.

Эта затея была вскоре раскрыта, и богучарцы, несмотря на то, что целыми днями не видели горячей пищи, отказывались принимать ее в готовом виде.

Вплоть до ст. Каменской Богучарский полк двигался, преодолевая упорное сопротивление противника. Под ст. Каменской в феврале 1919 г. полк выиграл крупный бой.

Казачьи войска были разбиты и бежали в сторону Новочеркасска. При занятии самой станицы казачье население стреляло из окон и лило кипяток на головы бойцов.

Вскоре после этого, а именно в марте 1919 г., в станицах Казанской, Вешенской, Мигулинской и других, находившихся в глубоком тылу советских войск, вспыхнуло контрреволюционное восстание. Богучарский полк приостановил дальнейшее наступление на юг и, по приказу командования фронтом, двинулся назад на усмирение восставших казаков. Находившийся в районе восстания 106-й Бобровский полк был разбит и не мог оказывать сопротивления.

Казачье восстание приобрело большой размах.

На подавление его, помимо богучарцев, был вызван с фронта ряд частей. Восставшие проявляли большое упорство. В боях с красными войсками принимали участие не только мужчины, но и женщины, переодетые в военную форму.

Восставшие имели воздушную связь с Новочеркасском, столицей донской контрреволюции.

В процессе подавления восстания, особой настойчивостью и храбростью отличался 103-й Богучарский полк, который не раз спасал положение соседних полков.

В одном из боев 3 мая Кронштадтский полк был окружен казаками и вследствие неустойчивости его бойцов был целиком взят в плен, за исключением лишь комиссара полка Котошевича и красноармейцев-богучарцев, которые своим одним орудием под командой Денисенко обслуживали этот полк. Благодаря своей настойчивости и храбрости, они не только избежали плена, но и создали устойчивое положение на фронте в этот момент.

В боях под Варваровкой часть батальона Богучарского полка была окружена казаками и захвачена в плен при 3 пулеметах и одном орудии. Но благодаря храбрости пешей разведки полка, под командой Гавриленко, не только были выручены пленные, орудие и пулеметы, но и разбито наголову казачье окружение. При этом было взято в плен 38 казаков и среди них 9 женщин.

В селе Греково-Степаново пешая разведка сама попадает в окружение казаков.

Находившейся вблизи конной разведкой полк ставится об этом в известность и принятыми мерами немедленно выручает разведку из рук противника.

Необходимо отметить, что пешая разведка вплоть до прихода полка стойко держала позиции, отражая атаки казаков и неся большие потери убитыми и ранеными. В ходе борьбы с восставшими богучарцы нанесли казакам ряд жесточайших ударов и доходили до станицы Вешенской—сердца восстания.

Но удержаться, несмотря на ряд принятых мер, там все же им не удалось.

В начале июня казаками был сделан прорыв фронта в бычковском направлении и войска белых, пройдя до слободы Подколодновки, пытались с тыла занять Богучар.

Находившийся в Богучаре штаб экспедиционной дивизии Сокольникова бежал, а с ним поспешно отступили и части дивизии. Одной из существенных причин этой сумятицы на казачьем фронте явилось предательство бывших офицеров (Стрижак), работавших тогда в штабе экспедиционной дивизии.

В результате всего этого в Богучаре и по всему фронту 8-й армии распространилась большая паника. Необходимо было во что бы то ни стало ликвидировать имеющийся прорыв казаков, во что бы то ни стало восстановить боевое положение на фронте и обеспечить планомерную эвакуацию

советских и партийных организаций, если нехватит сил для решительного отпора противнику.

С этой целью в Богучаре были мобилизованы силы всех коммунистов и комсомольцев. Под командой Бондарева, находившегося в отпуску по болезни, они влились в дрогнувшие ряды красноармейцев. И казаки мгновенно были оттеснены из-под слободы Подколодновки.

С этой же целью ревком обратился с особым воззванием ко всем бойцам 8-й армии.

ОБРАЩЕНИЕ БОГУЧАРСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

Товарищи красноармейцы!

Капиталисты, помещики, царские генералы, чиновники, попы—вся эта свора убежала в Октябре 1917 г., как нечисть, кто—в Сибирь, кто на Украину, кто на Волгу. Они организовали около себя разного рода своих приспешников-проходимцев и пошли на Советскую Россию с надеждой, что они задушат свободу и вернут обратно себе все фабрики, заводы, земли с надеждой, что можно будет веками угнетать рабочих и крестьян и вытягивать из них последние соки.

Республика не один раз была окружена со всех сторон кровожадными белогвардейцами и не один раз находилась в серьезной опасности.

Белогвардейцы принимали разные меры для того, чтобы каким-либо путем разбить нас: они отбирали у нас хлебные районы, явно желая уморить всех с голоду; они применяли еще целый ряд методов борьбы с нами Но как ни трудно было бороться с ними, рабочий класс России и вы, товарищи-красноармейцы, всегда в этой борьбе выходили победителями, все старания царских тиранов были тщетны.

С наступлением весны они собрали все последние свои силы, поставили на карту все, и, как разъяренные тигры, набросились на Республику.

Колчак –на Волгу, финские белогвардейцы—на Красный Питер, банда казаков—на Богучар и Воронеж.

Положение тяжелое, но из этого тяжелого положения мы почти вышли. Колчака Красная армия разбила вдрызг. Петроград отстояли, теперь нужно быстро разделаться с деникинскими бандами.

Эта трудная, но почетная задача возложена на вас, товарищи-красноармейцы: казацкие банды, не надеясь, что они могут разбить вас в открытом бою, делают набеги, грабят все до нитки, отбирают у крестьян лошадей, скот, поголовно все вырезывают и топят в невинной крови.

Их зверствам должен быть положен предел.

Дня три тому назад озверевшей бандой казаков было сделано нападение на Бычок и Подколодновку. Угрожали Богучару.

Было нами поставлено на ноги все, были туда посланы самые лучшие сыны трудового народа. Товарищи-красноармейцы и товарищи коммунисты, положение было восстановлено, банды казаков обратились в паническое бегство.

Там умерли лучшие товарищи, вечная память павшим в честном бою за свободу, равенство и братство.

Но этого мало. Вчера деникинские банды прорвались в Мешково. К великому стыду, некоторая часть красноармейцев обратилась в бегство и подняла панику, но все честные товарищи остались на позиции, оста-

лись и останутся до последней минуты верны великим заветам великой Октябрьской революции.

И вот к вам, товарищи-красноармейцы, Революционный комитет обращается с призывом: не сдавайтесь, идите в бой смело и храбро, крепко держите в руках винтовку.

Последние усилия—и мы победим везде.

Помните, что с нами пролетарии всего мира, помните, за что вы идете в бой. Помните, что вы раздавите гадину.

Пред. Временного Богучарского революц. комитета *Малаховский.*

Члены: *Шепелев, Вязников, Данцев, Ковалев, Степанов, Пархоменко.*

Член-секретарь *Г. Вязников.*
7 июня 1919 года.

БРИГАДЫ 40-й ДИВИЗИИ И ЕЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ.

Во время отступления всех армий южного фронта в июне 1919 г. Богучарский уездный исполком эвакуировался на север, планово вывезя имущество своих отделов и образовав предварительно в уезде революционный комитет в составе Пархоменко, Малаховского и Степанова.

Об'явленная мобилизация молодых возрастов населения планомерно проводилась ревкомом. Всего было мобилизовано до 10 000 человек. Эти люди должны были влиться на пополнение полков недавно организованной в Богучаре 40-й дивизии, а также для формирования 3-й бригады этой дивизии.

Часть мобилизованных в количестве 4-5 тысяч человек под командой члена уисполкома Буртыкина была направлена в село Чиглу через Калач. Эта группа частично, около 400 человек, достигла места назначения, а другая ее часть была захвачена в плен казаками, успевшими к тому времени захватить в свои руки Калач. Вторая партия мобилизованных в количестве 1 200 чел. была направлена в сл. Гороховатку, где находился эвакуированный уездвоенкомат для дальнейшего следования через сл. Кисляй, Павловского уезда. Но по дороге под сл. Пчелиновкой вся партия была захвачена в плен казаками. Последняя группа в 1 200 чел., направленная в сл. Гороховатку, остановилась в сл. Дерезовке.

Закончив отправку мобилизованных из Богучара, я и комендант города выступили с небольшим прикрытием по направлению сл. Дерезовки. Это было 18 июня 1919 г. Нужно

сказать, что все воинские части, находившиеся на богучарском участке, уже отступили на север.

В Дерезовке был создан отряд в 30 чел. из членов волисполкома, сельсовета, милиционеров и добровольцев-красноармейцев, находившихся в отпуску по болезни. Этот отряд помог провести мобилизацию лошадей, способствовал сбору разбежавшихся мобилизованных, не желавших итти на фронт, и помог ликвидировать восстание против соввласти, вспыхнувшее в тот момент в х. Самодуровке, Павловского уезда.

В дальнейшем, под охраной этого небольшого отряда мобилизованные в числе около 800 чел. были переправлены через реку Дон в сл. Гороховатку и направлены оттуда по направлению Павловск—Лосево—Шестаково. По дороге эта группа пополнилась беженцами, отступившими красноармейцами, комендантским отрядом г. Павловска и мобилизованными Павловского уезда в количестве до 400 чел. Таким образом, к моменту прибытия в сл. Икорец, Бобровского уезда, группа возросла до 1 200 чел.

Так как наступавшие казаки шли по пятам за этой группой, то в сл. Икорец наспех был организован батальон в составе трех рот, из коих две были вооружены винтовками. Под прикрытием этих двух рот группа двинулась на села Московское и Рогачевку под Воронежем, где была установлена связь с Губревкомом и штабом 12-й дивизии. Согласно указаниям, группа направилась в Коротояк.

Здесь 18 июля 1919 г. после произведенного инспекторского смотра штаба 8-й армии был отдан приказ о развертывании бригады, первоначально входившей в состав 1-й особой дивизии, а затем вошедшей в 40-ю Богучарскую дивизию под названием третьей бригады и состоявшей из 358, 359 и 360 полков. Дальнейшее формирование бригады протекало в с. Тишанка, где были включены в ее состав взрослые мужчины-беженцы Богучарского, Калачеевского и Павловского уездов, а также бойцы Богучарского резервного полка. Командиром 358-го полка был назначен Бондарев, ранее комбат Богучарского полка, а комиссаром полка—Клочков (урож. сл. Талы); командиром 359-го полка—Иванов (матрос, помощник коменданта г. Павловска), а комиссаром—Третьяков (из сл. Титаревки, Богучарского уезда); командиром 360-го полка—Савенко (из сл. Петровка, Павловского уезда), а комиссаром—Козин (из сл. Медово); комиссаром хозчасти—Сущенко (сл. Журавка), командиром конного отряда—Лисянский (сл. Журавка), начальником хозчасти—Павловский (сл. Данцевка). Комиссаром бригады был утвержден Пархоменко, командиром бригады—Попов и нач. штаба бригады—Дронов.

8 августа 1919 г. 3-я бригада была брошена на левый фланг дивизии, на участок ст. Колено—Паника—Ивановка—Абрамовка. В этом направлении и двинулся казачий корпус ген. Мамонтова, имевший задачей прорыв фронта советских войск.

Бой с Мамонтовым начался 10 августа 1919 г. Бой происходил при неравных силах. Мамонтовский корпус насчитывал до 9 000 человек при всех видах оружия, в то время как 3-я бригада имела лишь 3 000 бойцов при 20 пулеметах и 2 орудиях на всю бригаду. К тому же эта встреча с Мамонтовым была ее первым боевым крещением.

Полное поражение и пленение 3-й бригады ген. Мамонтовым было избегнуто лишь благодаря умелой расстановке полков. Полки были расположены в трех боевых участках. Таким образом, при наступлении Мамонтова пострадал лишь 358-й полк, потерявший большую половину своего состава. Остальные два полка, отступив в сторону, не только избежали поражения, но и прикрыли собою части 40-й дивизии, находившейся за лесом.

Поражение 358-го полка и отход остальных полков 3-й бригады были вызваны тем, что находившиеся в новохоперском направлении сибирские полки, а также и 357-й полк не выполнили своевременно приказа командования, выйдя на линию фронта с опозданием на один час. Кроме того, 3-я бригада не была поддержана артиллерией 357-го полка.

Обстановка этого боя была такова: 3-я бригада получила приказ занять опорный пункт ст. Колено и переправиться через реку Елань.

В этот момент ст. Колено была уже занята ген. Мамонтовым. Передовые раз'езды его отрядов уже доходили до Макарьевских выселок, в 10 км. от ст. Колено.

Несмотря на это, 358-й полк, выполняя боевой приказ, выступил для занятия позиции. Встреченный казачий раз'езд был оттеснен, и полк подошел к ст. Колено на расстояние 4 км., заняв для себя выгодную позицию. Левее позицию занял 359-й полк, правый же фланг оказался совершенно открытым, ввиду опоздания 357-го полка.

Своим подходом к расположению противника полк первоначально вызвал панику в среде противника. Но произведенная последним разведка вдоль позиции 358-го полка, выяснившая наши силы и установившая на правом фланге разрыв, внесла успокоение в его ряды. Противник немедленно перешел в контрнаступление, открыв ураганный артиллерийский и пулеметный огонь, выслав в лоб полка две густые цепи своей пехоты и охватив полк с флангов кавалерийским отрядом в общей сложности более 1 000 всадников. Канонада

была настолько интенсивна и оглушительна, что командиры полка не имели никакой возможности подавать команды бойцам. И в то же время некуда было отступать,—полк был окружен со всех сторон.

Единственный выход—драться до последней капли крови. Бойцами полка это и было сделано.

Когда цепи казаков подошли вплотную к полку, его бойцы, расстреляв все патроны, бросились в рукопашный бой и положили немало казаков.

Командир полка Бондарев в этот момент отсутствовал, выскочив из вражеского окружения. Командование полком приняли на себя военком полка Клочков и помощник командира полка член Богучарского исполкома Шевцов. Последний в этой схватке застрелился, не желая сдаться врагу.

Военком Клочков, находясь в середине полка, воодушевлял героев—бойцов 1-го и 2 го батальонов, пока не был схвачен казаками и избит до полусмерти. В этой же схватке был изрублен батальонный политком Голошевский. Оба эти товарища, находясь среди трупов бойцов, были приняты казаками за убитых. Когда закончился бой, Клочков и Голошевский, сильно израненные, собравши кое-как свои силы, подползли к копнам и там скрылись, не зная о судьбе друг друга.

Затем эти товарищи в течение трех суток скрывались днем и, идя ночью разными направлениями, пришли в свои части.

Появление в дивизии изуродованного до неузнаваемости Клочкова было полной неожиданностью, ибо все были уверены, что он убит. О гибели его было даже об'явлено в газете.

В этом же бою проявил героизм батальонный политком Мосенко.

Расстреляв все патроны, на его глазах застрелился помощник командира полка Шевцов. Мосенко, не желая сдаваться врагу, решил взорвать себя бомбой, но был захвачен в плен и сильно избит.

Следуя с пленными в тыл казачьих войск, по пути в ст. Добринскую, на Хопре, он бежал.

ПЕРИОД ЗАНЯТИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМИ ВОЙСКАМИ БОГУЧАРСКОГО УЕЗДА В 1919 ГОДУ.

С отступлением из Богучарского уезда советских войск крестьянское население уезда, получившее хороший урок во время хозяйничанья в уезде казаков в 1918 году (расстрелы, грабежи имущества, экзекуции и пр.), почти поголовно ос-

тавило уезд и ушло с советским войсками на север, увозя с собой весь домашний скарб и угоняя скот. Отступили не только мужчины, но и женщины, и дети, и старики. На протяжении десятков верст, вслед за Богучарскими полками, двигались обозы населения, зачастую даже мешая оперативным действиям полков. Поэтому командование дивизии даже вынуждено было отдать приказ об удалении следовавших обозов населения в более глубокий тыл войсковых частей.

Заняв Богучар и уезд, контрреволюционные казачьи войска еще с большей яростью, чем в 1918 году, принялись за осуществление своей карательной политики. Белыми была, что называется, проведена генеральная чистка населения уезда. Всякий мало-мальски заподозренный ими в сочувствии к советской власти человек и семьи, имевшие в рядах Богучарских полков своих родных, подвергались жесточайшему террору. Не говоря о сотнях расстрелов, казачьи карательные отряды подвергли разграблению крестьянские хозяйства, конфискуя скот и забирая всякий домашний скарб. Убытки, понесенные в результате этого, в несколько раз превосходили убытки 1918 г. и не поддаются никакому учету.

Как и в 1918 г., на Богучарщине опять появляются в своих имениях помещики, которые, однако, получив хороший урок в 1918 г., не стараются закрепиться в имениях и налаживать свое хозяйство, а поспешно распродают свое имущество, переводя все в денежные ценности.

С приходом белых, как и в 1918 году, в городе и уезде создаются органы старого строя—уездное и волостные земства, полиция и т. д. Местная буржуазия и кулачество, а также возвратившееся белое офицерство и прочий контрреволюционный сброд всеми силами поддерживают донскую контрреволюцию, принимая активнейшее участие в борьбе с красными войсками, вступая в белые части или неся полицейскую, карательную службу в отряде генерала Филиппова, сплошь составленного из офицеров и гимназистов—помещичьих, купеческих и поповских сынков.

В начале декабря 1919 года, в результате полного поражения на фронтах, контрреволюционные казачьи войска очищают Богучар и его уезд, а с ними вместе поголовно отступает и вся местная контрреволюционная свора.

ОТ БОГУЧАРА ДО КАВКАЗСКИХ ГОР.

В. А. МАЛАХОВСКИЙ.

Революционные части старой царской 7-й армии, отбиваясь от немцев, польских легионов, гайдамаков, куреней смерти Украинской Центральной рады и корниловских ударных баталионов, отступали с юго-западного фронта к пределам Советской России. Много самоотверженных бойцов за дело пролетариата сложило свои головы в этих боях. Погиб и 6-й Финляндский стрелковый полк, прикрывая отступление революционных частей 7-й армии. Находясь в арьергарде в районе станции Жмеринка, он был окружен германцами и уничтожен.

Боевыми операциями революционных частей 7-й армии и красногвардейских отрядов руководила оперативная комиссия ревкомарма 7. В состав комиссии входили: А. В. Павлов—председатель, офицер Сибирского корпуса, офицер Натан и солдаты 6-го Финляндского стрелкового полка Малаховский В. А. и Макаров.

В марте 1918 года мы уже были на территории РСФСР. Вскоре я и член 2-го гвардейского корпусного комитета Качалов, во главе с А. В. Павловым, под'езжали к Воронежу, направляясь на ст. Лиски с эшелонами гвардейского Кексгольмского полка и батареей артиллерийского гвардейского дивизиона, где должны были организовать отпор продвигавшимся в глубь России германцам. Не доезжая Воронежа, мы узнали, что в городе идет бой и что отряд анархистов уже овладел частью городской территории. По распоряжению Павлова быстро выгрузились кексгольмцы и артиллерия и, развернувшись боевым порядком, повели наступление на часть города и окраину, находившуюся в руках анархистов. Завязалась перестрелка, и через некоторое время город был в наших руках. Мы во-время поспели на помощь местному губернскому совету депутатов, вооруженные силы которого были незначительны.

В первых числах мая мы под'езжали к станции Лиски, где происходило настоящее столпотворение. Немцы приближались. Спасаясь от них, прибывали отряды, воевавшие в эшелонах, т.-е. не отходившие от ж. д. и отступавшие в поездах. При в'езде на ст. Лиски мы сперва были обстреляны пулеметным огнем, а затем наш поезд на самой станции был

пущен на стоявший экспресс. Мы предполагали, и не без основания, что это проделки деморализованного и вышедшего совершенно из подчинения отряда некоего Трофимова. Из Лисок наш штаб перешел ближе к противнику в слободу Россошь, откуда лучше было организовать сопротивление наступавшим немцам и гайдамакам.

СТАНЦИЯ ПАСЕКОВО.

Отступавшие красные отряды, прикрывавшие железнодорожную магистраль Ростов—Воронеж, были остановлены и вступили в бой с переменным успехом по линии Ровеньки—сл. Куликовка—Журавка—ст. Пасеково—и сл. Голая.

В начале мая 1918 года в сражении с германцами начальник боевого участка ст. Пасеково Кучеря был убит, и я, как его заместитель, принял боевой участок в самый разгар наступательной операции немцев. Положение было серьезное. В то же время каждый из отрядов, стоящих в первой линии, имел невдалеке свой эшелон под парами, на котором и метил укатить в случае неудачи. Кроме того, прибывший отряд матросов, не желая итти на позицию, пьянствовал, производил бесчинства и самовольно учинил самосуд, расстреляв командира бронепоезда Яицкого, стойкого бойца, преданного делу революции. В дополнение ко всему левый фланг боевого участка был открыт и со стороны Богучара. Неслись зловещие слухи о переходе границы Воронежской губернии донскими казаками.

Вскоре мы получили сведения о появившихся в уезде красных партизанских отрядах из местных крестьян, которые вели борьбу с немцами и казаками. Установив с ними связь, мы снабжали их оружием и патронами, но силы их были незначительны, действовали они вразброд, неорганизованно, страдали от внутренних междуусобий и были неустойчивы.

В состав частей боевого участка ст. Пасеково входили Украинский партизанский полк под командой Фурастова, Полтавский полк во главе с Головко, чехо-словацкий красногвардейский отряд Кучери, небольшой кавалерийский отряд Дженеева и такой же численности отряд И. Н. Домнича. Артиллерию составляли несколько пушек трехдюймовок и два сорокадвухлинейных орудия, установленных на вагонах-платформах. Кроме того, был еще броневой поезд Яицкого, дополнявший силы участка. Вправо от нас, у слободы Ровеньки, находился сводный полк Нехаенко.

Численный состав участка был небольшой: пехоты 800—900 человек и кавалерии 200—250 сабель. Германцы же в сл. Кантемировке сосредоточили одной гвардейской кавалерии 900—1 000 сабель. Для того, чтобы сдержать об'единенные силы оккупантов и гайдамаков, приходилось принимать решительные меры. А. В. Павлов не замедлил сделать соответствующие выводы, как командующий группой войск воронежского направления. Решено было убрать все излишние эшелоны в тыл, а содержание их внести в общий фонд налаживавшегося снабжения группы. К штабу группы сл. Россошь, где пьянствовал и дебоширил разложившийся отряд матросов, был подтянут Кексгольмский полк. Когда на позиции узнали об этом, то возмущение грозило вылиться в некоторых частях в самовольный уход с фронта на розыски своих эшелонов. Но раз'яснением удалось убедить бойцов в необходимости этой меры перед лицом грозящей опасности.

И чего только не оказалось при разгрузке этих эшелонов! Классные вагоны, приспособленные для жилья, были обставлены с известным уютом реквизированной мебелью.

Практичные женщины даже обзавелись цветами, а на окнах повесили занавески. В товарных вагонах, сдуживших кладовыми, хранилось продовольствие всех видов до шоколада включительно и разнообразный ассортимент мануфактуры. В то же время другие отряды страдали от недостатка продовольствия и обмундирования. Домашний уют был ликвидирован. Артиллерия эшелонов, стрелявшая с вагонных платформ, была сгружена для действия по прямому назначению.

Для пользы дела необходимо было провести слияние отдельных мелких отрядов, нужна была внутренняя переорганизация.

Обстановка развертывавшегося боя не позволила сразу провести всех намеченных мероприятий. Средства связи боевого участка были весьма скудны. Несколько человек из штаба, ранее посланных с распоряжениями, не возвратилось. Резерва уже не было и создать его в обстановке беспорядочно отступавших отрядов не представлялось возможным.

Отряд матросов на ближайшей станции вновь погрузился в хорошо охраняемый эшелон и начал отступать в вагонах, разлагающе действуя на части.

Однако под ст. Россошь вновь удалось организовать сопротивление наступающим германцам, введя в дело последний резерв—Кексгольмский гвардейский полк. Но и здесь противника не удалось задержать. После непродолжительного боя отступление наших отрядов превратилось в паническое бегство.

Чтобы остановить бегущую массу, пришлось прибегнуть к крайним мерам. На ст. Сотницкой обезумевшие толпы вооруженных людей разных отрядов и полков требовали немедленной их отправки в тыл. Единственно боеспособной единицей был старый Кексгольмский полк, целиком состоявший из старых солдат, решивших не расходиться по домам и ставших на службу революции. Немцы приостановили наступление в этом направлении, что дало возможность организовать надежный заслон из более устойчивых и дисциплинированных элементов, хотя и небольшой численности. Остальную же массу разрозненных отрядов в районе ст. Лиски спешно реорганизовали. Большая часть их была направлена на восточный фронт против чехо-словаков.

БОГУЧАРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ.

После сражения с германцами в районе ст. Журавка и Кантемировка партизанские богучарские отряды, находившиеся в стадии организации, частью отступили за пределы уезда, а частью продолжали бороться на территории Богучарского уезда.

Я был вызван в штаб группы и мне было предложено вступить в командование всеми партизанскими отрядами на территории Богучарского уезда. На жалком „Фармане“ я полетел в Богучар.

...От города к нам бежали громадные толпы людей. Надо было быть ко всему готовыми. Поэтому летчики предусмотрительно вытащили ручной пулемет. От первых из прибежавших мы узнали, что в городе красных нет. Последние партизанские отряды ушли на север и за Дон несколько дней назад. Удивление и любопытство, с которым рассматривали аппарат прибежавшие из города жители, бросалось в глаза. Оказалось, что наш аэроплан произвел в городе большое волнение по самым разнообразным поводам.

К вечеру выяснилось, что покинувший город отряд партизан находится где-то за Доном. Между тем заметно было, что в городе что-то подготовляется, т. к. к штабу белогвардейской стражи стали прибывать группами вооруженные люди. Благополучно выехав за город, мы через некоторое время уже под'езжали к реке. Паром, на котором происходила переправа через реку, оказался угнанным партизанами на противоположный берег. После долгих переговоров и криков паром подали. От паромщиков мы узнали, что передовые части партизан-богучарцев находятся в двух-трех верстах.

У слободы Подколодновки нас остановила застава. Начальник передовой части, проверив наши документы, сообщил, что штаб партизанского отряда находится в сл. Бычок, в пяти-шести верстах.

Далеко за полночь мы прибыли в штаб, и я тотчас же, собрав совещание руководителей отряда, заявил им о вступлении в командование всеми отрядами партизан. Обрисовав перед ними вкратце положение, я приказал кавалерийскому отряду, насчитывавшему около сорока сабель, и пехоте, в составе до четырехсот штыков, при двух орудиях, выступить в Богучар с рассветом.

Как выяснилось из распроса партизан, участников боев с немцами и казаками, отступление из Богучара явилось результатом отсутствия связи между отрядами, неопытности командования и предательства некоторых начальников партизан (бывший офицер Гончаров).

На другой день кавалерия красных партизан заняла Богучар. Вызванному по моему требованию городскому голове я дал распоряжение о расквартировании и довольствии в ресторанах и трактирах города прибывающего отряда и о разоружении стражи и немедленной сдаче оружия. Город был занят, налаживалась связь с другими партизанскими отрядами, велась вербовка добровольцев, проводился ряд организационных мероприятий. Но отрезанные от внешнего мира, мы были предоставлены самим себе. Численный состав партизан вновь начал расти, а средства уже отсутствовали. Самоснабжение отрядов, зачастую неправильно понимаемое, обостряло взаимоотношения с теми слоями населения, поддержкой которых мы только и могли быть сильны.

Находившиеся в Богучаре советские учреждения и уездный совет эвакуировались еще до оставления города партизанами и собрать их в ближайшее время не представлялось возможным.

Наступление немцев и посланные ими по уезду карательные отряды почти совершенно разгромили ширившиеся партизанские выступления богучарцев, часть которых отступила на север, к Лискам, часть ушла за Дон, часть находилась в подполье.

Из оставшихся нескольких отрядов пришлось сколачивать боевую силу для отпора уже наседавших врагов. Чтобы выяснить положение и поднять боевой дух патризан, конная сотня была направлена для разведки местонахождения и сил противника в Донскую область. Разгромив внезапным нападением отряд казаков в имении крупного помещика, уже вернувшегося в свои владения и собиравшего с крестьян нанесенные ему революцией убытки, наш кавалерийский от-

ряд возвращался с большим стадом лошадей и коров. Излишек лошадей и почти все коровы были нами розданы в разных пунктах уезда самым беднейшим или пострадавшим от белых и немцев крестьянам, что создало хорошую репутацию отрядам и усилило приток добровольцев. Эта мера и небольшая боевая удача влили бодрость в ряды партизан и уверенность в свои силы. Твердая дисциплина и введение занятий прекратили жалобы со стороны жителей на бесчинства.

Штаб расположился в доме купца Татаринова, а главные силы войск тут же на городской площади, в здании бывшей гимназии.

А. П. Ковалева, б. артиллерийского унтер-офицера, я пригласил занять должность начальника штаба, а А. Бородаева, б. волостного писаря, партизана,—должность старшего ад'ютанта. Через несколько дней прибыли на лошадях вызванные мной сотрудники штаба боевого участка станции Пасеково — Горин Евгений, красногвардеец, и Трофимов, б. рабочий екатеринославских заводов, тоже красногвардеец

Вместе с ними приехал назначенный мне в помощь Донской, б. гвардейский корнет. Работа штаба начинала понемногу налаживаться, завели учет людей и имущества, стали вестись приказы, установлены были регулярные дежурства по штабу, разграниченные обязанности и т. д. Приблизительно в июле 1918 г. было получено распоряжение из штаба А. В. Павлова о переформировании всех отрядов в полки Красной армии и о назначении меня начальником Богучарского боевого участка. В несколько дней был сформирован Богучарский советский полк. Командиром полка был назначен Прокопенко, один из начальников партизанских отрядов, который, спустя несколько время возвращаясь из дома, был изранен взорвавшейся бомбой и вскоре умер. Формирование других полков распоряжением штаба Павлова было приостановлено и я вступил по совместительству в командование Богучарским полком, на доукомплектование которого и приведение в боевую готовность влил все оставшиеся людские и материальные ресурсы.

Людской состав полка представлял собой немногочисленный, но великолепный боевой материал. В то время полк доходил до тысячи человек, при двух орудиях, около двадцати пулеметов и шестидесяти-семидесяти кавалеристах с довольно приличным обозом, на повозках типа „Таврическая".

Командный состав, за исключением Рачкова, моего первого помощника, б. офицера авиации, местного крестьянина, весь поголовно был из местных же крестьян—фронтовых унтер-офицеров, подпрапорщиков или рядовых солдат, возвра-

тившихся из окопов мировой войны и при приближении германцев ушедших в партизанские отряды. В этих партизанских отрядах они в большинстве и являлись организаторами и командирами, несмотря на свою малограмотность (большинство едва писало). Эти командиры обладали широким житейским кругозором, природной сметкой и богатым, ничем не заменимым опытом мировой войны. Кроме всего этого, они могли вырвать победу у врага даже в труднейших условиях, т. к. общая тяжелая жизнь, страшная нужда их семей и смертельная ненависть к угнетателям спаяла их на жизнь и смерть с рядовыми бойцами, доведя эту спаянность до самоотречения. Это являлось колоссальным превосходством их над более многочисленным, но внутренне разобщенным врагом. Рядовые партизаны-красноармейцы в большинстве своем также были окопные солдаты, имевшие за плечами опыт войны. Но была и менее подготовленная часть бойцов из молодых, не служивших в армии и требовавших известной выучки, но в остальном ни в чем не уступавших старым фронтовикам. Была еще и третья категория добровольцев,— это старики-бородачи, исключительно бедняки-крестьяне, в возрасте от пятидесяти и свыше лет.

Особенно неизгладимое впечатление произвел на меня явившийся записаться добровольцем старик лет восьмидесяти, б. николаевский солдат, высокий, прямой, с характерными седыми усами, бакенбардами, гладко выбритый, в ветхой, но опрятной одежде, в выцветшей военной фуражке без козырька, одетой по-военному, несколько на бекрень.

— Хочу защищать свободу и реболюцию,—заявил старик,—не смотрите, что я стар, я покажу еще молодым, как надо сражаться за свободу.

Его военная выправка бросалась в глаза. Долголетняя военная служба и участие в нескольких войнах наложили на него характерный отпечаток. Когда я проходил мимо него, он вытягивался и по военному отдавал честь. Говорят, в боях он не уступал остальным в подвижности. Наступая под свист пуль и взрывы снарядов, он шел впереди цепи, не сгибаясь, с винтовкой наперевес, как на параде.

Мы постепенно приобретали также ценных товарищей из числа бежавших из белых застенков Новочеркасска, станицы Вешенской, станицы Каменской и хутора Каргина, где заседал полевой суд генерала Краснова. Вот они: матрос Левченко, впоследствии комбат 2, бежавший от расстрела из станицы Вешенской, казак Николай Дронов, бежавший из рук Каргинского полевого суда со следами шомполования. Переяслов—старый солдат, участвовавший в китайской и японской войнах.

В. А. МАЛАХОВСКИЙ
командир 103-го Богучарского полка

Продолжая доукомплектовывать полк исключительно добровольцами, мы принимали только проверенных в преданности советской власти людей, за которых ручались бойцы. Для ускорения притока добровольцев практиковался краткосрочный отпуск по нескольку человек в каждую слободу, с обязательством вербовать надежных бойцов. Это необыкновенно усилило вербовку добровольцев. Такой способ незаметно привел к тому, что подразделения полка были укомплектованы территориально. Так, батарея чуть не поголовно, во главе с командиром Бовенко, состояла из жителей слободы Писаревки. Пулеметчики пополняли свой состав из слобод Журавки и Подколодновки. Подколодновцы, в большинстве шахтеры, бедняки, давали значительный процент командиров. Кавалерийский эскадрон был до некоторой степени „интернационален", хотя надо заметить, что уроженцы сл. Дьяченкова и Талы преобладали в нем. Тут были бывшие пограничники, гусары, уланы и рослые кавалергарды, было и несколько донских казаков. Связисты-телефонисты и самокатчики, штабные писаря и ад'ютанты в большинстве состояли из представителей окраин города и деревенской „интеллигенции": волостных писарей, семинаристов, просто грамотных мещан и даже архиерейских певчих. Медперсонал состоял только из фельдшера Клименко и санитаров. Врачей, желающих добровольно оказывать медпомощь большевикам-партизанам, не находилось.

Я уже не могу припомнить всех командиров рот, даже фамилии некоторых временно командовавших батальонами улетучились из памяти. Слишком большие потери нес полк в командном составе ранеными и убитыми. Только одних заместителей и помощников моих по командованию полком было убито 2, ранено 4 и один контужен. В полку с первых дней было введено полнейшее единоначалие. Это вызывалось целесообразностью в условиях того времени. Так как кроме меня и возможно еще одного-двух человек партийцев не было и взять их было негде, то приходилось опираться исключительно на беспартийный актив.

Первым военкомом был Зимин, назначенный из центра приблизительно в сентябе 1918 г. При участии и помощи Зимина, а позже политкома полка Полякова, ростовского рабочего-металлиста,—полк вышел с успехом из самых страшных испытаний борьбы с донской и южной армиями. Политруки в полку, насколько я помню, появились уже значительно позже. Политическая работа проводилась среди бойцов и населения командирами и наиболее развитыми бойцами. Пылкий энтузиазм бойцов, сама борьба с отжившим режимом

и эксплоататорами восполняли хотя и неполностью дефекты в организации.

Сплошного фронта не было вследствие большого протяжения территории. Общение жителей между населенными пунктами не прекращалось. Это способствовало усилению шпионской деятельности. Нам известно было, что не только богатые слои города и деревни враждебны нам, но и служилая интеллигенция и лица свободных профессий в значительной своей доле были на стороне казаков и активно помогали им. Приходилось принимать меры, чтобы обеспечить себя от внезапных, неожиданных сюрпризов.

Всех захваченных контрреволюционеров приказано было посадить в опустевшую тюрьму. Начальником тюрьмы был назначен артиллерист Г. Лисянский, беззаветно преданный революции, солдат старой армии.

Кроме того, приходилось заниматься и выполнять фукции, не имеющие прямого отношения к военному делу. Популярность полка среди трудового населения быстро росла, и в штаб стали являться жалобщики из сел по разным вопросам, не терпящим отлагательства, которые мы и разрешали, руководствуясь исключительно революционной совестью и интересами советской власти. Помню два случая, когда к нам приходили глубокий старик-крестьянин с жалобой на сына, который бил его и не желал содержать, и женщина, почти искалеченная варварскими побоями мужа. От сына и мужа потребовали громогласного признания своей вины и обязательства загладить свои поступки, указав, что сейчас вина прощается им только по просьбе потерпевших, а в случае же повторения жалобы, они будут расстреляны. Разбор дел происходил на крыльце во дворе штаба в присутствии довольно большой аудитории крестьян.

Следует отметить, что возвратившиеся советские учреждения впитали в себя большинство таких работников, которые душой и телом были связаны с белогвардейцами. Конечно, не обошлось и без того, что наши люди подпадали под влияние враждебных нам элементов.

Особенное подозрение внушал развертывавшийся уездный военкомат, весь аппарат которого, чуть не поголовно, был заполнен бывшими офицерами, служившими в думской страже и другими подозрительными лицами. На некоторых из них указывали, как на белых шпионов, так, напр., на штабс-капитана Лихобабина и других, что впоследствии и подтвердилось.

Характерно, что все , кто не принимался в полк, находили себе приют в комиссариате и комиссариатской роте. Отдельные бойцы и командный состав полка высказывали

опасения по поводу такой деятельности военкомата, пролетарским чутьем угадывая опасность.

На первом же заседании уездного совета я встретил враждебное отношение к себе и всем своим мероприятиям, по крайней мере, со стороны половины собравшихся. В большинстве это были левые эсеры, меньшевики и просто обыватели, отражавшие настроение местных зажиточных элементов. В категорической форме я заявил о необходимости подчинения в прифронтовой полосе всем мероприятиям и интересам обороны. Активную поддержку мы встречали со стороны Данцева, Пархоменко, Белогурова, Ермоленко, Сармина, Шепелева и ряда других. Благодаря им, дело формирования полка шло быстрым ходом.

Десятки ложных жалоб и клеветнических доносов неслись в Воронеж с целью подготовить почву для ослабления все возрастающей мощи полка, сила которого непосредственно угрожала местным белогвардейцам и готовившимся к нападению казакам.

Особенно сильное противодействие проявили контрреволюционные элементы после ареста одного из б. офицеров, обвинявшегося в шпионаже и связи с белыми казаками.

Дошло даже до открытого террора со стороны белых. Неизвестные лица два раза стреляли ночью в коменданта города Донского. Все эти обстоятельства заставили нас оставить в своем ведении тюрьму и дела по обвинению в шпионаже и контрреволюции. Комиссии по борьбе с этими видами преступлений и другого органа для этой цели в Богучаре тогда не было, а действовать необходимо было быстро и решительно.

Переговоры с Казанской станицей не привели ни к каким результатам, и вскоре мы узнали, что начальник тираспольского отряда, находившийся в плену у белых, был расстрелян.

После этого мной был созван военный совет полка, постановлением которого содержавшиеся в тюрьме контрреволюционеры также были расстреляны. Этим мы показали, что богучарцы также шутить не собираются.

Казалось, что после принятых нами мероприятий сила сопротивления со стороны контрреволюционных элементов была сломлена. Но это только казалось. На деле было совершенно иное. Переменив методы борьбы, богучарская белогвардейщина, руководимая станицей Казанской, тихой сапой подкапывалась, не без участия б. офицеров, работавших в военкомате, к Богучарскому полку.

Случилось так, что я, неосторожно вынув из кармана браунинг, прострелил себе ногу. Рана быстро заживала и, не желая

отрываться от работы. я лечился в своей квартире в здании штаба.

Однажды утром меня разбудил сильный стук в дверь. В комнате появились начальник комендантской команды полка Горин и Трофимов. Страшно волнуясь, они сообщили, что полк восстал, штаб оцеплен караулами, по городу конные патрули, а у гимназии митинг полка, куда их не допустили. Они ясно слышали, как раздавались крики, призывающие к убийству Малаховского, который будто-бы „бывший полковник и предатель." В заключение Горин и Трофимов заявили, что единственное средство спасения—это бежать, пока не поздно. Ясно было, что здесь кто-то действовал путем провокации. Только непосредственное появление мое перед всей массой бойцов и камандиров разбило гнусный план провокации полка и убийства меня под предлогом мнимого предательства.

Положение наше в Богучаре продолжало оставаться весьма шатким: справа немцы продвинулись до сл. Россоши, немецкие раз'езды, по имевшимся сведениям, доходили и дальше к северу до ст. Сотницкая. Слева, далеко на севере, по сведениям, пришли в район Новохоперска—ст. Поворино—Балашов—части Красной армии и партизанские отряды под общей командой Сиверса. О партизанских отрядах Сиверса говорили, как об испытанных бойцах, доказавших это впоследствии в боях с наступавшими частями армии генерала Краснова. В одном из сражений, как нам сообщали, был убит и Сиверс. Непосредственной связи с соседними частями, вследствие большой удаленности их, мы не имели. Сообщение с тылом восстановилось только по пути, пролегавшему на г. Павловск, который неоднократно находился под угрозой захвата банд с анархистским оттенком.

Приблизительно в это же время из штаба Павлова было получено уведомление о том, что отряд матросов в 400-500 человек, под черным знаменем анархистов, захватил Калач и там идет пьяный разгул грабежи и бесчинства, и что на Богучарский полк, как на один из надежнейших, возлагается задача разоружения, а при сопротивлении и уничтожения банды.

Выделенная экспедиция на Калач была проведена блестяще. Наши разведчики, узнав пропуск, сняли полупьяные караулы. После внезапного пленения всего штаба банды, матросы сдались, положив оружие. Добытые трофеи почти ликвидировали острый недостаток в оружии, снаряжении и обмундировании.

Время уборки урожая уже наступило, а из пограничных мест уезда понеслись тревожные донесения, что отряды ка-

заков переходят границу, грабят население, не дают косить хлеб. Тут же получено было распоряжение мобилизовать все население и вооруженные силы на покрытие уборки. Главные силы полка в это время были сосредоточены в сл. Шуриновке.

ОТСТУПЛЕНИЕ.

Не только в Богучаре плелась тонкая сеть клеветы и лжи вокруг Богучарского полка. В Воронеже притаившиеся гады сумели оклеветать и пустить яд недоверия даже по отношению деятельности Павлова, благодаря энергии, решительности, военным дарованиям которого удалось организовать первый отпор нависшей опасности со стороны немецких, гетманских и казачьих войск, двигавшихся в направлении Воронежа....

Прибыв в последних числах июля в штаб Павлова, я вместе с ним выехал в Москву для получения плана дальнейших действий.

Во время моего краткого отсутствия в Богучаре произошли события большой важности. Атаман „веевеликого войска донского" Краснов, укрепив и хорошо вооружив донскую армию при помощи немцев и опирая на них свой левый фланг, сильной группой войск, в состав которых входил и атаманский Гундеровский полк, перешел в наступление по линии Богучар—Павловск—Бобров—ст. Лиски—Воронеж. Авангард полковника Алферова занял Богучар после непродолжительного боя с небольшими частями Богучарского полка, оставшимися для охраны города. Главные силы полка, находившиеся в сл. Шуриновка, с боем отошли в северо-западном направлении. После этого все силы полка сосредоточились в районе сл. Верхняя Гнилуша. По словам очевидцев и участников, особенно сильно пострадали части полка, прикрывавшие отход полковых обозов и эвакуируемых учреждений города.

Противник повел наступление на город внезапно Около 40-50 человек мы потеряли убитыми, ранеными и пленными. Среди них погиб с оружием в руках, отбиваясь до последней возможности, член уисполкома Белогубов, рабочий-сапожник, активный большевик.

Местные белогвардейцы дружно помогали казакам во время боя, стреляя из-за угла по отступающим красноармейцам. Из ремесленного училища даже открыт был пулеметный огонь. По занятии Богучара казаками началась расправа над

заподозренными в большевизме и пленными красноармейцами. Всех заподозренных и пленных после варварских издевательств предавали мучительной смерти на главной площади города. Белогвардейцы у Галиевки закопали живыми в землю десять человек: „Вот вам земля и воля, как вы того добивались",—говорили при этом белобандиты. Когда один из закопанных поднялся из братской могилы (яма была неглубокая), то его закопали вторично.

Конечно, казаки, хорошо осведомленные о нашем расположении и численности, имея несомненное преобладание в коннице, сделали большую оплошность, что не отрезали путей отступления полка и не уничтожили полк по частям. Тем более это легко было сделать, что в их расположение мы вдавались клином, отрезанные от своего тыла реками Доном и Черная Калитва. За эту оплошность казаки впоследствии жестоко поплатились.

Настроение в Богучарском полку в связи с отступлением было пониженное, циркулировали разные слухи об угрозе нашему тылу. Справа попрежнему оставалась угроза со стороны немцев, налево отряд Сиверса уже отступил в Павловск. Из штабрига никаких указаний, или хотя бы ориентировки, не было. Мы предоставлены были своему собственному усмотрению и должны были действовать на свой страх и риск. Вообще о руководстве в то время штабрига и особенно штадива трудно было что-либо сказать. Оно в лучшем случае отсутствовало. Слишком оторванные от боевой действительности, они своими черезчур запоздалыми распоряжениями, зачастую нежизненными, порою вносили путаницу. Штабриг обычно располагался за десятки верст в тылу, а штадив умудрялся вначале командовать за несколько сот верст из Воронежа. Помню характерный случай. Оперативный приказ бригады о наступлении был привезен нам каким-то крестьянином, возвратившимся домой в местность, занятую белыми. Ему приказ вручил кто-то на дороге. Дата на приказе указывала на двух или трехнедельную давность.

Думать о какой либо связи с частями Сиверса, находившимся где-то под Новохоперском, конечно, не приходилось. Еще менее надежд внушала мысль о поддержке со стороны немногочисленного и сильно панического продотряда тов. С.

Чтобы поднять настроение и выяснить группировку противника, я приказал готовиться к наступлению. Высланная разведка сообщила, что Верхний и Нижний Мамон заняты довольно сильным отрядом казаков и что в районе слободы Русская Журавка, что на северо-восток от Верхней Гнилуши, замечены раз'езды белых.

Через некоторое время начальник пешей разведки донес, что внезапным нападением он сбросил казаков (до шестисот человек), занимавших Верхний Мамон, в реку Дон. Схватка была жаркая, казаков многих перебили, часть утопили, а часть ушла вплавь. Сам начальник пешей разведки был ранен в руку и живот. Плоды усердия Переяслова при формировании пешей команды разведчиков и подбор людей дали блестящие результаты. 130-140 человек пеших и 15-20 конных разведчиков при двух ручных пулеметах сумели одолеть вчетверо сильнейшего врага. Но кто мог заменить искалеченного Переяслова?

Однако, как оказалось, он не собирался уезжать в госпиталь и сдавать командование. Остановившись в обозе первого разряда полка, он отдал себя на попечение фельдшера.

Полк перешел в наступление после небольшой перестрелки и занял Нижний Мамон. Противник отошел к слободе Бычек. Не успел штаб расположиться в одном из домов, как в комнату ворвалась девушка лет двадцати-двадцати двух. оказавшаяся сестрой одного из военкомов полка, кажется, Бобровского. Она рассказала, как в Нижнем Мамоне были отрезаны казаками 10 или 12 отступавших из Богучара красноармейцев. Спрятавшись в ивняке на берегу, они ждали вечера, чтобы уйти, но местный поп видел это и выдал их казакам; казаки изрубили стрелков.

Я поручил Лисянскому составить комиссию и проверить сообщение и если оно подтвердится, то отправить попа к стрелкам просить себе прощение. Такое решение встретило всеобщее одобрение присутствовавших в штабе бойцов. Сообщение девушки подтвердилось полностью.

Поздним вечером из заставы привели двух жителей сл. Журавки, что у реки Дона, которые бежали от зверств белых. Они сообщили о занятии сл. Журавки белогвардейским богучарским добровольческим отрядом в несколько сот человек.

В час ночи полк выступил на слободу Журавку. Вперед в обход сл. Журавки, была послана конная сотня с несколькими пулеметами, которой дана была задача—закрыть выход из слободы с юга.

К рассвету полк незаметно подошел к окраине слободы и по сигнальному выстрелу из орудия атаковал противника. Оказалось, что богучарских белогвардейцев в тот вечер сменили казаки и им вновь пришлось поплатиться.

Метнувшись к выходу из слободы, казаки натолкнулись на засаду, которая начала поливать их пулеметным огнем, а потом по почину М. Веремеева началась рубка. Немногим удалось вплавь перебраться через Дон.

Имея в виду нависавшую угрозу со стороны Калача, кажется уже занятого казаками, полк отошел в Нижний Мамон для выяснения обстановки. Не успел полк расположиться на отдых, как заставы открыли беспрерывный ружейный и пулеметный огонь. Наступало около двух казачьих полков. Противник наступал в нескольких цепях, подходя к гребню высот на южной окраине Нижнего Мамона. Быстро развернулся полк и под грохот орудийной стрельбы почти бегом двинулся вперед к гребню высот, где стучали пулеметы сторожевых застав. Справа противник успел захватить высоты и теснил наших. Видно было, как местами наши отходили назад, упорно отбиваясь.

Слева высоты были уже прочно заняты нами, и цепи богучарцев двинулись навстречу врагу. Дружное „ура" прокатилось по нашим цепям, стрелки бросились в атаку.

Отдав распоряжение конной сотне—последнему резерву—обойти врага во фланг и, захватив орудие, ударить в тыл противнику,—я с 3-й ротой, во главе комроты Тимошенко, пошел на штурм. Правый фланг оправился и перешел в контратаку. Цепи расстроились. По полю сражения единоборствовали группы бойцов. Наконец все перемешалось. Наш пулеметный огонь очистил столбовую дорогу. Казаки уже колебались, некоторые, отстреливаясь, начали отступать по пахоте. Я с несколькими стрелками и помощником своим Рычковым, бросившись по столбовой дороге, уже обогнал фланг отступающих. Рота несколько отстала.

Обстреляв ближайших казаков, которые вынуждены были залечь в овраг, мы бросились дальше вперед по столбовой дороге к стрелявшей почти в упор из придорожных кустов неприятельской батарее.

Столб пыли, огня и дыма взметнулся у меня под ногами от взорвавшейся гранаты. Осколок гранаты пробил мне на вылет ногу.

Приподнявшись, я видел, что по всему полю отступали казаки. Некоторые бежали, сбрасывая на-ходу светло-се ые ши ели и бросая оружие, другие стойко отстреливались. Наконец, отступление их превратилось в сплошное бегство.

Полк выдержал настоящее боевое крещение, не уступив сильнейшему врагу. Темп развития боя и общая картина боя не отличались от типичных сражений мировой войны. Богучарский полк с честью сдал испытание на звание регулярного полка Красной армии, не потеряв вместе с тем ценных качеств партизанских отрядов.

Но никакие тактические успехи полка не могли, конечно, изменить нашего невыгодного в оперативном отношении поло-

жения. Чтобы не быть обойденным, полк отступил в исходное положение. Я находился в Павловске с обозом, когда противник усилившись, начал теснить полк, обходя его со стороны Калача. Упорно отбиваясь, полк отходил, по временам сам переходя в наступление.

Уже в лазарете мне сообщили о сильных боях за Павловском. Прибывшие раненые рассказывали, между прочим, о встрече в бою бойца-богучарца со своим дядей богатеем, бывшим в рядах казаков. Несмотря на просьбы о пощаде, красный племянник заколол своего белого дядю в штыковом бою. Такие случаи встреч родственников и односельчан в боях были не единичны.

Здесь же я узнал и о геройском подвиге начальника пулеметной команды Котлярова, который, будучи отрезан в слободе Подколодновке, отбивался до последней возможности и пропал без вести, считаясь погибшим. Но впоследствии оказалось, что ему удалось скрыться. Пробыв у белых в тылу около полутора недель, он собрал нужные сведения и, переодетый барышником, возвратился в полк.

Так как местность к северу от города Павловска уже была занята белыми, полк перешел реку Дон и, расположившись в сл. Белогорье, занял позицию по Дону. В этих боях, как и при первом занятии Богучара казаками, надо отметить большие заслуги комроты Тимошенко Петра Ивановича. В числе многих других Тимошенко был здесь тяжело ранен.

В Воронеже я попал в пятый земский госпиталь, находившийся недалеко от вокзала. Большинство мест в госпитале было уже занято богучарцами. Раненые стрелки продолжали прибывать. Здесь уже находился Переяслов, с которым меня поместили в одной палате. Потом прибыл Дронов К., Левченко и ряд других. Особенно тягостное впечатление производили тяжело раненые, которых помещали во втором этаже. Большую часть из них через некоторое время уносили в покойницкую.

Левченко, которому раздробило лопатку, по временам весь передергивался от страшной боли. Он не говорил ни с кем, это была мрачная натура, но, несмотря на сильные страдания, он не издавал стона, облегчая себя страшными проклятиями и ругательствами. Ужасное зрелище представлял один раненый, у которого снарядом были оторваны обе ноги до колен и обе руки до локтей, когда его перевязывали, тогда дикие, леденящие кровь нечеловеческие вопли оглашали своды госпиталя. Персонал последнего (все старые спецы и кисейные сестры), узнав, что я командир Богучарского полка, обратились ко мне с просьбой, чтобы я „приказал" раненым

не ругаться. Я сказал: „Когда их перестанут калечить, они перестанут ругаться."

Врачи и остальной медперсонал госпиталя были к нам настроены недружелюбно, и недобрая молва шла о них.

Почти все легко раненые оставались в обозе, где был хороший уход и теплое отношение. Ухаживали за ними несколько женщин, ушедших за своими мужьями с полком.

Выйдя первый раз в город, я встретил члена РВС Южной завесы Якира, который сказал мне, что мое присутствие в в полку больше, чем необходимо, и что если я могу, то надо скорей ехать. Несмотря на еще незажившую рану, я в тот же день отбыл в полк. Полк я нашел в сл. Белогорье. Отбив попытки противника переправиться через реку Дон, полк приводился в порядок. Оружия в полку было достаточно, т. к. трофеи удачного сражения под Н. Мамоном были очень велики Большинство было обеспечено обмундированием за счет убитых казаков. В патронах же ощущался недостаток. Что особенно бросалось в глаза—людской состав сильно поредел. Посоветовавшись с военкомом Зиминым и зная, что на пополнение извне рассчитывать не приходится, я дал распоряжение о выделении лиц для вербовки добровольцев в близлежащих слободах и о создании учебного центра при обозе 2-го разряда, расположившегося в сл. Сагуны. Кроме того был сокращен и в некоторой части заменен личный состав обозников легко ранеными. Все эти мероприятия привели к тому, что численный состав полка стал вновь быстро расти.

В течение сентября 1918 года мы делали неоднократные переправы через реку Дон и оказывали помощь наступавшим нашим частям по левой стороне реки, занимая неоднократно Павловск. Но нажим казаков со стороны Бутурлиновки заставлял наши части также быстро уходить на север, как неожиданно они и появлялись.

Вскоре после этого нас сменили. Полк занял участок сперва в В. Карабуте, а потом в сл. Колодезное. Переправившись через реку Дон, мы после упорных сражений заняли слободы Черкасово и Пески. От пойманного казачьего шпиона (женщины) мы узнали о намерении казаков внезапно напасть на нас. Предупредив противника и перейдя реку Битюг, мы нанесли серьезные поражения противнику в двух боях под сл. Лосево и сл. Березки. Здесь был ранен мой нештатный второй помощник, быв. штабс-капитан К. Степанов, который прибыл в полк в сл. В. Гнилуша.

Казаки в это время уже занимали Бобров и вели бои на рубеже реки Икорец. Получив распоряжение выйти

за реку Дон в сл. Колодезное, мы обратились с призывом к лосевцам, чтобы они не оставались с белыми и вступали добровольцами в полк. Заволновались лосевцы, потянулись почти все трудоспособные мужчины в полк. Но зверства казаков, производимые над семьями ушедших в Красную армию, заставили их прибегнуть к хитрости. Тайно явилась к нам от лосевских добровольцев делегация и заявила, что все готовы итти, но, чтобы семьям их не мстили, они пойдут при условии об'явления мобилизации. Казаки уже приближались. Другого исхода не было и мной дано было распоряжение об'явить мобилизацию. Тогда несколько сот добровольцев, отличных бойцов, присоединились к нам.

Мы имели не только крепкое боевое ядро, но и организованный тыл полка, который умел использовать все возможности и служил источником, откуда мы черпали очень часто свои сили. Этим мы обязаны были, с одной стороны, завхозу Мабельскому и некоторым членам Богучарского уисполкома во главе с председателем Данцевым.

По их инициативе сорганизовалась комиссия под председательством П. В. Данцева и членов А. П. Ковалева и еще других одного или двух членов (фамилий не помню), нечто вроде ЧК или ревтрибунала. Комиссия находилась в обозе второго разряда полка. Она развернула большую работу по борьбе со шпионажем и контрреволюцией среди населения, по чистке соворганов и в деле помощи снабжения полка. Самоотверженная работа комиссии обеспечивала нам революционный порядок в тылу.

Дни становились все холодней, а по ночам в летней одежде делалось совершенно невыносимо. Был уже, кажется, октябрь месяц, а многие былы босы и раздеты. Чтобы боеспособность полка не понизилась, необходимо было прибегнуть к чрезвычайным мерам. Разношерстность обмундирования в полку бросалась в глаза своей живописностью. Из центра обмундирования не присылали. Мы решили из'ять у местной буржуазии некоторый излишек. Из'ятие проводилось специальными комиссиями под руководством военкома. Кроме того, поступило на снабжение и конфискованное имущество бежавших к белым. Таким образом, дело было улажено, но смешение одежды было самое пестрое и подчас необычайное. Часть была одета в армейскую форму, часть смахивала на казаков, другие были просто одеты в крестьянские сермяги, чумарки и полушубки. Некоторые были в городских костюмах, в пальто, на некоторых были смокинги, а в качестве головных уборов были даже шляпы и котелки. Несколько человек из конной сотни щеголяли в цветных шелковых диаконовских

стихарях, смахивавших на черкески. Они были отбиты в одном из казачьих обозов.

Кулацкий элемент, на который возлагалась вся тяжесть снабжения полка, и родственники обезвреженных контрреволюционеров источали целые фонтаны клеветы о, якобы, чинимых бесчинствах и грабежах. Клеветнические доносы, которые неслись в Воронеж, постепенно начали создавать у некоторых превратное мнение о действиях состава полка. Наличие комиссара Зимина дало возможность парировать заносившийся над полком удар. Возросшая боевая слава богучарцев служила лучшим опровержением всяких вздоров.

* * *

Уже в первом бою обнаружилось, что при рукопашной схватке нельзя отличить, где свои и где чужие, особенно тех из наших, которые были одеты по-казачьи, на этой почве чуть не происходили кровавые недоразумения. И выход был найден Мы установили узаконенную и обязательную для каждого бойца форму: красная лента поперек шапки, прошиваемая в два-три пальца шириной.

Несмотря на то, что мы все дальше и дальше отступали от Бугачара, все же многие бойцы связь с родными слободами не теряли. Находились смельчаки, которые пробирались домой и возвращались, сообщая о виденном и слышанном. Чаще же приходили матери и жены стрелков, большинство которых бежало от расправы белых и уже оставалось с нами, помогая при обозе своим трудом, главным образом, ухаживая за ранеными, обстирывая и чиня белье для всего полка. Сведения, приносимые ими о действиях белых, были поистине кошмарны. Сперва явились, как рассказали бежавшие, казаки с обозом казачек и стали отбирать лучший скот и одежду под предлогом возмещения за гребежи большевиков. Потом явились помещики и стали производить форменные экзекуции над целыми слободами. При невнесении „убытков" деньгами или натурой крестьян запарывали до смерти шомполами. Сообщили также о мобилизации, об'явленной белыми, и о том, что мобилизованных отправляют в Кантемировку, где формируются какие-то части. В слободах вновь появились царские приставы, стражники, урядники и волостные старшины, которые производили расправу над беднотой. Всех заподозренных в большевизме или в связи и родстве с красноармейцами, избивали до потери сознания. Кого не расстреляли, тех отправляли на каторжные работы в новочеркасскую тюрьму. Из отправленных в Новочеркасск никто не возвратился. Из всех данных было видно, что в местностях,

не принадлежащих к землям войска донского, устанавливалась великодержавная монархическая, по образцу царской России, форма гражданского управления. Некоторые, прибывшие из района ст. Кантемировки, сообщали о появлении там большого количества царских офицеров, юнкеров и целых офицерских частей.

ШТУРМ ГОРОДА БОБРОВА.

В сл. Колыбелке Богучарскому полку было вручено за боевые подвиги красное знамя от ВЦИК. Здесь мы получили приказ о том, что нам придается Варшавский полк. Мы получили задачу—форсировать реку Дон, прорвать расположение противника и двигаться в тыл неприятеля до ст. Хреновой. Варшавский полк в составе около 800 штыков при нескольких пулеметах на крестьянских арбах с волами не заставил себя долго ждать. Вид полка был совсем „воинский", так как все были одеты в форменную одежду. Но настроение бойцов было не из воинственных. Все они были недавно мобилизованы. Наши бойцы вынесли плохое впечатление о полке и сообщили мне, что надежда на Варшавский полк слабая. Кавалеристов в Варшавском полку не было и, таким образом, весь мой отряд с которым я должен был совершить рейд по тылу противника, состоял из 2000—3000 штыков, 4 орудий и 70-80 сабель.

Нам было известно, что в районе Боброва, Средний Икорец, Николаевка, сл. Шестаково, сл. Лосево действуют главные силы группы войск донской армии воронежского направления. В общей сложности несколько десятков тысяч человек. Я долго не мог понять, что побудило командование пускать наш немногочисленный отряд пехоты в рейд против безусловно сильнейшего численно и технически противника. Впоследствии же, когда до нас дошли сведения о работе в пользу белых, кажется, начальника штаба дивизии и о бегстве его с боевым приказом и другими оперативными документами к белым, нам стало ясно, что приказ о нашем рейде был отдан с целью погубить отряд и что инициатором рейда мог быть только предатель.

Времени, однако, нельзя было терять. Оставив обоз и все лишнее в сл. Колыбелке под общим командованием раненного командира 5-й роты Павловского, я отдал распоряжение начать переправу. По наведенному мосту вначале переправилась пешая разведка и конная сотня Богучарского полка. Тесня охранение противника, мы заняли господствующие

высоты. Под их прикрытием стал переправляться весь полк с артиллерией. Несмотря на предварительную договоренность о способе действия, Варшавский полк под всякими предлогами медлил с переправой. Мы подымались на высоту у Владимировки, авангард, усиленный двумя сотнями, теснил противника, бой разгорался, а от Варшавского полка сведений о выступлении не поступало. Главная часть Богучарского полка находилась за склоном горы и не была видна неприятелю. Нам предстояло перейти громадную балку, чтобы войти на возвышенность в 2-3-х километрах к востоку от Владимировки. По всем данным видно было, что противник посчитал наш авангард за главные силы и заманивал его за большой овраг, проходивший по средине балки. Разведка донесла о появлении крупных сил противника из сл. Шестаково. Я решил выжидать и не обнаружить главных сил, артиллерии было приказано стрелять из одного орудия. Наконец, белые перешли в контратаку довольно значительными силами. Как оказалось впоследствии, с их стороны действовал какой-то сводный отряд и Новочеркасский полк. Наш авангард был застигнут, что называется, врасплох и быстро покатился назад. Белые торжествовали победу и, очевидно, решили преследовать до полного уничтожения врага. Я выжидал теперь, чтобы они с пулеметами перебрались через овраг на нашу сторону. Когда они, изнемогая от быстрого бега, поднимались в беспорядке по склону, семь резервных лучших рот Богучарского полка нанесли удар расстроенному врагу, завязившему в овраге свои пулеметы.

Результаты превзошли все мои ожидания. Варшавский полк только показался на горизонте, когда главные силы Богучарского полка, свернувшись в колонну, подходили к сл. Шестаково, где противник, оказав небольшое сопротивление, перешел реку Битюг и стал окапываться.

Из Нижнего Кисляя, видимо, подошли между тем какие-то свежие белогвардейские части. Была уже ночь, когда мы, овладев шестаковским мостом, подожгли его. Большой деревянный мост ярко пылал, горело еще несколько домов. Слобода Шестаково, населенная в большинстве кулацко-зажиточным населением (здесь было много сектантов), оправдала наши опасения. Некоторая часть жителей даже участвовала против нас в бою, остальные нам, безусловно, не сочувствовали. Шестаково. Березовка, Мечетка, Ливенка, Пузево, Клепово, Гвоздово. Русско-Журавка и ряд других селений всегда служили местами, откуда вербовались сперва дезертиры, а потом и банды.

Обезопасив себя на некоторое время уничтожением моста, мы быстро двинулись на Липовку. Ночью мы заняли Мечетку.

Из Варшавского полка, шедшего сзади, сообщили, что казаки перешли реку Битюг и, следуя по пятам, окружили один отставший батальон Варшавского полка и захватили его в плен вместе с командиром полка или его заместителем. Очевидцы передавали, что настоящего боя не было, при приближении казаков многие варшавцы просто положили оружие и сдались в плен.

Положение становилось критическим. Варшавский полк не только выпадал из состава наших сил, но делался обузой, и даже хуже. Сведения, собранные разведкой и верными крестьянами-бедняками, указывали на то, что противник нас ждет и, повидимому, знает о нашем плане движения ему в тыл. Надо было обмануть эти ожидания.

Стояла темная, туманная ночь. Верные проводники скрытыми путями, свободными от противника, повели нас к Боброву. Наступил день, но туман был настолько густой, что в нескольких шагах не видно было друг друга. В районе между Бобровом и ст. Анновкой наши раз'езды натолкнулись на охранение противника. Туман стал рассеиваться и загорелась ружейная перестрелка и артиллерийская стрельба. Конная сотня ударила на перерез отходившему от Ср. Икорца отряду конных казаков. Пленный казак показал, что еще вчера главные силы сняты с рубежа р. Икорец для встречи с нами.

Нашими силами было бесполезно вести атаку Боброва. С боем мы отходили к Ср. Икорцу, откуда вышел нам для поддержки броневой поезд. Впрочем нужды в этом уже не было. В то время, как мы пешком были двинуты в рейд по тылу противника, несколько наших полков и бронепоездов бездействовали в Икорцах, имея перед собой только сторожевое охранение конницы казаков.

На следующий день на Бобров повели наступление Богучарский, Кексгольмский, Варшавский полки и др. части с бронепоездом. После упорного боя, длившегося несколько часов, в котором казаки неоднократно переходили в наступление с идущими впереди цепей священниками в полном облачении, все контратаки были отбиты. Рота богучарцев во главе с командиром П. Рогачевым, членом ВКП(б), на плечах противника ворвалась в Бобров. В погоне за бегущими казаками эта рота пересекла город и у мостов р. Битюг наткнулась на отходившие в беспорядке части и обозы белых. Началась невообразимая паника. На мостах повозки образовали пробку и отступающие бросились в реку. Рота оказалась в тисках и, забаррикадировавшись у мостов, отбивалась от отступавших белых. Довольно значительные трофеи достались нам. Комроты Рогачев в священнической епитрахили, с крестом и саблей

докладывал, что поп, как и многие другие из казаков прыгнул в реку Битюг, бросив свое облачение.

Несколько сот человек раздетых красноармейцев Варшавского полка, взятых накануне в плен во время рейда, мы освободили из бобровской тюрьмы. Офицеры уже к тому времени не одного из них расстреляли, не имея возможности эвакуировать в тыл. Недалеко от железнодорожной насыпи, проходящей вдоль реки Битюг, на окраине города, нам показали засыпанную яму, где лежали уже расстрелянный командир Варшавского полка и еще несколько человек из начальствующего состава.

Трофеи, доставшиеся нам, укрепили полк, но численный состав заметно уменьшился. Казалось бы, до простоты было ясно превосходство действия нераспыленными частями, но, повидимому, этого не понимали или не хотели понять. Богучарский полк совместно с Варшавским получил вновь задачу—перейти реку Битюг и выбить противника из села Анновки и др. Общее командование группой было поручено Курскому, который, находясь с Варшавским полком, едва сам не попал в плен. И вот, когда передняя цепь богучарцев уже заняла окраину села Анновки и вела ожесточенный бой с упорно оборонявшимся противником, на участке Варшавского полка, наступавшего правее на рядом лежащее село, произошло что-то необычайное. Стрельба стала стихать и видно было, что все остановились и стояли во весь рост, собираясь в группы, смешавшись с вышедшими из села людьми. Небольшая часть одиночек бежала обратно, батареи на участке полка замолкли. По цепи пронеслось, что Варшавский полк сдался в плен. Появившиеся слева ст. Хреновой крупные части кавалерии казаков галопом гнали нашу сотню и заходили уже нам во фланг. Под перекрестным огнем противника богучарцы стали отступать. Это было одно из тяжелейших отступлений, противник следовал по пятам и уже обошел фланги. Группы наших пулеметов не давали сомкнуть кольцо. Брошенная наперерез белой коннице, шедшая в резерве наша 8-я рота приказание не выполнила и при виде несущейся на нее конницы и общего отступления побежала обратно. Состав роты был целиком из молодых парней, не служивших в войсках, недостаточно обученных и недостаточно обстрелянных. Положение было критическое, но не безнадежное пока богучарцы были живы и могли владеть оружием. Конница противника, встреченная огнем пулеметов, картечью батарей и огнем отступавших старых бойцов-богучарцев, отхлынула. Через некоторое время мы оторвались от противника, обеспечив себе путь отступления по дороге через плавни р. Битюг. Стемнело,

когда, свернувшись в колонну, Богучарский полк шел обратно к Боброву.

Варшавский полк перестал существовать. Мы потерпели поражение. Но особенно тяжело было воспоминание, что мы не смогли подобрать всех своих убитых и раненых, их осталось до пятидесяти человек на поле боя. Все знали, какая участь ждет попавших в плен богучарцев. Но между тем все понимали, что только такой ценой полк, как боевая единица, был сохранен. Вновь заиграли гармонии и загремели бубны, посыпались шутки и остроты по адресу варшавцев.

Что поражало в богучарцах—это их выносливость и веселый нрав. Гармония, бубны и даже скрипка никогда не умолкали, как и самые разнообразные украинские, казачьи песни и песни, родившиеся в боях, сложенные самими бойцами. Одним из таких самородков-поэтов был Моисей Шевцов (Забытый). Им был сложен ряд песен, которые распевал весь полк. В походе и в сражении с винтовкой в руках Моисей Забытый, сын бедняка-крестьянина, перелагал в стихи эпопею великой борьбы классов.

По сути дела дезертиров с поля боя надо было бы расстрелять, чтобы не деморализовывать часть, но положение было в данном случае несколько иное. Разве могли последовать их малодушному примеру старые, испытанные в боях добровольцы-богучарцы? Конечно, нет. Да и сами беглецы были хорошими и преданными ребятами, проявившими впоследствии чудеса храбрости. Собранные вместе в одной роте без старых бойцов и старых командиров, не нюхавшие пороха, они перед лицом страшной опасности не смогли побороть овладевшего ими чувства паники, с которым даже опытные бойцы не всегда вполне совладают, а иногда и поддаются ему. Поэтому я решил дать острастку. Когда полк подошел к мосту, то окружил разоруженных, бежавших в панике красноармейцев 8-й роты.

На мой вопрос, что нужно сделать с беглецами, оставившими своих товарищей в бою под ударом белых, по рядам эхом пронеслось: расстрелять.

Этим наказание и ограничилось.

Наш полк оставили в резерве и мне разрешили выехать на несколько дней в Воронеж, так как после контузии при взятии Боброва у меня снова открылась рана.

ЮЖНАЯ АРМИЯ.

От прибывших раненых—моего помощника К. Степанова и помощника начальника пулеметной команды И. Шматко—я узнал, что полк был в резерве около суток, а после того все время в бою. Силы белых растут, и казаки уже подошли к ст. Лиски. Полком командует Переяслов, так как все старшие по должности ранены или убиты. О храбрости полка и упорных сражениях говорили все.

Говорили о том, что полк богучарцев уже переброшен через р. Дон, и ведет бои с наступающими из сл Россоши только что появившимися на сцену офицерскими частями и полками. Как впоследствии выяснилось, это был корпус генерала Григоровича, входивший в состав так называемой Южной армии, которая с помощью генерала Краснова начала формироваться генералом Ивановым в сл. Кантемировке. Ядром для формирования Южной армии послужило несколько тысяч офицеров и добровольцев, приехавших из Киева во главе с „Союзом освобождения России"—офицерской монархической организацией.

В своих воспоминаниях белогвардеец барон А. Бутберг говорит, что Южная армия возникла по идее и с помощью генерала Краснова после того, как Деникин не согласился с планом, выдвинутым генералом Красновым, наступать на Москву до покорения Северного Кавказа. Командовавший Южной армией генерал Иванов, после ухода генерала Краснова, вскоре умер от тифа.

Бои с свежими силами врага отличались ожесточенностью. Полк, окруженный однажды, подпустил близко врагов и нанес им поражение. Затем, пользуясь туманом, богучарцы под командой Переяслова, зашли в тыл белым и перебили много людей из гренадерского полка и других частей, которыми, по сведениям, командовал князь Барятинский.

В этих боях под ст. Пухово был убит командир батареи Бовенко, один из тех, кому обязан своей славой Богучарский полк.

Однажды в деревню во время страшной вьюги вошли богучарцы и стали располагаться по квартирам. В это время в дом, который занял штаб, влетели квартирьеры белых с криком: „Кто занял квартиру штаба Кабардинского полка"? Переяслов, спокойно сидя, ответил: „Богучарский полк". Опешившие белые квартирьеры были взяты в плен, а в это время 8-я рота Богучарского полка, недоумевая, спорила на улицах с 8-й ротой Кабардинского полка о квартирах, пока не разглядела погонов и белых лент. Но и здесь богучарцы не

ТИМОШЕНКО
комбат Богучарского полка.

растерялись и быстро исправили оплошность своего охранения. Часть белых была истреблена, а остальные бежали.

Но многочисленный противник постепенно одолевал. Ст. Лиски была занята казаками. Правее находившийся отряд Сахарова отошел к Острогожску. Богучарский полк, обессиленный, изрядно потрепанный, отошел к с. Криницы. Железнодорожная магистраль ст. Лиски—Ростов-Дон была в руках Южной армии.

С чувством горькой обиды возвращался я через несколько дней из Воронежа в полк. Тайные происки белогвардейцев, хотя и не достигли своей цели, все же причинили немало неприятностей. В полк из Воронежа возвращался я на лошадях, так как на железную дорогу рассчитывать уже было нельзя. Около ст. Давыдовка уже были казаки, и их раз'езды, по некоторым данным, показывались, будто бы, даже и в районе ст. Масловка. Лошади пулеметной команды, запряженные цугом, быстро несли сани по снежной дороге; уже в районе между ст. Давыдовка и г. Коротояк стали встречаться какие-то растрепанные в боях части. Через Коротояк мы проезжали уже под впечатлением сообщений жителей о непосредственной близости белых.

После, кажется, в Острогожске в штаббригаде нам сообщили, что раз'езды белых вошли в Коротояк. В Острогожск приехал я на второй день вечером. Зайдя в штаббриг, я вдруг узнал, что командиром назначен Сахаров. Этого я никак не ожидал, да еще в такой ответственный момент. О его бандитских наклонностях в нашем полку имелись достаточные сведения. Кроме того, никакого военного опыта и дарования за ним не числилось. На фронте положение было самое аховское, а Сахаров был занят устройством каких-то вечеров, выступая в качестве артиста.

Прибывши в полк, я увидел, как резко изменилось настроение бойцов; все находились в каком-то унынии, апатия овладела даже самыми решительными людьми. И было от чего впасть в уныние. Суровая зима с сильными морозами и пургами наступила сразу. Не имевший зимнего обмундирования состав полка сильно страдал. Беспрерывные бои, несмотря на приток выздоравливающих и вновь прибывающих добровольцев, вследствие больших потерь ранеными и убитыми, понизили состав полка до 600-650 штыков. Общий неуспех на фронте и отступление ввиду превосходящего численно и в других отношениях противника, проявившего величайшую активность, несмотря на непогоду, отсутствие боевых припасов и недостаточное снабжение продовольствием—все это усугублялось весьма тревожными сведениями о занятии белыми

ст. Копанище и о предполагающемся ударе на Острогожск. Сведения, имевшиеся о противнике, говорили, что появились части, совершенно отличные от казаков, и что эти части действовали хотя и совместно с донскими казаками, но совершенно самостоятельно. Свирепость новых врагов в расправе над мирным населением и попадавшими к ним в плен бойцами оставили далеко за собой все ужасы казачьих зверств.

Жители и бежавшие из плена рассказывали кошмары об одной из новых форм пыток: белые раздевали догола пленных богучарцев, привязывали к саням веревкой, затянутой на шее пленного, и заставляли бежать за санями по снегу в жестокий мороз. Вместе с тем мы узнали, что все мобилизованные крестьяне занятой белыми Воронежской губернии после обучения идут на пополнение полков Южной армии. В части же Донской армии мобилизованных крестьян не направляют. Сообщали также об имевшемся в Южной армии отряде, состоявшем исключительно из монахов и священников. Наша разведка доносила, что среди офицерства частей, накануне занявших Должик-Кадубец, идет попойка и приготовление к наступлению на Острогожск и что в последний послана делегация из крестьян-кулаков с требованием: „Очистить немедленно город и приготовить баню для господ офицеров".

Наше положение было весьма опасное: с севера нас уже отрезали от действовавших в районе ст. Лиски частей, дальнейшее отступление совершенно дезорганизовало бы полк, а с отрядом Сахарова и им самим творилось что-то неладное. На мои категорические указания о готовящемся наступлении белых и единственном средстве спасения—опередить наступление противника своим контрнаступлением—мне отвечали неопределенными обещаниями. Комбриг же Сахаров отсутствовал. Как оказалось впоследствии, Сахаров в это время замышлял восстание против советской власти. После крушения своих планов он сбежал и, таким образом, его отряд, как и сам штаб бригады, участия в борьбе с наступающими белыми принять не могли, занятые внутренней борьбой. Ко всему прочему телефонная связь со штаббригом оборвалась, и мы были предоставлены своему собственному усмотрению.

Времени терять нельзя было, наше положение с каждым часом ухудшалось. Наша численность при всей нашей храбрости не гарантировала нам успеха. Решено было наступать ночью, чтобы в предрассветной темноте с тыла ударить на белых, выступивших на Острогожск. Послав извещение о своем решении в штаббриг, я приказал полку готовиться к выступлению. Так как многие бойцы были босы и раздеты, было дано распоряжение взять необходимое у более зажиточных крестьян.

Третьему батальону, под командой Лелекина, было приказано занять позицию между Острогожском и с. Кодубцом, откуда должны были двигаться главные силы противника, чтобы связать его боем. С двумя остальными батальонами я выступил в обход неприятеля. Ночь была настолько темная, что в двух-трех шагах нельзя было ничего разглядеть. Мятель буквально засыпала снегом, а усилившийся ветер по временам переходил в ураган. Шли по колено в снегу без дороги. По временам в низинах снег доходил до пояса. Но нами заблаговременно были взяты хорошие и надежные проводники, знающие каждый изгиб местности, и мы, благодаря этому, не сбились с пути. Когда мы были уже недалеко от цели, послышалась отдаленная стрельба. Это третий батальон вступил в бой. Наши рассчеты и сведения, доставленные разведкой, были верны: главные силы белых выступили на Острогожск. Теперь надо было торопиться. Первый батальон под командой Е. Бондарева и второй батальон под командой тов. Корнеева, задыхаясь, бегом бросились к вынырнувшей из предрассветной мглы деревушке. Впереди рассыпались и, взрывая снег, понеслись на санях пулеметы Котлярова и Шматко. Белые, наконец, заметили нас, и батареи брызнули картечью, посыпалась дробь пулеметов, но богучарцы, не взирая на потери, ворвались в деревню. Офицерский батальон, прикрывавший штаб и тыл, был перебит, батарея, находившаяся с ними, была захвачена. Было уже совершенно светло, когда, захватив деревню, мы открыли артиллерийский огонь по хвосту колонны, наступавшей на Острогожск. Началось что-то невероятное: сперва какие-то части развернулись и пошли на нас, но встреченные нашим огнем побежали в разные стороны. Обоз и артиллерия, бросившись с дороги, увязли в снегу. Все поле усеялось погонами, которые солдаты и офицеры срывали и бросали в снег. Добыча, доставшаяся нам, была весьма велика: несколько тысяч пленных, много оружия, боеприпасов, пулеметов, орудий и повозок.

Пленные были разных полков, и от них мы узнали, что наступавшей группой, в которую входили Кабардинский, Гренадерский и др. полки, командовал генерал Григорович, а всей Южной армией—генерал Иванов. Полки, по их рассказам, большей частью состоят из мобилизованных, но на каждые 5 человек мобилизованных находится в строю один офицер или доброволец. Настроение мобилизованных, по их словам, было враждебное белым. Причиной этого были экзекуции, проводимые по деревням карательными отрядами по просьбам возвратившихся помещиков, неслыханные поборы и насилия, чинимые восстановленной старой царской полицией.

Кроме того, пленные сообщили, что все население ближайших деревень по линии Кантемировка—Богучар и дальше на восток и запад, несмотря на морозы, выгнано для рытья окопов и постройки проволочных заграждений. В силу этого все население было страшно озлоблено на белых и ждет прихода большевиков.

Несмотря на усталость, богучарцы до вечера преследовали белых, и к вечеру мы занимали: 1-й и 2-й батальоны—Пухово, 3-й—Щербаково.

Богучарский полк окреп и стал расти численно, несмотря на потери. Дело в том, что среди пленных оказалось порядочное число богучарцев, мобилизованных белыми при занятии уезда. За них ручались наши бойцы, и их решено было принять в полк. Боеприпасами и прочим мы теперь были обеспечены надолго. Одна тяжелая, темная ночь вывела нас к победе и совершенно преобразила полк. Мы могли теперь сражаться и днем.

В направлении ст. Лиски слышен был непрерывный гул артиллерийской канонады—там, очевидно, шел бой. Вечером в Пухово ко мне привели офицера, плененного со всей заставой. От него мы получили сведения о частях Южной армии, находившихся в селе Залужном и ст. Лиски. Чтобы не упустить момент, я, оставив 1-й батальон в Пухово в качестве заслона, двинулся со 2-м к с. Залужному и, сняв охранение белых, внезапно напал на Гренадерский полк и офицерский сибирский батальон. Ночная тьма скрыла нашу численность, а внезапность дала нам победу. С рассветом возвратились мы в Пухово, ведя с собой часть пленных. Остатки белых из Гренадерского полка и офицерский сибирский батальон в беспорядке бежали через Дон в с. Песковатку.

Из Пухово мы наступали на ст. Рыбальчино и далее на село Евдаково, где захватили около трехсот пленных. От ст. Рыбальчино 1-й батальон, пешая разведка полка под командой Переяслова и рота сахаровского отряда, бывшая все время в нашем подчинении под общей командой Е. Бондарева, были выделены в самостоятельную колонну и двинуты по маршруту с. Марки, с. Юдино, х. Хвощеватый, сл. Сагуны; 2-й и 3-й батальоны преследовали противника в направлении на ст. Евдаково. По пути от захваченных пленных мы узнали, что несколько батарей белых с большим прикрытием направились на сл. Каменку. Поручив своему помощнику Рачкову вести батальоны с 8-й ротой и двумя пулеметами я, в санях, захваченных у командира одного из белых полков, бросился догонять артиллерию белых. Роты, несмотря на усталость, шли беглым шагом, мы с пулеметами неслись рысью. Нако-

нец, мы выехали на след отступавшей колонны. Сквозь начавший падать снег мы увидели силуэты колонны, скрывавшейся за бугром. Наши пулеметы повернулись и застрочили.

Когда я выехал на бугор, то оказалось, что по всему склону горы лежали и стояли брошенные повозки. Батарея так завязла в снегу оврага, что три пары добавочно впряженных в каждое орудие волов не могли их вытащить. Орудийная прислуга лежала, спрятавшись в овраге, а вправо от деревни, побросав сани, убегало около сотни офицеров. Мы были на краю деревни, примыкающей к станции Евдаково. На ст. Евдаково слышна была безостановочная частая стрельба. Над деревней и станцией рвались снаряды. За деревней в 100-150 шагах лежала цепь офицеров и вела перестрелку с цепями нашего 2-го и 3-го батальонов. Наконец, показалась 8-я рота. Офицеры отступили, и мы заняли ст. Евдаково.

Здесь мы захватили несколько сот пленных, но материальные трофеи были несравненно больше. Вследствие снежных заносов нам удалось захватить несколько воинских эшелонов со снабжением и один штабной.

2-му и 3-му батальонам пришлось выдержать на ст. Евдаково упорный бой, множество трупов наших и белых, особенно офицеров, свидетельствовали об этом. Офицеры все были в старой царской форме разных частей, но преобладали гвардейские с царскими вензелями на погонах.

Наша связь, включившись в железнодорожные провода, обнаружила, что по оплошности белых она слышит все их переговоры. Тотчас же мной был установлен специальный пост подслушивания белых. Мы полностью использовали эту их оплошность.

Установить связь со своим командованием нам не удалось. Это, конечно, можно было об'яснить, с одной стороны, тем, что полк быстро уходил вперед, преследуя противника. С соседними частями мы также не имели связи, т. к. саха-ровский отряд, вследствие измены, в операции участия не принимал. Части, бывшие левее нас, еще находились в районе где-то возле ст. Лиски и реки Икорец.

Части Донской армии, получив удары по левому флангу и понимая угрозу их тылу, начали отход от ст. Лиски на восток. Чтобы помочь частям, наступавшим с севера от Воронежа и от ст. Лиски, я решил нанести удар еще глубже по левому флангу и тылу Донской армии.

Численность полка к этому времени возросла в несколько раз. Боеприпасами мы были обеспечены как никогда. Это дало возможность дать колонне Бондарева совершенно самостоятельную задачу: по овладении сл. Сагуны повернуть на

северо восток и в направлении Бутурлиновки разыскать части Донской армии и нанести ей удар, установив связь с нашими частями, действующими в том направлении. В это время с поста подслушивания донесли, что в районе ст. Сагуны концентрируется особая дивизия белых в подкрепление остаткам группы генерала Григоровича, что в связи с снежными заносами на станции застряли поезда—базы артиллерийского снабжения и что все население из ближайших деревень согнано для очистки пути. Тотчас же, несмотря на усталость, батальоны были подняты по тревоге и двинуты на ст. Сагуны по двум дорогам.

Несмотря на адскую усталость—несколько бессонных ночей, движение по глубокому снегу с беспрерывными боями, на протяжении 70-80 верст—богучарцы шли безропотно, ободряя друг друга и напрягая все силы, чтобы скорее быть у цели, зная, что от этого зависели победа и окончательный разгром белых.

Ночью густой цепью ворвались богучарцы на станцию Сагуны и в поселок при станции. Заставы белых открыли огонь, но было поздно. Здесь также было взято много пленных, поезда со снарядами и патронами и другое имущество. Когда мы вскочили в вокзал, то нам сказали, что здесь был штаб, и всего несколько минут как генерал Григорович выскочил из вокзала, и указали на брошенную им карту пятиверстку и недопитый чай.

Перейдя в сл. Сагуны, которую после ряда боев уже занимала колонна Е. Бондарева, весь полк погрузился в сон. Было выставлено только несколько наблюдателей, т. к. нам были в точности известны все приказания по штабу корпуса белых, передаваемые по телефону о разведке. Имея в виду сроки, данные генералом Ивановым, и усталость наших стрелков, я решил дать небольшой отдых бойцам, а тем временем собрать подводы, т. к. и противник начал применять при отступлении эти средства передвижения и пешком гнаться за ним становилось невмоготу.

Мы уже приближались к зоне, где население начинало нам помогать активно. Из небольшого хуторка, находившегося недалеко от Сагунов, прискакал верхом на лошади крестьянский мальчик, который сообщил, что к ним в дом приехали на подводе два белых разведчика в форме, вооруженные, остановились в доме и распрашивают о местонахождении красных, и вот отец послал его к нам, чтобы сообщить об этом.

Здесь уместно будет заметить, что Богучарский полк обладал еще и весьма важным преимуществом в том отноше-

нии, что в его рядах были люди почти из всех населенных пунктов юга бывшей Воронежской губ. и даже из северной части Верхне-Донского округа, знавшие с детства не только все дороги, тропы и овраги тех мест, но и настроение населения в каждой слободе и станице и многих жителей. Этим преимуществом мы пользовались в полной мере. Тем более это было необходимо и важно, что мы имели только карты десятиверстки. Никаких ориентирующих данных от высших штабов мы не получали.

Колонна Е. Бондарева ушла по направлению Бутурлиновки, выполняя поставленную задачу.

Подслушав приказ генерала Иванова о намерении нанести нам удар при участии особой дивизии генерала Григоровича, я двинул 2-й и 3-й батальоны в район села Должик, чтобы предупредить наступление белых. И здесь мы нанесли поражение частям Южной армии. Причем часть отступавших белых попала на обходивший их за рощей 3-й батальон, который устроил в роще настоящую охоту за разбежавшимися белыми.

Солидная часть ударной группы генерала Григоровича, вскочив на приготовленные сани и отстреливаясь, стала уходить. Нам ничего не оставалось, как, погрузившись на сани, двинуться в погоню, что мы и сделали.

Здесь мы получили, не помню уже из штаба бригады или непосредственно из дивизии, категорический приказ о наступлении на Павловск. Из приказа было видно, что наши донесения штабу известны, известно наше местонахождение и намерение, как и известно о движении колонны Е. Бондарева.

Бросить преследование и дать противнику притти в себя на таком направлении, как железнодорожная магистраль Воронеж—Ростов и вместо этого двигаться в противоположном направлении, где было достаточно наших частей и могли быть в конце концов использованы части, тянувшиеся за нашим обозом,—такое разрешение задачи для меня было непонятно. Посоветовавшись с военкомом полка Зиминым, я решил не выполнять приказа, а продолжать преследование противника, о чем, сославшись на обстановку, известил наш высший штаб. Ночью через село Сергеевку мы повернули и внезапно заняли ст. Подгорную, думая захватить бронепоезд белых, но станция уже была покинута. Потеряв некоторое время на поворот к ст. Подгорной, нам пришлось наверстывать упущенное время.

Вдоль железной дороги наступать нам было невыгодно, т. к. встреча с бронепоездом могла нас задержать. Мы вновь

повернули на прежний путь за отступавшими параллельно железной дороге живыми силами противника. Наше движение затруднялось тем, что почти все подводы угонялись белыми.

В районе села Евстратовки на реке Черная Калитва нам вновь пришлось вступить в бой. Выбив белых и заняв ст. Евстратовку, мы уже намерены были дальше гнаться за остатками белых, как вновь получили самое угрожающее распоряжение двигаться на Павловск. Нечего было делать, приходилось распроститься с широкими планами быстрого наступления на юг. В тот же день мы покинули ст. Евстратовку и на мобилизованных подводах быстро неслись в направлении на Павловск, останавливаясь по пути только на самое необходимое время.

РАЗГРОМ ГЕНЕРАЛА КРАСНОВА.

Помнится, город Павловск мы заняли без большого боя. Здесь сразу же из окрестных деревень хлынул массовый приток добровольцев. Крестьянство, вкусив всю прелесть порядка, введенного белыми, стало почти поголовно на нашу сторону. Богучарский полк разросся колоссально, роты насчитывали 600-700 штыков, а некоторые и больше, конная сотня насчитывала теперь несколько сот сабель, а батарея—около двух десятков с лишним орудий.

Вопросы снабжения начинали нас тревожить. По территории, занятой белыми, пробирались делегации крестьян с просьбой об оружии и скорейшем наступлении. „Наступайте хоть небольшой частью—как только вы покажитесь, мы восстанем",—говорили некоторые из делегатов.

3-й батальон К. Лелекина вел бой на участке сл. Воронцовки—г. Павловск. Комбат 2 Корнеев с двумя ротами наступал на Калач, прикрываясь третьей ротой, действовавшей в юго-восточном направлении.

Кроме того, ввиду полного сочувствия населения, мы стали применять метод маскировки нашей численности. За боевой наступающей цепью на известном расстоянии шли цепями жители ближайших слобод, мужчины и женщины со всяким дрекольем, взамен нехватавших винтовок. На противника наша кажущаяся многочисленность производила потрясающее впечатление.

...К югу от Павловска, в сл. Горовке, Дерезовке, Талах и др. уже загоралось пламя восстания.

По занятии Павловска от колонны Е. Бондарева поступило донесение, что, гоня казаков, его колонна подошла к

Бутурлиновке и имеет связь с нашими частями, наступающими с северо-запада, и что начальник группы этих войск Р. подчинил его себе и приказал на Бутурлиновку не наступать до подхода ожидающихся войск. Через некоторое время Е. Бондарев явился сам и рассказал, что творятся непонятные вещи. В городе и на станции Бутурлиновка скопились отступающие казачьи войска и угоняемые ими мобилизованные жители. Колоссальные обозы загромождают Бутурлиновку, идет спешная эвакуация города и находящихся там запасов Донской армии.

В дополнение Бондарев заявил, что командующий группой Р. грозил ему за неисполнение приказа о ненаступлении судом Ревтрибунала.

Дело было вполне ясно. Р. хотел быть достаточно сильным для того, чтобы атаковать Бутурлиновку. Но, к сожалению, казаки не намерены были этого ожидать и уходили из города, увозя с собой все. Надо было не дать им провести эвакуацию, и это вполне ясно понимал Бондарев.

Выслушав его, я приказал наступать на Бутурлиновку самостоятельно, известив заблаговременно начальника группы о данном мной приказе.

В ту же ночь колонна богучарцев во главе с Бондаревым внезапно овладела Бутурлиновкой. Бросив все, казаки бежали в панике. Трофеи, оставленные нам, были весьма солидные. Как оказалось, части группы Р. для совместных действий с богучарцами двинуты не были. Он по всей вероятности считал утопией такой план захвата Бутурлиновки.

Так как надобность в нахождении первого батальона и пешей разведки в районе Бутурлиновки миновала, то вопрос о взаимоотношениях разрешился сам собой.

Одна рота батальона Корнеева, перейдя все разрешенные свыше границы для наступления, самовольно заняла слободу Подколодновку, а разъезды подходили к Богучару.

Наше положение было невыносимо с тех пор, как мы установили связь с нашим высшим штабом. Мы буквально были на привязи и тратили энергию на мелочи. Вновь пришлось, исполняя приказы, тонкой ниточкой разбросать по фронту силы полка и почему-то ждать, пока казаки из Новохоперска и Поворино не отойдут и не выровняют фронта. Мы полагали, что силы полка могли быть несравненно лучше использованы.

Наконец, к нам приехал помощник командарма Угрюмов, которому мы изложили необходимость использовать десятки тысяч добровольцев, развернув полк хотя бы в бригаду, а главное, необходимость безостановочного преследования про-

тивника. Кроме того, мы указали на то обстоятельство, что добровольцы в другие полки итти не хотят, и посылая их в другие части, мы тем самым теряем их вообще. Но здесь наша инициатива натолкнулась на сухой бессмысленный формализм. По телефону со ст. Подгорной Угрюмов приказал оставить в полку людей по штату, а остальных направить в распоряжение штаббрига.

Конечно, большинство из явившихся в город добровольцев разошлись по домам, а человек шестьсот, отправленные под командой, также не дошли по назначению. Так, вопреки самой ясной очевидности, мы не смогли использовать энтузиазм масс. Однако, много добровольцев, находившихся в составе рот, так и остались в полку. И это нас выручило впоследствии под ст. Мешковской от возможной гибели.

Перейдя в сл. Гороховку, мы продолжали находиться в прежнем положении, ожидая, очевидно, выравнивания фронта. Конечно, наше вынужденное до известной степени бездействие об'яснялось тем, что сзади подтягивались далеко отставшие части армии, но все же можно было использовать то, что было под руками, не задумываясь перед известным риском.

В сл. Гороховке, к глубокому сожалению, нам пришлось распроститься с общим любимцем всех богучарцев военкомом Зиминым. Только благодаря его влиянию, заботливости, пониманию людей и обстановки, Богучарский полк выдержал самые тягчайшие испытания и смог бодро и спокойно преодолеть все препятствия на пути к победе. Не раз впоследствии командный состав и бойцы с теплым, дружеским чувством вспоминали о нем.

Поляков явился достойным заместителем Зимина на ответственном посту военного комиссара полка.

Уже с первого боя выяснилась необходимость увеличения штаба полка против положенного по штату. При штабе все время находилось несколько сверхштатных лиц командного состава, исполнявших неписанные, но выдвинутые необходимостью обязанности. Штаб состоял из двух моих строевых помощников Рачкова и Степанова, двух „полевых адьютантов" С. Попова и Макагона, начальника связи В. Лебединского, начальника саперной команды Н. Дронова, комендантской команды Е. Горина и ряда технических работников штаба. В конце 1918 года к нам прибыли два врача—Мотовилич и Маташут. Кроме того, командир конной сотни, командир батареи и начальник пулеметной команды полка дополняли состав штаба и находились при мне, если не имели специальной задачи. Штатный адьютант полка, как мы его называли

„старший“ Борадаев, и „младший“—Варивода находились обыкновенно при тыловом штабе полка с обозом первого или второго разряда и приезжали часто в полевой штаб для оформления документов. Командование полка и штаб зачастую помещались совместно. Часто приходилось спать всем на полу вповалку, подстелив солому. Хотя это и было некоторым неудобством для работы, но имело много своих положительных сторон. Собственно жизнь начсостава полка ничем не отличалась от жизни рядовых бойцов. Конечно, бойцы понимали и считались с лежащей на нас ответственностью и нашей занятостью и сами в добровольном порядке поочередно выполняли мелкие хозяйственные обязанности как для себя, так и для нас. Жили, короче говоря, военной коммуной, кушали всегда все за одним столом без различия „рангов“,

Прибывшие в штаб Данцев и Ковалев стали просить об ускорении занятия Богучара. Я, собственно, и сам давно собирался это сделать, но имелся самый категорический приказ не двигаться вперед. Все же, не дождавшись разрешения, я перешел с полком реку Дон и в первой половине января 1919 года занял Богучар.

Встреча трудящимися города бойцов полка вылилась в мощную демонстрацию солидарности и поддержки советской власти. Все население было на улицах, несмотря на сильный мороз. Красные банты украшали всех. Нас приняли как родных, и каждый просил к себе на постой хоть одного стрелка, угощая всем, что было лучшего.

Но большие дома города пустели, их обитатели, захватив семьи и что поценнее, удирали в Ростов-на-Дону. Рассказывали, что за подводы бежавшие платили бешеные деньги, но большинство крестьян отказывалось везти. Часть беженцев, главным образом, семьи, наша конная сотня настигла недалеко от города с их барахлом по пути к ст. Миллерово. Однако часть самых злостных белогвардейцев успела бежать.

Авторитет полка в глазах крестьян необыкновенно возрос. По старой памяти прямо в штаб обращались по самым разнообразным делам.

Получив сведения о том, что в сл. Талы восставшие крестьяне ведут бой с белыми, мы послали туда на поддержку сперва одну роту, а потом еще две роты 2-го батальона и несколько орудий на санях, которые через некоторое время донесли, что наступление противника отбито и он отошел за сл. Кантемировку в южном направлении. Далее комбат 2 Корнеев донес, что с северо-западной стороны к сл. Кантемировке подошли какие-то наступающие цепи. При выяснении

оказалось, что это части партизанского отряда т. Кожевникова и что они намерены наступать на ст. Миллерово.

Наконец, на правом фланге, остававшемся открытым со времени наступления под Острогожском, мы увидели наши соседние части, хотя они давно уже могли быть здесь и принести существенную пользу. С уходом немцев, как мы узнали после, западнее ст. Кантемировка, кроме слабых и дезорганизованных украинских отрядов, разгоняемых самим восставшим населением, никого не было.

Между тем наш 1-й батальон, не задерживаясь в Богучаре, тесня противника в районе Донской Журавки, после жаркого боя захватил дела „Штаба западного отряда" генерала Иванова и трехцветное знамя. В делах „Штаба западного отряда" были найдены сведения о богучарцах и даже о каждом из лиц старшего начсостава полка. В этом бою вновь отличились комбат 1 Бондарев, не покинувший после ранения строя пока враг не был разбит. Раз'езды, достигшие станицы Казанская, сообщили, что казаки этой станицы положили оружие и расходятся по домам. Действительно, через некоторое время из станицы Казанская по телефону в Богучар сообщили, что едут делегаты от ряда станиц, в том числе и от Вешенской, для переговоров о сдаче. Приехавшие делегаты от казаков приняли поставленные условия о полной сдаче, и полк, получив к тому времени приказ, выступил для занятия станицы Казанская. Вся площадь станицы Казанской и берег реки были заняты десятками оставленных орудий, сотнями сложенных пулеметов и большими кучами винтовок, ящиков со снарядами и патронами. Тут же на площади стояла масса повозок военного образца и походных кухонь. Не было только ни одной лошади: их, очевидно, казаки увели по домам.

При разводе полка по квартирам произошел ряд эксцессов. Некоторые богучарцы опознали своих коров, угнанных казаками при занятии Богучарского уезда. Это несколько испортило первое радостное чувство. В станице Казанской мы, наконец, получили энергичный приказ о быстром наступлении через станицу Мешковскую в направлении на ст. Миллерово.

Походным порядком, с необходимыми мерами предосторожности, подходили мы к Мешковской. Густой туман сильно ограничивал кругозор.

Почти у входа в станицу завязался бой. Мы до известной степени все же не ожидали такого вероломного нападения, но, зная казачьи обычаи, были готовы ко всему. Очевидно мешковцы боялись расплаты за предательское уничто-

жение Тираспольского отряда и решили бороться до конца. И вот, когда главные силы Богучарского полка начали уже вытеснять казаков из Мешкова в направлении на х. Бирюковский к реке Дону, вдруг в обозе полка началась беспорядочная стрельба, крики и треск пулеметов. Хотя обоз и был близко, тут же с колонной, но туман скрывал его. Оказалось, другой отряд казаков напал с тыла, но и здесь казаки наткнулись на богучарцев. Наши обозники, как и обозники всех армий, имели склонность до известной степени к панике и не раз при неудачах на фронте преувеличивали их, доверяясь слухам. Но что отличало наших от других обозников—это то, что когда удирать было некуда, они брались за винтовки и взять их живыми в плен было так же трудно, как и находившихся в строю. В этом мы не раз убеждались, будучи окружены врагом. Когда 4 я рота двинулась на выручку обоза, там уже все было кончено. Находившиеся при обозе несколько пулеметчиков, т. Шматко и сами обозники отбили нападение, и казаки уже отходили на х. Назаровский. По занятии Мешковской мы об'явили о всеобщем прощении тем, кто положит оружие и вернется домой.

После этого, с нашего разрешения, в погоню за мужьями выехало на санях много казачек. Двигаясь на сл. Дегтево, мы встречали по дороге обозы с возвращающимися казачками, везущими по домам своих и других мужей. В Дегтеве, большой слободе, иногородные встречали нас как избавителей. „Майскими цветами устилаю ваш путь, братья-освободители“,—говорил, подойдя к колонне и рассыпая под ноги бойцам охапку душистого сена, какой-то крестьянин при радостных возгласах остальных.

ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ.

Мы приближались к ст. Миллерово. Кажется, в сл. Терновой или Ольховый Рог мы встретились с 107-м полком, который был сформирован из сахаровского отряда. Им в то время командовал Моргунов. Этот полк впоследствии пользовался вполне заслуженной боевой славой, как и его командир.

В сл. Никольско-Покровское (Свиная) полк вывели в резерв дивизии. Где-то к югу грохотала артиллерия. Но вот канонада стала близиться и, наконец, послышалась ружейная и пулеметная стрельба.

Приехавший в штаб полка комбриг Карлсон сообщил, что крупные силы противника прорвали фронт и вынудили

105 й полк к отступлению. На листке простого блокнота он набросал тут же боевой приказ.

Комполка 103 Малахо скому.

С получением сего приказываю Вам вступить в командование участком 105 и 103 полков, принять все меры к удержанию. Ушаков. Лютон-Сухоборатский и Алексеев (Тарадин)

Комбриг Карлсон.
Военком Бален.
22 февраля 1919 г.

Исполняя приказ, Богучарский полк спешно переправлялся через разлившуюся вследствие наступившей оттепели реку Калитву по наведенному нашей же саперной командой мосту на козлах из подручного материала.

Я выехал вперед принять участок, но было уже поздно; 105-й полк отступал, и указанные в приказе пункты были заняты белыми, следовавшими за 105-м полком. По некоторым данным, здесь, кроме казаков, были части добрармии под общим командованием генерала Май-Маевского. Причину отступления об'ясняли превосходством сил неприятеля, отсутствием патронов и прочими предлогами. Мой категорический приказ и принятые меры подействовали: нашлись патроны, и 105-й полк, остановившись, перешел в контрнаступление, но под сильным огнем противника залег. Тут нужны были богучарцы. Их черные цепи уже приближались беглым шагом. Когда мне перевязывали пробитые пулей висок и челюсть, все было кончено. Белогвардейцы не выдержали атаки богучарцев и отступали в беспорядке. Приказ был выполнен.

Борьба за Миллеровский железнодорожный узел была решена богучарской отвагой в нашу пользу. На следующий день богучарцы с боем заняли ст. Тарасовку с довольно крупным населенным пунктом. То, что мы увидели на ст. Тарасовке, не поддается никакому описанию.

Невдалеке от полотна железной дороги находились длинные ряды фанерных бараков, построенных еще во время мировой войны для военнопленных. Вокруг, на значительном расстоянии, эти бараки были обнесены высоким забором проволочных заграждений. Повидимому это был концентрационный лагерь. Когда мы приблизились к воротам лагеря, по двору на четвереньках ползли из бараков к выходу лагеря какие-то потерявшие человеческий облик люди. Полуголые и едва прикрытые лоскутами лохмотьев, заменявших им одежду, с завернутыми в тряпье ногами, обросшие грязными, всклокоченными волосами, высохшие, как скелеты, с воспаленными глазами, обессилевшие с голода и болезней, они издавали жалобные нечеловеческие стоны.

ВЕРЕМЕЕВ
командир эскадрона Болгарского полка.

Провожавший нас житель сказал: „Это пленные красноармейцы. Если кто из населения пытался помочь чем нибудь, то его тоже сажали и обвиняли в большевизме".

Мы стояли пораженные таким бесчеловечным мучительством, примененным к живым людям... В бараках картина была еще ужаснее. Пол и нары были усеяны трупами и еще живыми, но неспособными уже самостоятельно двигаться людьми, лежащими в собственной полузамерзшей моче и испражнениях. Уже умершие лежали на еще живых, дышавших, но уже находящихся без сознания. Некоторые, лежавшие ближе к дверям и выбитым окнам, покрылись льдом и примерзли друг к другу... Картины пыток средневековой инквизиции бледнели в сравнении с тем длительным и ужасным мучением, какое применили к пленным белые садисты. У некоторых, видавших виды, старых солдат при виде этого зрелища навернулись на глаза слезы...

Гнев закипал в душе и взывал о мести...

Приказав немедленно оказать помощь еще живым и похоронить мертвых и сфотографировав всю эту ужасную картину, мы покинули кладбище заживо погребенных. Всех живых и мертвых оказалось около 600 с лишним человек.

Штаб полка в Тарасовке расположился недалеко от вокзала в каком то большом доме. Вдруг, как гром среди ясного дня, раздались артиллерийские выстрелы у самого вокзала и застрочили бешено пулеметы...

Когда мы выскочили на улицу, все стало ясно. Через дорогу за станционным зданием, в сотне шагов от нас, стоял ворвавшийся бронепоезд белых и поливал Тарасовку огнем орудий и пулеметов. Обозы понеслись в панике, и никакая сила не могла их остановить. Но бойцы не растерялись. Пехота из-за прикрытий открыла огонь по бойницам и щелям бронепоезда. Выскочившие артиллеристы под руководством достойного преемника убитого Бовенко, командира батареи Шутилова, наведя на поезд тут же стоявшую батарею, прогнали его. Но вслед за бронепоездом шла пехота противника. Тут на сцену вновь выступила наша пехота, предводимая самим комбригом Карлсоном.

Бойцы уже успели хорошо поесть и отдохнуть и быстро, не взирая на огонь, бегом двинулись навстречу приближавшимся цепям противника. Через короткое время, не приняв штыкового удара, враг бежал. Мы не стали возвращаться в Тарасовку и, приняв нападение белых за приглашение наступать, начали преследовать бегущих.

...С каждым днем становилось все теплее и это нас очень беспокоило. Дело в том, что почти большинство из нас было

в валенках, и итти по талому снегу, а иногда и по воде, становилось невыносимым. У многих валенки протерлись, и люди днем совсем выбывали из строя, ожидая в придорожных хатах вечера, пока примерзнет путь или подберет попутная повозка. Люди стали болеть и еще больше увеличивать убыль, и без того большую от потерь в боях. Полк заметно таял. Все заблаговременные заявки на обмундирование оставались неудовлетворенными, хотя мы, невзирая ни на что, старались извернуться, беря кое-что от населения, но это не меняло положения. Отсутствие сапог грозило нам поражением. Этот враг был для нас страшнее белых, мы это знали по опыту осенних боев. Но бойцы понимали, что враг должен быть побежден при всяких условиях, и в этом понимании, собственно, и заключалась сила богучарцев, которые даже в самых скверных условиях не теряли боеспособности. Было жалко смотреть на людей – так страшно осунулись и изменились лица стрелков от переживаемых лишений. Но эти люди, несмотря ни на что, не сдали до конца гражданской войны. Их нервы выдержали все испытания, и они победили, так как враг не смог уничтожить их всех поголовно, что только могло бы дать победу над богучарцами.

Наше вынужденное прекращение погони за белыми на юг и возвращение из Евстратовки к Павловску, чрезвычайная медлительность операций в районе Павловска и движение с прохладцей по пустой территории значительного отряда Кожевникова начали сказываться. Враг окреп и приготовился к отпору, а начавшаяся распутица еще больше увеличила его силы, став препятствием на нашем пути.

Мы пожинали плоды кабинетной стратегии...

Каждую пядь земли вновь приходилось брать с боем. Мы одерживали еще победы, но враг приобрел гибкость и устойчивость. Теперь мы на опыте убедились, что даже самая блестящая тактика и высокие качества бойцов не могут восполнить результатов плохой стратегии.

Двинувшись для форсирования реки Северный Донец, дорогой, кажется, чуть ли не из боевой линии, я был вызван в штаб 12-й пехотной дивизии.

Войдя в помещение штаба, я очутился перед сидевшим мужчиной лет 45 с большой темной бородой; это был начдив 12-й Любимов. Рядом с ним сидел военкомдив Коссиор. От ранения щека и глаза у меня так распухли, что я видел только одним глазом и то с трудом. Расспросив о делах полка и поблагодарив за ликвидацию прорыва фронта, они предложили мне лечиться. Так как предложение было в форме приказа и возражения мне не помогли, к тому же действительно

надо было лечиться, то мне не оставалось другого выбора. Я избрал местом лечения Богучар.

ВОССТАНИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ.

Прожив некоторое время в Богучаре, я стал буквально осаждаться делегациями крестьян и крестьянок из разных слобод по самым разнообразным вопросам, большей частью связанным с поручениями родственникам, находившимся в рядах полка. Большинство посещавших мне почти неизменно с опаской задавали один и тот же вопрос: „А не готовится ли восстание против советов?"

Было очевидно, что белогвардейские элементы в слободах Богучарского уезда начали свою черную работу и к чему-то готовились.

Свои опасения и получаемые сведения я сообщил соответствующим организациям, но вначале там отнеслись к этому спокойно. Правда, были налицо отдельные оплошности и перегибы со стороны продорганов, обострявшие отношения с середняком. Но они исправлялись, и после разъяснений конфликты быстро улаживались.

Через некоторое время меня спешно вызвали в уездный комитет РКП(б). Там была в сборе почти вся организация города, ставшая уже довольно многочисленной. Большая зала не вмещала всех, все были возбуждены и взволнованы. Из сообщений ряда выступавших товарищей стало совершенно ясно, что контрреволюционная пропаганда уже не только разлилась по всему уезду, но и намечены сроки выступления против советской власти.

Мои опасения оправдались. Готовилось восстание. Партийная организация Богучарского уезда под председательством т. П. была поднята на ноги. По поручению партийного комитета было отпечатано письмо-обращение ко всему населению Богучарского уезда и бойцам полка.

Все эти мероприятия привели к полному успокоению умов в уезде. Атмосфера разрядилась, и работа в городе и уезде вошла в нормальную колею. Одного так и не удалось выяснить,—откуда все это началось и чья грязная рука направляла предательский удар в спину истекавшей кровью в неравной борьбе Красной армии.

И только спустя некоторое время, когда вспыхнуло на Дону восстание, всем стало ясно, откуда тянулись нити заговора. В Донской области находился ключ к разрешению этой загадки.

... В Богучар каждый день прибывали десятки раненых стрелков богучарцев с фронта. Там, на подступах к Луганску, ст. Каменской и у Осиного гнезда, в станице Гундоровской богучарцы и другие части южного фронта в упорных и кровопролитных сражениях с об'единенными силами ген. Деникина решали кровавый спор за овладение Донбассом и хлебородным югом России.

Молодая Страна советов уже начинала задыхаться в кольце окружавших ее со всех сторон врагов. Отсутствие угля грозило остановить железнодорожный транспорт. В довершение к общей разрухе хозяйства Республики костлявая рука голода повисла над страной.

Мы несли большие потери, на смену им шли новые бойцы, возвращались опять в строй вылечившиеся от ран. Бугучарский полк был органически связан с населением, питавшим его своими кадрами, преданными советской власти и партии Ленина. И в этом была неиссякаемая сила полка, не получавшего пополнения в обычном порядке, как большинство других частей Красной армии.

С величайшим вниманием и любовью слушало трудовое население слобод известия о боевых делах полка и долгом чести считало оказать помощь полку всем, чем можно. Всякое известие о победе с гордостью передавалось, как собственная победа, а неудачи полка вызывали взрыв негодования против белых и усиление притока добровольцев в полк.

Я уже собирался ехать обратно в полк, так как рана почти зажила, как вдруг по городу разнеслась весть о восстании казаков.

Спасшийся каким-то чудом и прибежавший почти голым член чрезвычайной комиссии в ст. Казанской рассказал о происшедшем: произошло приблизительно то же, что и с Тираспольским отрядом в станице Мешковской за 10 месяцев перед этим, но в более грандиозных размерах. Восстание в станицах Казанской, Вешенской, Мешковской и других началось внезапно и одновременно. Перед рассветом восставшие напали на ничего не подозревавших советских работников и части войск, находившиеся на территории восставших. Многих перебили, а остальных захватили и держали в плену. На другой день восстания все казаки без различия возраста были уже организованы в сотни и полки, и этими полками руководил штаб из казачьих офицеров. В рядах восставших были и казачки. В тот же день вся территория, занятая повстанцами, охранялась конными раз'ездами казаков. Восстание ширилось.

Весь уклад жизни казаков способствовал их быстрой организации. В мирное время хутора и станицы уже были

распределены по сотням и полкам, и каждый казак, имея все вооружение, снаряжение и коня у себя на дому, знал, куда по сигналу о тревоге он должен выезжать в полном вооружении и в состав какой сотни и какого полка должен войти. Этим преимуществом в полной мере воспользовались казаки-повстанцы, сумев провести подготовку восстания в абсолютной тайне. Нити их заговора шли далеко за пределы восставших станиц, проникнув и на территорию Богучарского уезда.

Но попытка спровоцировать середняка богучарца на восстание против советов разбилась вдребезги. Богучарцы остались верны революции.

На первом заседании уездного партийного комитета, где стоял вопрос о восстании казаков, мне поручено было организовать защиту уезда и экспедицию для подавления восстания. Никаких воинских частей, кроме случайно находившейся роты какого-то ревтребунала ни в Богучаре, ни поблизости не было. Рота была мной немедленно двинута в направлении станицы Казанской для выяснения и принятия необходимых мер. Из штарма 8 меня вызвали к прямому проводу и, узнав, что мною уже принимаются меры, утвердили мое назначение, но на все мои просьбы о высылке хотя бы двух регулярных полков пока не поздно—сообщили, что частей свободных нет и что для этой цели высылают две комендантских роты, которых будет достаточно.

Дело осложнялось, и надо было искать выхода. Вновь по слободам понеслись гонцы с воззванием ко всему населению, с призывом ко всем желающим защищать советскую власть, стать добровольно в ряды вновь формируемого „Богучарского резервного полка", а всем старым бойцам-богучарцам, находящимся по домам на излечении,—явиться в первую очередь, несмотря на состояние здоровья.

И потянулись добровольцы с котомками за плечами, в одиночку и группами, зачастую под командой еще не вылечившихся от ран старых бойцов. Некоторые из старых стрелков были на костылях. Подколодновка, Журавка и др. слободы, где почти все взрослые мужчины были на фронте, дали добровольцев в большинстве случаев в возрасте от 14 до 17 лет. В этих селениях остались буквально одни женщины и калеки. Припоминаю лица Е. Бондарева, М. Веремеева, П. Рогачева, явившихся в числе раненых с первыми партиями добровольцев.

Через несколько дней первый батальон Богучарского резервного полка двинулся на позицию к станице Казанской. За недостатком оружия все были вооружены как попало. За отсутствием обмундирования бойцы, пришив традиционные красные ленты на шапки, удовольствовались своим крестьян-

ским одеянием. Мы, конечно, не имели артиллерии и пулеметов. Был, правда, один пулемет в роте ревтрибунала.

Второй батальон также должен был скоро закончить свое формирование. По прибытии комендантских рот, на которые возлагались большие надежды (их должно было прибыть до 600 штыков, хорошо снаряженных), мы полагали рискнуть решительной операцией вглубь территории восставших, но прибытие рот замедлялось. Наконец они прибыли—хорошо обмундированные, снаряженные, с исправными винтовками. Они производили впечатление образцовой воинской части. Все с интересом и даже с некоторым чувством уважения осматривали их развернутый фронт. Однако наружность—вещь чрезвычайно обманчивая. В этом нам пришлось совершенно неожиданным для нас образом убедиться. Подошедшие несколько человек, как они себя назвали „делегаты" комендантских рот, заявили, что они на фронт не пойдут, т. к. их брали охранять „мостики" и пр. Это был не бунт и не восстание—это было худшее из применявшихся до сего времени видов предательства, я бы сказал, военный саботаж.

Комендантские роты категорически отказались итти против восставших казаков. Роты были немедленно разоружены и под конвоем богучарцев отправлены в Революционный трибунал 8-й армии. Обмундирование „комендантцев" мы дали богучарцам, уходившим на фронт, а взамен снабдили их довольно неприглядной одеждой партизан. Второй батальон резервистов в тот же день ушел на фронт, так как казаки уже перешли в наступление. Задуманная операция при имевшихся силах была бессмысленна. Надо было несколько усилиться, накопляя резервы, а до тех пор Богучарскому резервному полку была поставлена задача—приковать активными действиями силы повстанцев станицы Казанской, чтобы лишить их возможности ударить в тыл нашим частям, дерущимся на рубеже Северного Донца.

Богучарская партийная организация и уездный совет не покладая рук работали по укреплению и увеличению наших сил, но средств нехватало. Разграбленный белыми, уезд был истощен. Кровавая борьба на фронте обезлюдила многие слободы. Однако, ненависть к белым была настолько сильна, что мы продолжали получать подкрепления и постепенно усиливались.

После наших неоднократных донесений о широких размерах восстания, когда размах и сила восстания уже была чрезвычайно велика, стали прибывать мелкими частями войсковые единицы. Так, первым прибыл Петроградский эскадрон, хорошо себя показавший в бою. Потом прибыл еще какой-то батальон и еще какая-то небольшая часть.

Наступившая распутица облегчала наше положение. До прихода эскадрона у нас совсем не было кавалерии, противник же почти весь был на конях. Несмотря на прибывшее подкрепление, мы уже начали выдыхаться в борьбе с многочисленным, храбрым и хорошо знающим военное дело противником, решившим умереть, но не сдаться в плен живым. Теперь надо было по меньшей мере две хороших дивизии, чтобы мощным кулаком нанести удар и рассеять восставших, лишив их родной почвы, которая питала и увеличивала их силы. Но этого сделано не было, подкрепления продолжали поступать небольшими пакетиками. Приблизительно в это время мы вошли в состав экспедиционной дивизии и действовали уже в строгом соответствии с ее приказами.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДИВИЗИЯ.

Весна была в полном разгаре. От частей, занимавших слободу Глубокое, стали поступать тревожные сведения о состоянии зимней переправы по льду через Дон. Яркое солнце быстро согнало снег с полей, вода затопила местами ледяной покров реки, лед на Дону посинел и вздулся. Донесения и личная рекогносцировка убедили в том, что части, занимавшие слободу Глубокая, необходимо теперь же отвести на правый берег Дона, так как при ледоходе они лишались поддержки и отступление их к северу вдоль реки при нападении многочисленного и энергичного противника, каким были донские казаки, могло кончиться катастрофой. Но, несмотря на неоднократные наши сообщения о положении, с просьбой разрешить оставить слободу Глубокая, из штаба экспедиционной дивизии получался отрицательный ответ. Наконец поступил категорический приказ с угрозой ответственности не покидать слободу Глубокая, потому что части 9-й армии на левом фланге должны со дня на день повести наступление. Я положительно был как на иголках, вопрос был слишком ясен. Оставалось готовиться к самому худшему. Главным силам первого резервного Богучарского полка, занимавшего слободу Глубокая, приказано было отойти в сл. Дедовку, чтобы прикрыть фланг и путь отхода остающихся в слободе Глубокой. Но и на всякий случай в обе слободы согнали все переправочные средства, коих оказалось, конечно, недостаточно. Левофланговые части все еще не наступали. В последний день вновь сообщено было начальнику экспедиционной дивизии Антоновичу о снятии с себя ответственности за возможную гибель отряда, расположенного в сл. Глубокая.

С рассветом казаки повели наступление, окружив обе слободы большими силами. Целый день и всю ночь отбивались богучарцы от многочисленного врага и немолчно трещала ружейная и пулеметная стрельба, да по временам доносились взрывы гранат. Перед утром, когда все стихло, приплыли на нескольких лодках немногие оставшиеся в живых богучарские стрелки и сообщили, что остальные погибли в бою. Несколько десятков человек утонуло на большом баркасе, пробитом пулями казаков во время переправы через реку. Часть богучарцев, занимавших слободу Дедовка, пробилась на север и ушла плавнями на слободу Подколодновку.

Около двухсот юных богучарцев, геройски сражаясь, погибли в неравном бою, но не сдались белым. Рассказы оставшихся в живых о том, как умирали, отстреливаясь, молодые бойцы, многие еще мальчики, как все меньше оставалось защитников, теснимых к Дону, и как оставшиеся пятьдесят или шестьдесят человек, лежа до половины в реке, продолжали до полночи отбиваться от казаков, бросая иногда гранаты,—преисполнили гордостью сердца слушавших стрелков. Красноармейцы, прибывшие из других частей, с удивлением смотрели на этих с виду деревенских и невзрачных молодых парней с красными лентами на шапках.

Необходимость, наконец, ребром поставила вопрос о скорейшей ликвидации восстания в Донской области. Мы узнали, что с фронта снят ряд полков пехоты и кавалерии для подавления во что бы то ни стало восстания. И силы шли для этого действительно солидные. Если бы вначале дали хоть четверть тех войск, какие шли теперь, то дело повернулось бы иначе.

До прихода двигавшихся частей наступил какой-то застой, готовились мы, готовились и повстанцы, силы которых исчислялись до шести с лишним тысяч бойцов. Кто-то, не помню, встретил меня на улице с радостным лицом и сообщил, что на восстание идет старый, „коренной“ Богучарский полк. Через некоторое время сведения эти подтвердились. Наконец мы узнали, что полк в хуторе Сетроковском подвергся внезапному нападению повстанцев, но благодаря находчивости и смелости врид комбатов Павловского, Тимошенко и нач. батареи Шутилова разбил казаков и очистил ряд хуторов, с боем заняв станицу Мешковскую.

Сдав командование сводной группой, я направился верхом в полк.

В станице Мешковской, где стоял полк, жителей почти не было. Окружающие хутора были совершенно брошены населением, вывезшим имущество и угнавшим скот. Только изредка гробовая тишина хуторских улиц нарушалась перестрелкой

разведчиков да кудахтаньем случайно оставшейся и одичавшей курицы, которую тщетно старались поймать стрелки. Оставшееся продовольствие в брошенных домах приказано было не трогать без исследования, как и воду из колодцев. Вначале, по приходе полка на восстание, ему пришлось вынести ряд упорнейших сражений, и он добился некоторых успехов, но вдруг повстанцы изменили тактику и главные силы их обрушились на соседние части. Несколько дней подряд богучарцы бесплодно наступали, гонялись за конницей противника и ежедневно возвращались обратно в исходное положение, т. к. соседние части отступали под ударами повстанцев. Особенно большую „славу" в беспричинных отступлениях приобрел Бобровский полк. Наши стрелки были вынуждены из-за этого возвращаться и вновь наступать на непринимающего боя противника. Стоявшие правее нас рязанские или воронежские курсанты, которым мы придали свои пулеметы, отличались необычайной стойкостью и храбростью, но они быстро уменьшались численно, так как не имели притока пополнений. То же происходило и с другими частями. Левее нас в х. Калмыковом стоял 107-й Волчанский полк или, как его обычно называли,—Сахаровский.

„КОРОБОЧКА".

Состав полков по тому времени был средний по количеству. Так, например, в Бобровском полку было 500 600 штыков, а в Богучарском—около 800-900 штыков. Очевидно около этого было и в Волчанском полку.

Однажды, приехав по вызову в штаб бригады, я нашел уже здесь всех командиров частей. Командир бригады Ойраевский, бывш. начальник каких-то курсов, которые прибыли на восстание, производил впечатление большого теоретика. Говорил с большим апломбом, но во всем этом просвечивала какая-то неискренность, было что-то напускное. Казалось, что он говорил уверенно и спокойно о несомненной победе только потому, что учебники о войне требуют от начальника, желающего победить, уверенности в победе. В душе же он и сам мало верил в благополучный исход операции. В пространно развитой теории „коробочки", как он сам назвал свою идею борьбы с казаками, нападавшими на наши части со всех сторон, он видел гарантию от всех неудач и тут же заверил, что при применении этой системы мы должны в самый короткий срок разбить повстанцев. В „коробочке" Ойраевского, конечно, не было ничего нового. Термин довольно

старый „карре“ он заменил словом „коробочка“. Эту систему борьбы мы применяли давно, конечно, в видоизмененной форме, принимая в расчет действие современного оружия. Но дело в данном случае обстояло совершенно иначе. Мы не могли пешком угнаться за конными повстанцами. Кроме того, ведя борьбу отдельно с действующими частями, без всякой связи, мы давали им возможность бить нас по очереди и незаметно в интервалы проходить нам в тыл, дезорганизуя управление. Я указал на это обстоятельство комбригу и советовал изменить систему мелких разрозненных групп. Но он твердо стоял на своем. Тут же мы получили приказ о „концентрическом“ наступлении на ст. Вешенскую, где находился центр восстания. Я заявил, что богучарцы выполнят приказ и будут к указанному времени у ст. Вешенской, что бы это им ни стоило.

Тут же я добавил, что как только мы пойдем вперед, если штабриг останется в Мешкове, то ему „самому как бы не попасть в коробочку“.

Распростившись с Ойраевским и комиссаром бригады Михайловым и возвратившись в полк, я стал готовиться к выполнению поставленной задачи. С небольшими боями, легко рассеивая повстанцев, занимали мы опустевшие хутора. Очевидно, главные силы казаков были в другом направлении. Легкость нашего движения к центру восставших не предвещала нам ничего хорошего. Очевидно, казаки что-то замышляли, и нужно было быть настороже. В хуторах мы уже не располагались на ночь, избирая для этого близлежащие высоты, так как повстанцы, отлично зная местность, пользуясь этим, с необычайной отвагой внезапно делали ночные, весьма удачные нападения и, по сведениям, расколотили таким способом уже не одну нашу часть. Особенно плохие слухи шли о частях 9-й армии, говорили даже о сдаче в плен повстанцам целого полка, положившего оружие. Хотя видно было, что снарядов и патронов у казаков недостаточно, и они, повидимому, стали изготовлять их кустарным образом. Так, например, отливали свинцовые пули. По временам артиллерия у повстанцев совершенно отсутствовала. Но все свои материальные недочеты они с большим успехом перекрывали высокой боеспособностью.

Сведения о действиях под Луганском наших армий говорили о все нараставшем напоре войск генерала Деникина. Повстанцы уже сообщались с белыми, наступавшими от Новочеркасска, и имели не только живую связь, но и подкрепления в виде патронов, привозимых на аэроплане. Эта связь при посредстве аэроплана поддерживала дух и надежды повстанцев и необычайно усиливала их морально.

Наконец, после сражения с прибывшими крупными силами противника, богучарцы овладели высотами северо-западнее хут. Варваринского и, укрепившись, стали готовиться к заключительному ходу намеченной операции силами всей экспедиционной дивизии. Правее нас, мы знали, шел Бобровский полк, затем курсанты, далее, кажется, 7 й кавполк Домнича, левее на ст. Мигулинскую наступал 107-й Волчанский полк, а еще дальше должны были действовать части 9-й армии.

Казаки бросили х. Варваринский и отошли, но разведка их неотступно бродила вокруг нашего лагеря, изредка постреливая. Всю ночь горел х. Варваринский, освещая подступы к нашим передовым линиям. Далее мы получили распоряжение продолжать наступление на ст. Вешенскую, выполняя общий приказ. Спустя некоторое время, возвратившиеся вскачь несколько повозок обоза принесли весть, что сообщение с тылом прервано повстанцами. Посланный эскадрон возвратился ввиду крупных сил конницы противника. Но приказ и особенно личные раз'яснения комбрига говорили о том, что никакие обстоятельства и препятствия, в том числе и появление в тылу казаков, не должны были остановить нас, как и все остальные части дивизии, в движении к центру восстания. Ночью пешие повстанцы, переправившись через Дон, внезапно атаковали северную часть нашего лагеря, упиравшуюся в берег реки, но с потерями были отброшены в реку. Не успели мы отбить высадившийся десант, как предрассветная мгла огласилась частой стрельбой на юго-западной стороне нашего бивуака, где находились батарея и обоз. Когда я, спеша бегом на выручку, поднялся с резервной ротой на возвышенность, то увидел, что несколько тысяч кавалерии неслось на батарею и обоз, оставшиеся почти без прикрытия, так как все силы были стянуты к реке и принимали участие в ночном бою. Еще мгновение, и казалось, что артиллеристы погибли, но вдруг заговорили пушки. В упор картечью встретил несущуюся лаву камандир батареи Шутилов; сорганизованные им обозники и артиллеристы, прикрыв один фланг батареи расставленными повозками, встретили залпами несущуюся конницу. Как под влиянием сильного урагана, несущиеся всадники вдруг метнулись в разные стороны, поднимая клубы пыли, и повернули обратно, сопровождаемые беглым огнем батареи. Через несколько минут они скрылись за возвышенностью. В этом бою во время кавалерийской атаки был тяжело ранен в обе руки командир 1-го батальона Тимошенко П. И.

Утром, гоня перед собой небольшие части противника, Богучарский полк выступил по дороге на станицу Вешенскую,

исполняя приказ. В направлении на х. Напалов—В. Чирский слышна была отдаленная артиллерийская стрельба; значит, наши справа также продвигались вперед. Пройдя ряд покинутых жителями хуторов, недалеко от х. Белогорского мы настигали хвост колоссального обоза с имуществом повстанцев в сопровождении стариков, женщин и детей. Сильный отряд казаков прикрывал отход и переправу через Дон этого обоза. При нашем приближении все понеслось вскачь. Прикрывающий отряд и отступившие части казаков не выдержали натиска и рассеялись. Конная сотня бросилась через высоты и далее вниз к реке за уходившим обозом. Когда мы заняли высоты к югу от х. Белогорского, перед нами на большом расстоянии во все стороны открылся левый берег Дона. Внизу, в 2-х верстах от нас, на пологой песчаной равнине, раскинувшись по берегу реки, лежала большая станица Вешенская—центр повстанцев. Видно было, как через станицу, поднимая облака пыли, неслись в разных направлениях сотни повозок. У переправы через реку образовалось огромное скопление неуспевших переправиться подвод с домашним скарбом. Наша батарея быстро заняла позицию и прямой наводкой открыла беглый огонь по двигавшимся от станицы к переправе отрядам пеших станичников. Прибывшие с донесением кавалеристы сообщили, что переправа через реку казаками прервана, и с левого берега станичниками ведется ружейный огонь.

Возвышенность, которую занимал Богучарский полк, представляла собой довольно обширное плато с углублением к середине и являлась как бы естественным укреплением, господствующим над ближайшими окрестностями со всех сторон.

День начинал склоняться к вечеру, а о частях, которые одновременно с нами должны были прибыть с разных сторон к ст. Вешенской, не было ни слуху, ни духу. Мне как-то не верилось, чтобы никто из состава экспедиционных войск, кроме богучарцев, не выполнил приказа. С минуты на минуту я настораживался, надеясь услышать боевые звуки какой-либо соседней части. Я был уверен в том, что курсанты или кавполк Домнича вот-вот покажутся на горизонте. На соседний Бобровский полк я и вначале уже не надеялся и был уверен, что они не дойдут до указанного пункта. Но наступила ночь, а курсантов все не было. Видимо, и система „коробочки" не помогала.

Трофеи, обнаруженные в брошенных у переправы повстанцами обозах, принесли нашим стрелкам большую радость и пользу. Длинные, синего сукна, казачьи кафтаны, такого же цвета с красными лампасами шаровары и форменные фуражки преобразили богучарцев до неузнаваемости. Мне ни-

чего не оставалось делать, как тут же на лоне природы переодеться в преподнесенный казачий костюм, предварительно оторвав погоны. Царские подарки служилым станичникам пошли богучарцам в пользу. Не получая обмундирования, мы вынуждены были зачастую добывать его у противника.

Утром высланная разведка обнаружила вместо Бобровского полка и курсантов большие скопления конных казаков в хуторах Токин и Фролов. Хутор Водянский также был занят противником. Казаки, очевидно, чего-то поджидали, не проявляя большой активности. Повидимому, они ожидали, когда мы покинем свою выгодную позицию. Да и в самом деле, не могли же мы там сидеть вечно, ожидая „коробочки" Ойраевского. Становилось до очевидности ясным, что наших частей нет вблизи и мы брошены на произвол судьбы. Богучарский полк выполнил приказ, но впереди вместо триумфа предстояла неравная борьба с многочисленным врагом, окружавшим нас со всех сторон. Разделив полк на две группы и поместив в середину обоз, мы двинулись обратно, но по другому пути. Завидев нас, конница противника понеслась наперерез и, спешившись, залегла, преградив нам путь. Видимо было, что они не собирались выпустить из своих рук добычу. С боков и сзади за нами, постреливая, следовали, как почетный конвой, станичники.

Дойдя на ружейный выстрел до залегших цепей противника, передний отряд полка остановился, следовавшая за ним в арьергарде вторая часть полка, свернув в сторону превратилась в передовую часть и, поменявшись ролями с ранее шедшей впереди, пошла во главе полка, переменившего направление Это заставило главные силы казаков также менять позиции, выезжая на путь нашего следования по окружности с значительно большим радиусом. Под х. Варваринским силы казаков значительно увеличились, но безуспешно они пытались нападать на нас или втянуть нас в бой в невыгодных для нас условиях. Мы разгадывали все их ловушки своевременно. Так, двигаясь зигзагами, „играли" богучарцы со станичниками несколько дней кровавую партию, отходя от ст. Вешенской, а на ночь окапываясь на удобных высотах.

На огромном шахматном поле донских степей под звуки пулеметной и ружейной стрельбы, прерываемой рвущимися снарядами, падали фигуры, выбывающие из „игры" или навсегда или временно. Убитых и раненых бойцов мы клали на повозки шедшего в середине обоза. Стрелки понимали рискованность и почти безвыходность нашего положения, но это только усилило их напряжение, бдительность и отвагу.

Казаки чувствовали, с каким врагом они имеют дело, это видно было по их осторожности и осмотрительности. Все эти дни наш полк питался исключительно мясом бродивших бесхозяйственных стад коров и овец, т. к. другое продовольствие все исчерпалось и взять было негде. Недалеко от ст. Мешковской казаки прекратили преследование и попытки преградить нам путь. Заняв ст. Мешковскую и укрепившись, мы узнали печальную весть о том, что в то время, как наступление было в самом разгаре, около шестисот казаков, пройдя незаметно в тыл, на рассвете внезапно напали на штаб бригады и уничтожили почти весь штаб и прикрывавшие его резервные части. В числе других убитых называли и комиссара бригады Михалева, зверски замученного казаками Через некоторое время наши раз'езды донесли, что у х. Калмыкова они установили связь с разведкой 107-го Волчанского полка, который отошел и находился в районе х. Макаровского. Теперь со всеми ужасающими подробностями мы узнали, что „концентрическое" наступление на центр восстания сорвалось потому, что казаки, конечно, не пожелали спокойно ожидать результатов движения и, навалившись всеми силами, по очереди одолели изолированно наступавшие части, которые с большими потерями были отброшены на десятки верст назад, понеся большой урон. Комбриг Ойраевский, спасшийся каким то чудом, находился в Богучаре. Больше я его не видел. Вместе с ним исчез и наплодивший много анекдотов придуманный им термин „коробочка".

Первое время по возращении из „концентрического" наступления в ст. Мешковской мы находились как в осажденной крепости и едва успевали отбивать нападения, предпринимавшиеся с разных сторон подстерегавшим нас противником. Почти каждый день мы хоронили на высоком кургане у церкви своих убитых бойцов, и пули салютных залпов достигали застав повстанцев

И так изо дня в день шла борьба за обладание ст. Мешковской.

Зная гнусные обычаи белых казаков глумиться над трупами и предвидя возможность оставления станицы Мешковской, мы заложили в могилы павших бойцов гранаты с установкой для взрыва при малейшем движении, чтобы помнили, что богучарцы даже мертвые не даются даром в руки. Через несколько дней соседние участки вновь пододвинулись. Правее нас хут. Скельны заняли, кажется, рязанские или какие-то другие курсы красных командиров. У х. Калмыкова вновь укрепился Волчанский полк, а левее его занял уча-

сток прибывший на фронт Кронштадтский полк. Сведения о нем были неблагоприятные и вскоре мы узнали, что он потерпел поражение и бросил противнику несколько пулеметов, вследствие своей тактической негибкости.

Состав полка, несмотря на приток добровольцев, довольно значительно уменьшился, и мы впервые получили пополнение централизованным порядком человек около ста бойцов-партийцев.

На фоне общих неудач экспедиционных войск богучарцы показали высокие образцы воинской доблести. Слава Богучарского полка росла, о богучарцах-бойцах уже складывались легенды.

Приехавший член РВС 8-й армии Сокольников побывал в штабе полка и от имени высшего командования благодарил богучарцев за услуги, оказанные республике. Дело в том, что Богучарский полк не только вышел из безвыходного положения с честью, будучи брошен под ст. Вешенской на произвол судьбы, но и привлек к себе крупные силы повстанцев. В течение нескольких дней он удерживал их, чем дал возможность остальным разбитым частям экспедиционной дивизии остановиться и привести себя в порядок для дальнейшей борьбы.

40-я БОГУЧАРСКАЯ ДИВИЗИЯ.

Упорные и удачные действия повстанцев, привлекшие постепенно к себе довольно значительные силы с внешнего фронта, ослабив наши армии на рубеже Северного Донца, увеличивали силу нажима со стороны об'единенных частей донских казаков и деникинских добровольцев, наступавших от Новочеркасска. Вешенское восстание, все расширявшееся, толкало белое командование на путь решительных и энергичных действий.

В последних числах мая 1919 года конные части донцов ген. Секретова, перейдя реку Северный Донец, прорвали фронт и быстро двинулись на соединение с повстанцами, гоня перед собой и уничтожая попутно встречаемые части отступающих армий. В то же время 11-й донской корпус и конница генерала Мамонтова разбивает и отбрасывает 9-ю армию и, наконец, овладевает Царицыном. Действия частей экспедиционной дивизии, сопровождавшиеся неудачами и большими потерями, особенно так плачевно закончившееся „концентрическое" наступление, на которое возлагались большие надежды, обратило на себя внимание высшего командования.

Общественное мнение Богучарщины требовало скорейшего использования сил резервного Богучарского полка и добровольцев, прибывавших из слобод группами и одиночным порядком, сгруппировав их вокруг старого 103 го Богучарского полка в особую дивизию. Наконец, эта мысль, довольно старая по существу, нашла себе воплощение, вылившись в приказ о формировании 40-й стрелковой дивизии. Назначенный начальником дивизии Василенко Матвей Иванович сумел сочетать волю военного командования с помощью местных советских организаций Богучара, высоким энтузиазмом населения Богучарского и прилегающих к нему уездов и гремевшей боевой славой 103-го Богучарского полка, любимца населения. Это сочетание нашло свое отражение и в том, что первым комиссаром дивизии был назначен Михаил Иванович Ер оленко, один из лучших местных богучарских работников, принимавший активное участие в организации красных партизанских отрядов, помогавший в деле формирования Богучарского полка и хорошо знавший боевые подвиги полка и даже отдельных бойцов.

Здесь также необходимо упомянуть о комиссаре 1-й бригады Радченко А. П. и комбриге 1 й Касенко С., прибывших в начале формирования дивизии и остававшихся в ней до последних дней ее существования. Они сразу слились с бойцами-богучарцами и, завоевав всеобщую любовь и уважение, сыграли большую роль в организации побед 40 й дивизии и поддержании и культивировании богучарских боевых традиций.

Не выходя из сражений, формировалась 40-я дивизия.

Сформировать третью б„игаду не успели, так как начались ожесточенные отступательные бои с об'единенными частями ген. Секретова, об'единившегося с повстанцами.

С рубежа Северного Донца части 8-й армии были отброшены в северо-западном направлении и 23 июня белыми уже был занят Белгород. Разбитая 9 я армия, неся большие потери, быстро откатывалась на северо-восток. Группа ген. Мамонтова, преследуя и уничтожая остатки 9 й армии 18 июня уже была восточней ж д. Поворино--Царицын. В огромном, все ширившемся прорыве между флангами 8-й и 9-й армий единственным препятствием на пути двух сильных отрядов донцов, двигавшихся в общем направлении на Воронеж, явились остатки частей экспедиционной дивизии 8-й армии, частью вошедших уже в состав 40-й дивизии.

Соединившись с повстанцами и имея большой численный перевес, донцы под командой ген. Секретова, к западу от ст. Мигулинской и в районе ст. Казанской, разбили и рассеяли

7 июня Кронштадтский полк, сбили Бобровский полк и нанесли поражение воронежским курсантам, понесшим весьма большие потери.

В районе ст. Казанской один из сильнейших потоков победоносных белых армий столкнулся вдруг с неодолимым препятствием и, как в водовороте, завертелись две враждебные силы, сплетясь в кровавых об'ятиях. Казаки ген. Секретова, упоенные победами, сопутствовавшими им от Сев. Донца, с колоссально возросшей силой (благодаря соединению с повстанцами) обрушились на нас и, поразив Кронштадтский полк и курсантов, буквально осатанели, встретив сопротивление. В цепи боев, составляющих операцию у ст. Казанской, казаки потеряли надежду на возможность легкой и скорой победы. Мы отступали и изгибались под сильным нажимом, как гнется пружина, чтобы с тем большей силой нанести удар. Различие между тылом и фронтом потеряло свой обычный смысл, подвижный враг был всюду. Но мы действовали компактной группой и везде давали своевременный и должный отпор.

В упорных боях у ст. Казанской 106 й Кексгольмский полк понес большие потери, лишь 103 й Богучарский полк сдержал сокрушительный удар донцов и прикрыл планомерный отход. Богучарцы не дали восторжествовать сильнейшему врагу и зарождавшаяся 40-я дивизия, медленно отступая, вошла в полосу тяжелых и затяжных сражений. Богучарцы вновь покидали на произвол врага свои слободы. Собственно, в тяжелых боях под ст. Казанской и ее районе зарождавшаяся 40-я дивизия сдала свой первый боевой экзамен на звание Богучарской. Здесь же вошедшие в ее состав полки показали, что и сильнейший враг не страшен при умелом руководстве В критический момент наравне с рядовыми бойцами сражались и работники штабов бригад. Так, начальник штаба Орлов, раненый в рукопашной схватке, утонул в Дону с конем при отступлении. В этих же боях был ранен и военком 103 го полка Фишлевич. Несколько п зже мы понесли еще большую утрату в лице первого начдива 40 й Василенко М. И., который в трудную минуту под сильным огнем неприятеля лично руководил отражением атак казаков и был ранен осколком гранаты в челюсть. Мы все сожалели о Василенко, он был настоящий богучарец. В этом убедились все бойцы, видя его в самые опасные моменты возле дивизии, среди поля сражения, на самых ответственных участках, где только благодаря его личному присутствию победа склонялась на нашу сторону. Несмотря на то, что осколок гранаты раздробил Василенко челюсть и ранение причиняло ему сильные страдания, мы все с изумлением узнали, что он не оставил командование дивизии до конца боя.

На север между рр. Хопром и Доном, повторяя свой прошлогодний маневр в более широком масштабе и с несомненно большими силами, двинулись в двух сильных группах главные части донской армии ген. Сидорина для занятия ст. Таловой, Боброва и ст. Лиски, имея конечной целью по овладению Воронежем нанести удар на Москву. Но и теперь, как и в 1918 году, на этом пути их встретило вооруженное крестьянство юга Воронежской губернии под общей кличкой „богучарцев", принятой от 103-го Богучарского полка.

* * *

Весть о приближении казаков, разнесшаяся по слободам Богучарщины, подняла на ноги все трудящееся крестьянство. В Богучар хлынул поток добровольцев, послуживший резервом для 40-й дивизии. Как только казаки перешли границы Богучарского уезда, десятки тысяч крестьянских семей, забрав скот и что возможно на подводы, бросили свои родные слободы. По дорогам на север из пределов Богучарского уезда двигались гигантские обозы беженцев. Об'единяясь постепенно, по мере отступления, беженские таборы представляли собой нечто похожее на подвижной город. Часть членов Богучарского уездного исполкома и партийного комитета, двигавшаяся с беженцами во главе с П. В. Данцевым, А. П. Ковалевым и др., руководила и регулировала жизнь этого кочевого города.

Движение беженских таборов, их жизнь под открытом небом, полная тревог, опасностей и лишений, напоминала времена переселения народов. Под давлением белых варваров богучарское племя уходило к северу, покинув свои насиженные места, пересекая иногда земли недоброжелательно настроенных поселений. Здесь со стариками, детьми и женщинами находились раненые бойцы. Сюда же из обоза второго разряда Богучарского полка и обратно шел круговой поток людей, прибывавших по самым разнообразным делам и привозивших вести с фронта. С обозом второго разряда полка также двигались сотни повозок беженцев, желавших быть ближе к полку, где были их сыновья, мужья и отцы, и, несмотря на строгие распоряжения, они все же ухитрялись быть вблизи. Жестокость, дикие издевательства белых над мирным населением, производившиеся в 1918 году, заставили трудящееся население бросить все свое имущество и уходить под прикрытием Красной армии. Их отечеством становились не те места, где они родились и выросли, а там, где еще существовала советская власть. Если в 1918 г. беженцы насчитывались сотнями, то теперь их было несколько десятков тысяч.

По старой памяти и по многочисленным, вернее пого-

ловным, родственным связям беженцев с 103-м Богучарским полком, т.-е. с бойцами полка, семьи которых были в таборе, связь непрерывная, живая, органическая существовала все время между табором и полком и это являлось той силой, которая питала и быстро восстанавливала силы полка, несмотря на то, что несколько уездов, откуда шли добровольцы, были заняты и полк нес большие потери в беспрерывных и длительных сражениях. Отступление, несмотря на свои грозные размеры и опасности для Советской республики, благоприятно отразилось на боеспособности полка, который в несколько раз возрос численно и необычайно укрепился морально. Все бойцы понимали, что только решительная победа и окончательное уничтожение белых полчищ могут принести мир и возможность возвратиться в родные слободы. И никто не думал ни о чем другом, как о победе или смерти в сражении. Без хвастовства это можно было сказать о всех до единого бойцах.

Как это ни странно, но это об'яснялось тем, что в Богучарском полку существовал почти до середины 1920 года установившийся еще в первых боях полка обычай изгонять злостных трусов из рядов полка. Такие случаи были весьма редки, так как презрение и насмешки сопровождали изгнанного и в обозах, и в родных слободах.

К концу лета 1919 г. в 354-м Бобровском, 357-м Волчанском, 356-м Кексгольмском и др. полках дивизии стало постепенно увеличиваться число богучарцев-добровольцев, расти и крепнуть традиции богучарцев и их военные навыки, выкованные в боях 353-м Богучарским полком.

Из завербованных в таборе богучарцев, отступивших к пределам б. Тамбовской губернии, при участии и руководстве Пархоменко была сформирована 3 я бригада дивизии.

С жестокими боями отступали полки новорожденной дивизии, фланги которой были открыты для ударов противника. Особенно неблагополучен был левый фланг, т. к. о 9-й армии, которая должна была быть слева, не было ни слуху, ни духу. Несколько раз фланговые удары и нападения с тыла отбивали богучарцы с большими потерями для врага.

Вследствие отхода внутренних флангов 8-й и 9-й армий к северу на широту ст. Лиски—Новохоперск, части нашей дивизии вдавались в расположение противника клином, прикрываясь справа рекой Доном. В вершине угла, маневрируя и сражаясь, то занимая слободы и хутора, то оставляя их под давлением превосходных сил неприятеля, двигался по знакомым местам переименованный в 353 й Богучарский полк. В. и Н. Гнилуши, Морозов, р. Журавка, Хрещатая, Перевалочный, ст. Меловая и Гавриловское являлись пунктами нашего пути.

Нас особенно беспокоил левый фланг, который все время выигрывали казаки. Мы несказанно обрадовались, когда несколько сзади появились части 56 й дивизии...

Но вскоре на занятой ими позиции один из полков был разбит и рассеян внезапным наступлением казаков.

Для подкрепления 56 й дивизии прибыла в сл. Воронцовку еще одна стрелковая бригада. Наш полк получил задачу занять участок в районе Павловска, по берегу Дона. По пути к сл. Елизаветовке к богучарцам прибыл на смотр новый начдив Грживо-Домбровский. Так как разнесся слух, что это бывший генерал, то всем как-то было не по душе. Все были под впечатлением частых измен б. офицеров 56 й дивизии.

Появление его перед строем полка было встречено весьма холодно. На приветствия ответило всего несколько человек. Я заявил, что бойцы очень устали и что незнакомых они всегда встречают недоверчиво. Но вскоре гуманным обращением Грживо-Домбровский привлек к себе симпатии многих.

Боевая слава 40 й Богучарской дивизии тесно связана с именами первых двух начдивов, Василенко и Грживо-Домбровского, как и именами двух военкомдивов, Ермоленко и Радченко. Весь путь побед дивизии над полками армии ген. Деникина пройден под их умелым руководством.

Участок вдоль Дона против сл. Белогорья мы занимали несколько дней. Здесь против нас были уже не казаки, а белогвардейская часть ген. Май Маевского. Иногда в моменты затишья наши стрелки пытались переговариваться с ними через реку и по всем данным видно было, что среди белых солдат много мобилизованных, которые не прочь ответить, но тотчас же при приближении офицеров или добровольцев разговор обрывался. Это, повидимому, офицерству не понравилось, и они начали заводить переговоры с нашими бойцами под видом мобилизованных. Когда из наших кто-либо неосторожно высовывался из прибрежных кустов, думая, что говорит с мобилизованными, то белые внезапно открывали огонь.

Быстрая смена не только событий, но и форм, в какие выливаются эти события на войне, заставляли быть готовыми ко всему. В прошлом году мы в этих же самых местах и в это же время сражались с казаками, имели врага на левой стороне Дона, теперь же, наоборот, белые занимали правый, а мы—левый.

Правый фланг дивизии находился где-то под г. Коротояком. Полки занимали большие участки, шла беспрерывная борьба с наступавшим противником, пытавшимся переправиться через реку Дон. Богучарский полк был сменен под Павловском и прибыл в сл. Лосево для ликвидации намечавшейся переправы белых.

Приблизительно в это время взамен развалившейся 56-й дивизии в состав 8-й армии прибыла 33 я Кубанская дивизия, во многом имевшая сходство с 40-й. Бойцы ее, как и богучарцы, почти все были добровольцами—ураженцами Кубанской области. Они прошли длинный путь борьбы за советскую власть, покрыв себя неувядаемой славой. Богучарцы-бойцы с уважением отзывались о бойцах 33 й дивизии. Они свою репутацию оправдали, выдержав натиск и отбросив белых в еще более тяжелых условиях борьбы конца 1919 года.

Обстановка на фронте 9-й армии, неудачи в районе ст. Лиски и разгром 56 й дивизии, открывшей нам фланг и тыл, вынудили нашу дивизию к отходу, так как мы слишком выдвинулись вперед, ожидая продвижения соседей. Нашим слабым местом оставался левый фланг дивизии, так как правый фланг 9-й армии все дальше уходил к северо-востоку под давлением донцов. Поэтому вместе с отходом мы все время подавались к востоку. Видимо, высшее командование хотело уменьшить разрыв между внутренними флангами 8-й и 9-й армий и хоть как-нибудь устранить висевшую над нами опасность. Через несколько дней Богучарский полк, занимая село Васильевку на самом крайнем фланге дивизии и армии, получил приказ о переходе всей дивизии (тогда еще двухбригадного состава: третья бригада еще формировалась) в наступление на Бутурлиновку. Богучарский полк, выполняя задачу—зайти с тыла и внезапно ударить на части генерала Коновалова и другие, занимавшие Бутурлиновку и Чулок,—вечером выступил по дороге на село Велико-Архангельское.

На рассвете за с. В.-Архангельским, на высотах, в покрытом просом и кукурузой поле были обнаружены окопавшиеся цепи противника. Несколько всадников маячили на горизонте, очевидно, наблюдая нас. Полк перешел ложбину и начал подниматься на высоты. Прохладное утро 1 августа было тихо и ясно, обещал быть хороший, солнечный день и ничто не предвещало близкого боя. Несмотря на нашу близость, противник не открывал огонь, очевидно, желая подействовать на наши нервы и поразить неожиданно; наши тоже приближались молча, хотя все предосторожности были приняты. Договорившись с командиром батареи Шутиловым, уже нацелившим орудия, и убедившись в прав льности движения развернувшихся батальонов, я поехал в цепи. Казаки подпустили нас шагов на семьдесят и открыли убийственный огонь. Наши цепи на мгновение заколебались. Минута была решающая: ободряя бойцов, я бросился вперед, забыв об осторожности. Поднявшийся из проса белогвардеец прицелился и выстрелил в упор. Пуля пробила шею и, очевидно, задела

позвонок. Когда меня вели на перевязочный пункт, поле сражения было за нами. Встретившийся комиссар бригады Радченко, приняв на себя командование полком, со всем пылом, присущим его живому и энергичному характеру, начал преследовать противника. Богучарцы уничтожили целиком весь отряд белых, вступивший в бой с полком под В. Архангельским и почти наполовину состоявший из калмыков. Наступление калмыко казачьих частей ознаменовалось жестокостями над оставшимся населением слобод и массовым насилием крестьянок, о чем особенно много могут рассказать жители сл. Петропавловки, сл. Марченко, сл Красноселовки и ст. Нов. Кривуши.

Радченко, преследуя противника, захватил обозы и оркестр белых под Бутурлиновкой и занял окраину города. Главные же силы 40-й дивизии отошли к раз'езду Терехову. Отбиваясь от наседавших со всех сторон казаков, полк отошел и укрепился в с. В.-Архангельском. В этих боях военком бригады Радченко был ранен пулей, застрявшей в позвонке. Отбросив полки 40-й дивизии к северу от Бутурлиновки, казаки и калмыки всей тяжестью обрушились на Богучарский полк. Неся большие потери, богучарцы отбили ряд наступательных попыток белых. Сменивший Радченко в командовании полком начальник пулеметной команды Котляров был убит в одном из этих сражений.

ПРОРЫВ ГЕНЕРАЛА МАМОНТОВА.

Части дивизии изнемогали в неравной борьбе. Батальон 353-го Богучарского полка был брошен на поддержку соседней части, а в это время на оставшиеся два батальона в с. Васильевке хлынула со всех сторон конница ген. Мамонтова, имевшая целью прорвать фронт дивизии. Генерал Мамонтов намеревался повторить так хорошо удавшийся маневр ген. Секретова, но в более крупном масштабе, т. к. силы были собраны для этого несравненно более значительные. Но здесь что называется „нашла коса на камень"; отборная кавалерия донцов натолкнулась на пехотинцев-богучарцев, и вновь подтвердилась старая истина, что стойкой пехоте не страшна самая храбрая кавалерия. Несколько раз конная масса казаков неслась на богучарских стрелков с криком и гиканьем, но встречаемая огнем в упор, поворачивала назад взмыленных коней. Иногда дело доходило до боя холодным оружием, когда сотня смельчаков казаков врывалась почти в передние ряды богучарцев. „Бросай оружие, сдавайтесь, все равно по-

тибли",—кричали станичники, подымая коней на дыбы и сверкая шашками. В ответ раздавались выстрелы в лицо и взрывы ручных гранат. Наши удачно использовали окраину села с заборами и оврагами. Батарея била прямой наводкой, а свободные номера и ездовые превратились в стрелков. Решимость бойцов была высока. Для того, чтобы сломить сопротивление богучарцев, их надо было убить, а это не так-то легко было сделать. Уже день склонялся к вечеру, когда казаки, бросив надежду уничтожить богучарцев, прекратили свои бешеные атаки.

Крестьяне с другой окраины села Васильевки, занимавшейся казаками, рассказывали, как какой-то генерал перед расстрелом попавшего в плен богучарца свирепо ругался и не верил, когда богучарец сказал, что здесь сражаются два батальона Богучарского полка. В этот день в ротах не досчитывали многих погибших товарищей и среди них был храбрейший командир роты Безверхов, бедняк-крестьянин. шахтер, первый бросившийся на многочисленных врагов. В этих же боях, не желая сдаваться живым в плен, застрелился комбат 2, Корнеев—крестьянин слободы Галиевки.

Исчезнувшую конницу заменили пешие пластунские полки белых.

* * *

Конница ген. Мамонтова, не прорвавшись на участке 353-го Богучарского полка, ударила на стоявшую уступом слева 3-ю бригаду 40 й дивизии, только недавно закончившую формирование и имевшую далеко не полный состав. Смяв 358 й и 359 й полки, она двинулась в тыл дивизии по расширившемуся интервалу между полками, т. к. дивизия, занимая большой участок, не имела сплошной линии обороны. На пути казаки встретили 357-й Волчанский полк. Благодаря введенным в дело бронеавтомобилям, после ожесточенной схватки, они отбросили со своего пути Волчанский полк, который понес большие потери, в том числе и своего боевого командира Моргунова, убитого в бою.

Третья бригада 40-й дивизии приняла настоящее боевое крещение. Несмотря на небольшую численность полков, бойцы, в особенности бывшего в окружении 358 го полка, показали себя настоящими богучарцами. Около пятисот человек 358-го полка, под командой опытного бойца, помкомполка Шенцова Ф. Н, отбиваясь, выходили из кольца.

Комиссар 358-го полка Клочков, попавший в плен, бросился на гранату, но уцелев случайно. через несколько дней

бежал из плена; несколько человек, не желая сдаваться живыми, застрелилось.

Все горели желанием победить или умереть и никто не помышлял, несмотря на явное превосходство противника, отказываться от борьбы.

Чем ближе нарастала опасность и чем яростнее нажимали казаки, тем упорнее и решительнее отбивались богучарцы.

С обозом первого разряда, где находился полковой околодок, я прибыл в Александровский поселок, в штаб 40-й дивизии. Фронт дивизии медленно отходил и был верстах в 12 к югу, на линии ст. Абрамовка—Бобров.

Ночью вдруг раздался стук в двери клуни, где мы спали с врачом. Проснувшись, я услышал тревожный голос, предупреждавший об опасности. Быстро запрягли обоз и выехали на улицу, где, построившись, ожидали приказа. Сообщивший о приближении казаков был послан в штаб дивизии сказать о виденном. В поселке, утопавшем в утреннем тумане, была абсолютная тишина; не верилось, чтобы так тихо и незаметно для штадива могли подойти казаки. Ведь должен же был хоть кто-нибудь охранять расположение штадива! Скопившиеся в поселке обозы и штаб дивизии мирно спали, не чувствуя близкой гибели, как оказалось впоследствии, здесь же находился и батальон Волчанского полка, но очевидно, полагаясь друг на друга и на удаленность фронта, охраны никто не выставил. Переполненный поселок никем не охранялся. Мы находились в выжидательном положении. На окраине селения, в нескольких сотнях шагов, показались фигуры цепью двигавшихся всадников, открывших редкую ружейную стрельбу. Засвиставшие пули лучше всяких слов убедили в том, что это казаки. Как оказалось, это были разъезды прорвавшейся на участке 3-й бригады колонны ген. Мамонтова, быстро двигавшейся в тыл 40-й дивизии и дальше, в общем направлении ст. Лиски—Давыдовка, чтобы сокрушить 8-ю армию. Начало для казаков было хорошее, они совершенно неожиданно для себя натолкнулись на добычу, которая по своей оплошности прямо просилась им в руки.

* * *

Наш обоз понесся рысью. Выстрелы зачастили. Уже совершенно стало светло, надвигался день, а поселок все еще спал мертвым сном. Когда мы доехали до церкви и сравнялись со штабом дивизии, сразу все ожило. Широкая улица Александровского поселка переполнилась несущимися вскачь повозками.

Началась настоящая паника. Все неслись по направлению к Н. Чигле. Восходящее солнце озаряло картину бегства. Несмотря на то, что мы раньше всех узнали о приближении казаков, благодаря расположению нашего обоза на окраине, к которой двигались белые,—наш обоз попал в середину бегущего хаоса. За поселком мы увидели, как на перевес нам, огибая село, неслось несколько сот донцов. Поднялась беспорядочная стрельба, сзади мчавшиеся повозки рассыпались по всему полю. Видно было, как сверкая клинками, рубили бегущих казаки и заворачивали назад повозки и пленных. Не доезжая с. Н. Чиглы, я и находившийся уже здесь тоже раненый начдив Василенко стали с несколькими бойцами ссаживать с повозок всех людей, за исключением ездовых и рассыпать их в цепь. Дело было довольно сложное, т. к. приходилось самим хватать лошадей и останавливать повозки, а потом, угрожая оружием сопротивляющимся или просто стаскивая с повозки на землю, выгружать лишних пассажиров, приводить их в чувство, безоружных вооружать. Только после всех этих процедур вновь обретенный боец становился в строй. Таким образом, довольно быстро собрали несколько сот человек. Брошенные в Н. Чигле пушки также подготовили к бою. Гнавшиеся в беспорядке донцы были остановлены огнем. Несколько попыток их занять Н. Чиглу было отбито. Большая часть наших обозов была спасена и, что особенно важно, нам удалось отразить удар, наносившийся в непосредственный тыл наших фронтовых частей. Без сомнения, противник был введен в заблуждение упорным сопротивлением под Н. Чиглой и по всей вероятности думал, что наткнулся на свежие резервные части.

К вечеру главные силы Мамонтова с боем заняли Н. Чиглу, выбив наш заслон. Но в это время подходили уже вернувшиеся с фронта 353-й Богучарский и 354-й Бобровский полки и в большом поселке Н. Чигла загремел упорный ночной бой. Конница ген. Мамонтова вновь встретилась с богучарской пехотой. В ночном бою упорство казаков было сломлено и Н. Чигла была занята нами. Казаки стали уходить к северо-востоку. Богучарцы во-время подоспели к Н. Чигле и изменили маршрут рейда ген. Мамонтова. Не случись этого, частям 8-й армии пришлось бы очень туго.

Прибывшие из Александровского поселка рассказывали нам о пытках, учиненных над захваченными в плен и казни большинства их. Там погибли среди многих других и начальник штаба 40-й дивизии и весь политотдел.

* * *

Группа генерала Мамонтова двинулась в тыл 8-й армии, а части 40 й дивизии, отбив все атаки пехотных частей казаков, несмотря на всю тяжесть вынесенной борьбы с конницей ген. Мамонтова, перешли в наступление и уже приближались к Бутурлиновке, гоня противника.

Никакой тени боязни возможного появления с тыла противника и встречи с ним среди стрелков не было. Наше наступление приостановилось лишь в связи с неблагополучием на фронте соседних дивизий.

После второго прорыва фронта Мамонтовым и ухода его из нашего тыла, белые части, пополненные резервами, начали напирать с особой настойчивостью. Наша дивизия, занимавшая большой участок от села Гавриловка и до Коротояка по р. Дону уже отбила ряд попыток прорвать фронт.

Но вот однажды противник внезапно, под прикрытием сильного артиллерийского огня в районе 354 го Бобровского и 352-го полков, форсировал р. Дон и, заняв дер. Бабка, по наведенному мосту стал переправлять артиллерию, конницу и пехоту, тесня наши части для решительного удара.

Наши полки проявляли необыкновенное упорство, особенно Бобровский полк. Уцепившись за местность, они не давали противнику распространиться. Подоспевший Кексгольмский полк несколько облегчил положение, но белые все прибывали, и с каждым часом положение наше ухудшалось. По сведениям, уже переправилась целая дивизия ударной группой добровольческой армии. Второй день наши полки бесплодно пытались опрокинуть белых в реку. Проливной дождь, шедший эти дни, превратил в болото окружающую д. Бабку низменность. Я получил приказ: с двумя батальонами Богучарского полка выступить для поддержки. Утром мы прибыли к дер. Бабки и узнали, что ночной атакой наши полки выбили белых из деревни и опрокинули в Дон. Поражение переправившихся частей было полное: брошенные орудия и другие трофеи красноречиво свидетельствовали об этом.

* * *

Новый рейд Мамонтова, прорвавшего вновь фронт 8-й армии к северу от ст. Лиски, совершенно дезорганизовал тыл дивизии, находившейся правее нас.

Сведения о сдачах в плен целых полков и совершенном разложении частей 13 й армии предвещали наступление тяжелых и кровопролитных боев с упоенным победами врагом. Приблизительно в конце сентября или начале октября мы

получили приказ отступить на сл. Лосево и дальше по направлению к северу. Итти пришлось по глубокой грязи, отстреливаясь от преследующих частей неприятеля. За сл. Лосево уже чувствовалось, что в тылу у нас, куда мы шли, весьма и весьма неблагополучно. Гул артиллерийской стрельбы, доносившийся оттуда, возвещал нам об этом. Противник отрезал нам путь отступления. В районе сл. Шестаково и Мечетки мы увидели белые облачка рвущейся шрапнели и вынуждены были свернуть на село Козловку. Хвост нашей колонны все же был обстрелян артиллерийским огнем немного опоздавшего противника.

В этом районе я встретился с недавно прибывшим в дивизию командиром 2 й бригады Страховичем. Полки его бригады, отступая, вели бой у села Мечетки. Страхович был добросовестный командир, старый военный специалист, умело командовавший бригадой и не раз водивший ее к победам.

Разрезываемая рейдами на части, поворачивая фронт чуть ли не во все стороны, отрезанная от снабжения тыла вследствие перерыва коммуникаций, извиваясь под ударами сильнейшего врага, 8-я армия сдерживала напор белых в то время, как 9-я и 13-я армии далеко откатились к северу.

* * *

Оторвавшись от противника, 353 й Богучарский полк прибыл в составе одной бригады в село Чулок, откуда передвинулся и занял оборонительную позицию впереди какого-то селения в полуверсте восточнее железной дороги и в 5 верстах севернее раз'езда Терехова. Левее громадный разрыв между флангами Богучарского полка и частями 9-й армии заполнял редкими раз'ездами 7-й кавполк т. Домнича. Связи с ним мы все же не имели и устраивались, как и раньше, ожидая противника отовсюду. Богучарский полк „хронически" выдвигался на открытый фланг 8-й армии. Ждать себя противник долго не заставил. Вскоре на фронте всей дивизии загорелся бой. Казачьи части прорвались на участке 3-й бригады нашей дивизии и взорвали ж.-д. мост; вследствие этого крупные запасы снабжения 8-й армии могли попасть в руки неприятеля. Начдив Грживо-Домбровский, прибыв на линию огня в бронепоезде, дал личное распоряжение: „Продержаться Богучарскому полку во что бы то ни стало трое суток до исправления моста и вывоза снабжения"; бронепоезд передавался нам. Как я узнал после, мост строился под руководством Радченко и благодаря ему был окончен досрочно.

Богучарский полк продержался указанное время, отбив все удары казачьих и калмыцких частей генерала Абрамова. В последнюю ночь наступившая темнота не прекратила боя и началась рукопашная битва за обладание бронепоездом, на который внезапно бросились калмыки. Утром начдив благодарил нас за выполнение приказа и снял с нас запрет. Только высокая сознательность богучарцев и товарищеская спайка дали возможность выполнить такую задачу. Это было одно из кровопролитней ших сражений, какие когда-либо вели богучарцы; полк потерял убитыми и ранеными от двухсот до трехсот пятидесяти человек Люди измотались физически и морально, как никогда, к тому же, чувствовался острый недостаток патронов, снарядов и продовольствия. Днем загорелся бой с новой силой и мы отступили в район „опытного поля", в 4-5 верстах южнее ст. Таловой, так как нашу третью бригаду вновь потеснили и она отошла к северу от ж. д., бросив противнику разбитый бронепоезд.

Первая бригада очутилась как бы в полукольце, прикрывая станцию Таловую.

* * *

Не помню, по какому поводу я получил приказ вступить в командование 1-й бригады. Командование же Богучарским полком, согласно распоряжению дивизии, принял прибывший из штадива бывший офицер, работавший, кажется, в оперативной части дивизии. Два батальона Богучарского полка, перейдя ж. д , расположились у леса. Еще правее для освещения открытого 3-й бригадой фронта потянулась конная сотня. Начинало смеркаться. Шла редкая перестрелка: батальоны Богучарского полка почему то двинулись к самому лесу и залегли. Потом видно было, как из леса со всех сторон высыпала масса кавалерии, частью в густых построениях и смешалась с пехотой. Началась беспорядочная стрельба. В бинокль видно было, как по всему полю расползались темные точки бегущих и отстреливающихся людей, преследуемых всадниками. Батарея открыла беглый огонь, вскоре замолчала и, прикрываемая комендантской ротой, стала отходить к станции.

Кроме бронепоезда, вблизи не было никаких других средств и резервов.

Быстро наступившая темнота скрыла от нас происходящее. Дав необходимое распоряжение бронепоезду и штабам соседних полков, мы стояли с начдивом и ожидали сообщений. Резервов под руками не было, да и резервы не успели бы изменить так быстро развернувшиеся события.

Прибежали стрелки и сообщили, что вновь вступивший в командование командир полка подвел к лесу батальоны, расположил их флангом к лесу, уверяя, что там наши, а когда из леса вышли колонны кавалерии, об'явил, что это свои и приказал не стрелять. Все растерялись и опомнились, когда уже их окружали казаки, разорвав батальоны на части.

Большая часть бойцов была взята в плен, другие перебиты и немногим удалось бежать. Батарея спаслась только благодаря стойкости комендантской роты, прикрывавшей ее, и самоотверженности ее командира Е. Горина. Явившиеся ночью беглецы, подтверждая факт предательства вновь назначенного командира, рассказывали подробности рапорта этого предателя о сдаче двух батальонов в плен начальнику белой кавалерии.

Бежавшие продолжали прибывать одиночным порядком и группами, сообщая о дикой расправе, которую учинили белые над пленными богучарцами на территории „опытного поля". Белые рубили всех, кого признали за уроженца Богучарского уезда. Благодаря темноте и лесу, многим удалось убежать. Около полуночи я покинул с бронепоездом ст. Таловую и доехал до раз'езда Чиглы, откуда направился в деревню, где остановился уцелевший батальон и собирались остатки двух преданных батальонов. Всего собралось человек триста-четыреста. Никогда полк не имел такой малой численности. Я вступил в командование полком, а бригадой решил командовать по совместительству. В обоз 2-го разряда и в подвижной табор богучарцев были посланы гонцы с печальной вестью и просьбой о помощи. Через несколько дней потекло пополнение.

Богучарский полк стал оживать и расти вновь, готовясь к битве с приближающимся врагом. Пешие части генерала Абрамова тем временем перешли железную дорогу и атаковали Богучарский полк, но богучарцы нанесли им поражение. Наша конная сотня, преследуя белых, отбила их обоз с патронами и разным барахлом. Это вновь подняло дух стрелков, и все готовились к реваншу. Жители и пленные сообщили, что части, наступавшие на нас, недавно пополнились молодыми казаками, теперь у них идет муштра. Этим, видимо, белое командование хотело восстановить боеспособность частей. Мы уже решили напасть на остановившиеся части белых, как получили приказ прибыть в село Архангельское и находиться в дивизионном резерве, прикрывая открытый фланг от обходящих со стороны Борисоглебска казачьих частей.

Здесь по примеру прошлой зимы, но уже с разрешения свыше, был произведен принудительный сбор теплой одежды и обуви среди населения. Таким образом, бойцы первой бри-

гады были одеты и обуты. Через несколько дней вся первая бригада сосредоточилась в Н. Курлаке для нанесения удара в направлении Боброва.

ПЕРЕЛОМ.

По приходе в село Н. Курлак, где сосредоточилась вся 1-я бригада, начдив Грживо-Домбровский, произведя смотр, об'явил, что получен приказ о переходе в решительное наступление по всему фронту и что на 40-ю дивизию возлагается задача сбить наступающие части противника и захватить Бобров. В ударную группу дивизии для выполн ния прорыва вошли 1-я бригада и 7 й кавполк. Начальником группы назначили меня. Мы двинулись через ст. Анна на хутор Студеный в исходное положение. Сильный мороз и мятель затрудняли движение, начиналась суровая зима. Правее наступала 2-я бригада и левее и сзади 3 я бригада нашей дивизии прикрывала фланг. Противник начал встречное наступление пешими пластунскими полками, конницей генерала Старикова и частями дивизии генерала Гусельщикова. Несколько дней дрались с переменным успехом, силы бойцов истощались, а противник все усиливался, подтягивая с соседних участков подкрепления. 7-й кавполк, хотя и с большим трудом, но все же успешно состязался с конницей ген. Старикова (кажется, в составе бригады донских казаков) и этим самым развязал нам руки для борьбы с пехотой неприятеля. Но вот поступили тревожные сведения, что 2-я бригада Страховича после сильных боев с противником потерпела поражение и отошла к железной дороге Анна—Графская. Надо было торопиться разбить врага: с часу на час его силы должны были увеличиться, а наш фланг был открыт теперь для удара.

Весь день шло ожесточенное сражение с напиравшей пехотой белых. Конница донцов, сплетясь с кавполком Домнича, все подавалась вправо и теперь вела бой где-то под с. Б. Мартыном. Мы знали, что от исхода боя зависит успех дивизии. Надо было во что бы то ни стало сломить врага. Вечер не прекратил боя, но все наши попытки продвинуться к с. Березовке отбивались белыми. Патроны были на исходе, холод усиливался, целый день все были без пищи и предстояла гибельная перспектива отходить назад: до утра мы все равно замерзли бы в открытом поле. Стрельба стихала. Белые, видимо, решили, что мы отказались от мысли занять село. Тогда я приказал Богучарскому полку готовиться к ночному бою. Было часов 10 вечера, когда, перестроив боевой порядок,

Богучарский полк был брошен в наступление и внезапно занял Березовку.

Чтобы ободрить бойцов, я пошел в первом ряду наступающих. На рассвете первая бригада, имея справа Богучарский полк, а в центре Бобровский, атаковала с. Чесменку и затем х. Шишовский. После короткого боя сопротивление неприятельских частей было сломлено перешедшими в атаку богучарцами. Отрезанные полки белых бросились отступать через реку Битюг, которая еще не замерзла. Многие утонули, а свыше четырехсот человек были взяты нами в плен; десятки брошенных пулеметов, несколько орудий и прочего имущества достались нам. Богучарцы сторицей расквитались в открытом и честном бою за предательство у „опытного поля".

В этих боях был убит мой новый помощник Пугачев, крестьянин слободы Филоново, в прошлом псаломщик, а затем прапорщик. Мобилизованный белыми, он перебежал к нам с несколькими другими богучарцами.

С подошедшим 7-м кавполком мы перешли в наступление на с. Коршево и после упорного сражения выбили белых, захватив небольшое число пленных, которые передавали, что упорство обороны об'яснялось присутствием английских батарей с английскими командирами и строгим приказом держаться во что бы то ни стало.

ПО СЛЕДАМ БЕЛЫХ.

К вечеру мы заняли после небольшой перестрелки Бобров. Здесь мы вполне установили, что белые начали спешное отступление на широком фронте. Не задерживаясь в Боброве, быстро двинулась первая бригада богучарцев в погоню за врагом, имея направление сл. Юдино—Сагуны—Евстратовка. 7-й кавполк получил другое направление. Дон замерз, хотя и недостаточно прочно, но все же спас отступавших белых, дав возможность избежать поражения при переправе, но зато и для нас он не служил преградой.

У с. Костомаровки на высоком и обрывистом берегу Дона укрепились деникинцы и встретили нас артиллерийским огнем. Наша пехота, наступая по низкой, покрытой снегом, равнине противолежащего берега, была видна, как на ладони. Но стрелки не обращали внимания на опасность и быстро приближались к реке. Бобровский полк обходил с фланга, а Богучарский ударил в лоб засевшего врага. Казаки отошли к Юдино и оттуда перешли в контрнаступление на растянувшиеся наши части, находившиеся в невыгодных условиях мест-

ности. Однако пулеметным огнем противник был остановлен и выбит из Юдино. Выбитые из с. Хвощеватого белые под сл. Сагуны решили дать генеральное сражение.

Ночью мы связались с полками 15-й дивизии и на следующий день под прикрытием густого тумана атаковали противника. Слобода Сагуны была взята вместе с частью захваченных в плен деникинцев и другими трофеями. Противник оказывал упорное сопротивление, но заметно было, как с каждым днем он терял устойчивость. Мы быстро продвигались вперед: левее нас бригада Страховича, заняв Павловск, двигалась на Богучар. Надо отдать должную справедливость командованиям дивизии, армии и фронта, которые равняли части по передовым и правильно поставили и заставляли выполнять задачу—гнать отступающего противника, не давая ему опомниться, до полного развала управления и организации неприятельских войск.

Обстановка этого властно требовала. Уже начиная от Боброва мы встретились с новым, грозным противником, от которого начали нести большие потери. Это был сыпной тиф. Все деревни на юг были заражены сыпным тифом и не было домов, где бы не болели сыпняком. Поднимался один, валился другой. Иногда подряд в избах лежали все. Наше снаряжение и обмундирование не допускали и мысли в зимнее время не останавливаться на ночлег в домах. Мы вынуждены были спать с тифозными в одних квартирах. Смерть стала вырывать одну за другой жертвы.

Братские могилы скрывали навсегда сотни самоотверженных бойцов, ставших жертвами свирепой эпидемии. Плохие условия ухода за больными колоссально увеличивали смертность.

Помещений нехватало, и бойцы лежали вповалку на полах до самых порогов, переполняя отведенные дома. Не всегда был кипяток—пили сырую воду. Хлеб ржаной с соломой по четверти фунта был зачастую единственной пищей больных. Вставали худые, как скелеты, выдержав один тиф, и вновь ложились, заразившись другим.

Но тиф был не только нашим врагом, он был в то же время нашим союзником, так как белая армия первая испытала на себе страшную силу тифозных бактерий, опустошивших ее ряды.

* * *

Чем дальше мы двигались на юг, тем больше убеждались в том, что, несмотря на горький опыт ген. Краснова и созданной под его покровительством „Южной армии“ ген. Иванова,

Деникин ничему не научился и не догадался хотя бы временно замаскировать свои преступные намерения. Сменились лица, но все приемы монархического управления занятыми территориями, разложившие тыл Краснова, были вновь введены Деникиным в еще большем масштабе и с большей жестокостью. Теперь добровольческая армия пожинала плоды своей деятельности. Партизанские отряды, еще ранее беспокоившие тыл белых, при отступлении совсем дезорганизовали его. Озлобленное поборами и экзекуциями трудящееся население стало нашим союзником. Сломив ряд попыток белых остановить нас. мы в первой половине декабря с боем заняли ст. Евстратовку. Боевые действия 40-й дивизии, храбрость ее бойцов вызывали заслуженную похвалу. Название „богучарец" стало синонимом храбрости, каждый боец дивизии гордился этим названием, и особым почетом среди всех пользовались бойцы Богучарского полка. За выдающиеся боевые заслуги, 40-я стрелковая дивизия получила наименование „Богучарской". Для стрелков дивизии это было высшей наградой. О качествах 40-й дивизии и ее бойцах-богучарцах еще лучше знали белые, не раз испытавшие на себе ее стремительные удары. Недаром ген. Деникин, как передавали тогда, делая смотр своим войскам в Ростове, говорил: „Казаки и добровольцы. учитесь драться у 40-й дивизии красных".

По занятии ст. Кантемировки я, с разрешения Грживо-Домбровского, поехал в Богучар, чтобы перевезти из Боброва заболевшую в пути жену.

В конце февраля я покинул Богучар. Штаб дивизии я догнал в Ростове. Преследование белых уже началось. За время моего отсутствия полки 40 й Богучарской дивизии, гоня белых, вновь заняли станицу Каменскую—оплот донской контрреволюции и, наконец, после ряда сражений взяли Ростов, переходивший из рук в руки. Здесь был убит белыми при захвате Ростова, находясь в тифу, командир 7-го кавполка Домнич. Но особенно тяжелые бои вынесли богучарцы при атаках Батайска, скрепленного как в позиционной войне проволочными заграждениями и защищаемого дроздовцами, марковцами, алексеевцами и корниловцами,— исключительно добровольцами и офицерами: мобилизованные до Ростова уже отсеялись. В тридцатидневых боях под Ростовом и Батайском 40 я дивизия понесла большие потери. Среди убитых были три командира полков, командир артдивизиона и военный комиссар дивизии. Наступать приходилось в лоб по совершенно лишенному укрытий, замерзшему Дону. Но, наконец, сопротивление было сломлено и белые начали отступление. Если численность белых сильно уменьшилась вследствие развала их армий во время

отступления, то и состав наших полков стал очень незначителен по количеству уцелевших бойцов. Семьсот верст перехода зимой с боем и тиф совершенно обескровили дивизию.

В ГОРАХ КАВКАЗА.

Мы быстро продвигались вперед, что называется „на хвосте" у неприятеля. Дойдя до ст. Троицкой, лежащей на противоположном берегу р. Кубани, богучарцы вынуждены были остановиться, т. к. все переправочные средства на реке были уничтожены или угнаны на другую сторону. На противоположном берегу вместо корниловцев находились донские казаки, которые укрепляли берег с целью обороны. При приближении нас они открыли огонь.

Был уже март месяц, и Кубань была чиста от льда, неся свои полные и холодные воды в берегах, покрытых порослью. Мы не располагали никакими своими переправочными средствами, не говоря уже о понтонах, и начали подготавливаться к импровизированной переправе, используя местный материал и средства. Наши кавалеристы и разведчики тем временем завязали на одном из участков переговоры с казаками, и через некоторое время около сотни казаков во главе с вахмистром М. И. Герасимовым, перевязав своих офицеров, переправились на участок Богучарского полка. Это облегчило нам внезапную переправу через Кубань, использовав полученные сведения перебежчиков о намерении донцов и доставленные ими лодки. Оказалось, что белые, оставив заслон, уже отступили в направлении на Новороссийск. Весь путь отступления белых был усеян брошенными повозками военного и гражданского образца, походными кухнями, санитарными линейками, орудиями и зарядными ящиками. Самые разнообразные вещи заполняли повозки, вплоть до картин, самоваров и граммофонов. Арьергард отступающих в панике белых армий под командой ген. Фицхелаурова мы настигли у аула Нейберджана в горах, прикрывающих Новороссийск с северо-востока, в 15 18 верстах от самого города. Подошедшими одновременно частями 9-й армии укрепившийся противник был сбит и бежал, бросив массу трофеев.

Оторвавшиеся от отступавшего арьергарда несколько тысяч донцов, нацепив красные ленты, ехали к нам в конном строю и в полном вооружении. Их было, пожалуй, вдвое больше, чем нас. Это были, так сказать, полупленные, т. к. красные ленты одели лишь тогда, когда они уже почувство-

вали запах Черного моря. Но богучарцы всегда готовы были принять протянутую руку, хотя бы и заклятых вчерашних врагов, если они раскаялись. Часть изʻявивших желание служить у нас, мы взяли к себе.

Путь в Новороссийск был свободен. Наша конная разведка вступила в город. Бригада же получила указание в Новороссийск не вступать, т. к. там, вследствие большого скопления нашей кавалерии, военнопленных, десятков тысяч брошенных лошадей и отсутствия продовольствия и фуража, начинался падеж лошадей и голод.

В ауле Нейберджана я получил распоряжение сформировать кавалерийскую бригаду под наименованием „5-я Богучарская кавбригада". Ядром для этой бригады послужили конные разведки полков дивизии и конный дивизион Богучарного полка; остальных бойцов кавбригады разрешено было подобрать из желающих стрелков пехоты дивизии.

Почти добрую треть всадников составили изʻявившие желание служить донские казаки. Лошади, седла и все прочее было взято из отбитой у неприятеля добычи. В этом районе брошенные белыми лошади бродили целыми табунами по несколько сот голов. Само собой понятно, что большинство старых богучарцев пехотинцев, особенно из Богучарского полка, изʻявили желание и сели на коней, войдя в состав 5 й Богучарской кавбригады. Одновременно и кавполк Домнича развернулся в 4 ю кавбригаду во главе с Филипповым. Собственно с этого момента 40-я стрелковая дивизия, вплоть до прихода на врангелевский фронт, была полукавалерийской, т. к. пехоты, пожалуй, было меньше, чем конницы. Способ формирования кавалерийских бригад, особенно пятой, взявших лучших бойцов из пехоты, создавший вместе с тем и другой канал, по которому потекли впоследствии возвращавшиеся по выздоровлении добровольцы - богучарцы, лишил пехотные полки дивизии той жизненной силы, благодаря которой была крепка дивизия и сумела достичь вполне заслуженной боевой славы.

В этот же период произошла замена начдива Грживо-Домбровского вновь вступившим в командование 40 й дивизией Шестаковым.

* * *

Часть белых войск бежала из Новороссийска на Туапсе, а большая часть кубанских казаков под командой ген. Шкуро направилась к главному Кавказскому хребту с целью пробраться в Грузию. 40 я дивизия, получив задачу преследовать кубанские части, уходившие в горы, двинулась в погоню по

маршруту—станция Лабинская и дальше вверх по реке Лабе, где в горах, в районе ст. Бесстрашной, Опасной и Царской, имели небольшие кавалерийские стычки с рассыпавшимися по горам небольшими отрядами кубанских казаков, перешедших на положение бело-зеленых. Из района Дабы мы свернули к Балтапашинску, вновь углубились в горы Кабарды, достигнув подошвы горы Эльбрус или, как ее называют здесь туземцы, „Шат-гора".

Пышные встречи на конях в национальных горских костюмах с развевающимися алыми знаменами ожидали нас задолго до в'ездов в черкесские и кабардинские аулы. В противоположность холодным встречам кубанских станиц мы здесь впервые почувствовали, что нас встречают как освободителей. Мы зачастую не могли разговаривать без переводчиков, но от этого радость встречи не уменьшилась. Гордые сыны высоких и диких, покрытых вечным снегом гор и ущелий седого Кавказа, оттесненные царским гнетом в самые необитаемые места, теперь радостно приветствовали нас, разодевшись в свои красивые, как вершины Кавказа, костюмы.

В аулах мы находили отдых и пищу, гостеприимно предлагаемую нам горцами. Они же нам служили проводниками по горным тропам и быстро несущимся рекам и помогали при перестрелках с бело-зелеными.

Постепенно в наши ряды вливались добровольцы: чеченцы, карачане, кабардинцы и осетины. В 4-м кавполку 5 й бригады был сформирован горский эскадрон. Стычки с кубанскими казаками и трофеи, захватываемые в горах Кавказа, постепенно изменяли наружный облик богучарцев. Когда мы двинулись в далекий путь на польский фронт, то добрая половина бойцов была одета и вооружена по-кавказски. Черные бурки, белоснежные башлыки, красные черкески с каракулевыми кубанками и отбитое у неприятелей, отделанное серебром оружие, украшали богучарцев.

ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ФРОНТ.

После экспедиции в горах 5-я Богучарская кавбригада остановилась в ст. Боргустанской. Штадив находился в это время в Пятигорске. В конце мая был получен приказ выступить на польский фронт, т. к. поляки уже местами перешагнули даже границы 1772 г. Киев был уже в их руках, а на севере они уже заняли Борисов. Походным порядком, безостановочно, делая по 45-60 верст в сутки, двигались богучарцы по маршруту: Ставрополь, ст. Белая Глина, Ростов и

дальше на северо-запад. Тысячу с лишним верст вновь прошли походным порядком полки Богучарской дивизии, как вдруг на пути мы узнали, что белый зверь, предводимый „черным бароном" Врангелем, вырвался из крымской клетки и, нанося ряд поражений частям 13-й Красной армии, занял Мелитополь и, быстро распространяясь по степям Таврии, уже находился недалеко от Александровска и Мариуполя. Превосходя численно красных почти вдвое, с исключительно добровольческим составом частей (ядром бывшей деникинской армии), пополняемой все прибывающим подкреплением, „черный барон" стремился использовать нашу войну с Польшей, куда были оттянуты почти все наши силы, и нанести удар в тыл наступающей на запад Красной армии. Богучарская дивизия получила приказ изменить свой маршрут и итти на помощь отступающим частям 13-й армии.

* * *

Кажется, по прибытии в село Берестовое, почти перед самым вступлением в бой, в пехотные полки дивизии прибыло пополнение в довольно значительном количестве.

Теперь преобладающим элементом в полках становились прибывшие по мобилизации.

5-я кавбригада богучарцев заняла село Андреевку и, гоня раз'езды донцов, подошла к деревне Салтычья, лежащей вблизи ст. Пологи и Бердянска. Мы после долгой разлуки встретили здесь казаков донского корпуса генерала Абрамова, действовавшего против нашей дивизии. 3-й кавполк, огибая с юга деревню Салтычья, встретился с казаками и втягивался в бой. Неожиданно из складки местности выскочило несколько сотен конницы неприятеля и погнали наших. В бинокль с возвышенности было видно, как все меньше делалось расстояние между казаками и нашими. Казаки шли врассыпную, вследствие быстрого бега и разницы в ходе лошадей. Казаков по количеству было не больше наших, и я никак не мог понять причину бегства наших.

— Как же так,—вертелось в мозгу,—неужели побоялись принять удар? Как-то не верилось: командир кавполка донской казак Филимонов, старый партизан богучарец, был не такой человек. Вдруг все стало ясно. Недалеко, впереди бегущих была небольшая роща, за которой наши кавалеристы остановились и строились для боя; этого белым не было видно. Когда они расстроенные, беспечные не ожидая сопротивления, доскакали до рощи, навстречу им бросился 3-й кавполк и начал рубить повернувших назад белых.

Так начали борьбу с Врангелем богучарцы, севшие на коней. После ряда столкновений 4-ю и 5 ю кавбригаду об'единили в кавгруппу под моим общим командованием в районе ст. Нельговки.

Несмотря на то, что в нашей среде была порядочная часть недавних наших врагов, перешедших к нам на Кубани донских казаков, наша конная группа с честью вынесла ряд тяжелых боевых испытаний, поддержав славу 40 й Богучарской дивизии. Донцы, примкнувшие к нам, и старые богучарцы слились в одну семью. Эта спаянность и доверие после каждого боя возрастали и укреплялись. Только один случай, произошедший в начале нашего прихода на врангелевский фронт, несколько огорчил всех. Во время боя перебежал к белым один из бывших у нас донских казаков. Стали спрашивать его товарищей, почему так получилось? „Просчитались,—говорили виновато казаки,—не надеялись, что сбежит, пожалели его и скрыли от вас, т. Малаховский, что он бывший офицер". Тогда для нас стала ясна причина бегства: белый офицер, в силу необходимости перешедший к нам, конечно, не мог стать нашим другом. Только добродушие и простота наших новых сотоварищей, скрывших из жалости его чин и поверивших ему, сделали возможным его перебежку.

Пехотные полки дивизии, ранее состоявшей целиком из добровольцев и ими же пополнявшиеся, перешли на положение частей, в подавляющем большинстве состоящие из мобилизованных и присланных на исправление дезертиров. Но этой перемены как бы не заметили. Командование дивизии не учло, очевидно, того обстоятельства, что форма и методы управления, дававшие блестящие результаты при прежнем составе полков, теперь уже были непригодны. Начавшиеся бои в районе сел Андреевки, Софиевки, ст. Елизаветовка наглядно подтвердили это.

Прибывший на пополнение эшелон богучарцев в несколько сот человек укрепил дивизию, но восстановить былую славу полков они не смогли.

Для этого надо было и большее число людей, и регулярность в пополнении. Большинство же выздоровевших бойцов из Богучарского уезда ряд месяцев направлялось централизованно в разные другие дивизии. Многие богучарцы теперь служили и воевали в других частях Красной армии.

До ликвидации врангелевской армии 40-я дивизия участвовала в ряде жестоких сражений под с. Елизаветовка, ст. Полош, Волноваха и Мелитополем и вынесла на себе всю тяжесть неравной борьбы, занимая участки в три раза больше, чем соседние дивизии. Но теперь в боевом отношении она

была на уровне других соседних дивизий. По занятии Крыма дивизия, свернувшись в бригаду, начала борьбу с бандитизмом.

Судьба кавалерийской части Богучарской дивизии была несколько иной. Вскоре после встречи с донцами ген. Абрамова на врангелевском фронте 4-я и 5 я кавбригады были об'единены под моим командованием и принимали участие в неудавшемся рейде корпуса Жлобы. Сомкнувшееся кольцо белых богучарцы прорвали, опрокинув части дроздовской дивизии, и, пройдя между броневых поездов противника, вышли из окружения компактной группой в районе западнее Черниговки.

Через некоторое время наши две богучарские кавбригады вошли в состав 20-й кавдивизии 2-й конармии; третью бригаду этой дивизии составляли два жлобинских полка, уцелевших после переформирования корпуса. С момента слияния и до последних дней 20 й кавалерийской дивизией командовал я. С конной армией кавалеристы прошли весь остальной путь борьбы с Врангелем. Многие из них сложили свои головы в кровавых боях. Из этих храбрецов удержались в памяти: Сурженко—командир эскадрона, Романенко—командир взвода и Калашников—командир эскадрона.

В то время, когда на врангелевском фронте белые имели почти двойной перевес в численности, 2 я конармия, прорвав фронт у с. Васильевки, совершила рейд по тылу противника. Этот рейд конармии в составе не больше 2 2½ тысяч сабель, оставшихся после длительных и упорных боев, показывает те трудности, какие приходилось преодолевать. Рейд совершался нашей конницей по безлесой, голой узкой полоске равнины Таврии, ограниченной с обеих сторон Днепром и железной дорогой, с курсировавшими на ней 7 8 бронепоездами неприятеля, с наседавшими донцами и кавалерией ген. Бобровича (около 2-2½ тыс. сабель) и большим количеством бронеавтомобилей. Несколько аэропланов, бросавших бомбы, дополнили обстановку боя, осложнившегося тем, что красные части каховской группы не дошли до назначенных им пунктов и отступили, бросив нас без поддержки. В составе 2 й конармии богучарцы участвовали в разгроме врангелевцев и преследовании их через Крымский полуостров до гор и берегов Черного моря.

В конном строю смело бросались богучарцы иногда на бронеавтомобили и танки, сопровождавшие дроздовцев и марковцев. В бою под колон. Мунталь две бр немашины стали нашими трофеями. Когда „волчьи сотни" терских казаков столкнулись с ними, то несколько бунчуков с конскими хвостами их сотен достались богучарцам.

И до сих пор памятны лица лихих кавалеристов: Крашанина, Журавлева, Чередникова, Комиссаренко и др.

* * *

Кончилась гражданская война, и борьба возобновилась на новом фронте, фронте социалистического строительства. Многомиллионная воля и коллективный труд, руководимые коммунистической партией, быстро меняют лицо Советского союза. Вырастают новые пролетарские города и гиганты индустрии.

И в первых рядах строителей находятся бывшие бойцы-богучарцы. Во многих местах СССР можно встретить их. В глубоких шахтах Донбасса, на заводах, в сельском хозяйстве и в других отраслях работают они. Некоторые уже добрались до самых вершин освобожденной науки.

А там, где зародились первые отряды бойцов-богучарцев и где прошли их бессмертные фаланги, живут сказания о беспримерной борьбе и храбрости красных богучарцев.

Феодосия,
15 апреля 1932 г.

В БОЯХ С МАМОНТОВЫМ.

М. И. ЕРМОЛЕНКО.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ 40-й БОГУЧАРСКОЙ ДИВИЗИИ.

Восстание на Дону, в тылу частей 8-й армии Южфронта, очагом которого были станицы Казанская, Вешенская, Мигулинская и Мешковская, заставило командование Южфронта перебросить часть полков 8-й армии на подавление этого восстания. В числе полков были: 103-й Богучарский, 104-й Бобровский, 105, 106 и 107-й. Кроме того, сюда же были сосредоточены различные мелкие части, обособленные команды и наспех сформированные при различных штабах и военкоматах отдельные отряды, в том числе часть 3 й украинской партизанской дивизии. Для об'единения командования этими отдельными частями и регулярными полками был организован в Богучаре штаб экспедиционных войск во главе с Антоновичем

В конце апреля 1919 г. штаб сформировал бригады. В 1-ю бригаду входили 103 й Богучарский, 104 й и 105 й полки, во 2-ю бригаду 106-й и 107-й полки. В 3-ю бригаду из регулярных войск входил только 1-й Воронежский кавполк. Она главным образом, составилась из тыловых комендантских отрядов и отдельного отряда матросов. Впоследствии, в мае и начале июня, 3-я бригада пополнилась Кронштадтским полком и батальонами орловских, тамбовских, рязанских и пензенских курсов комсостава. Управление такими разрозненными войсковыми соединениями, разбросанными на большом расстоянии, при отсутствии телефонной и телеграфной связи, представляло большие трудности и не обеспечивало успеха в борьбе с повстанцами-казаками, которые пополняли свои части вооружением, патронами и снарядами за счет отдельных неустойчивых отрядов.

Эти обязательства заставили командование Южфронта реорганизовать штаб экспедиционных войск в особый экспедиционный корпус и создать из наиболее устойчивых частей, действовавших на подавлении восстания, первую экспедиционную дивизию.

Во главе особого экспедиционного корпуса стал Хвесин, командарм 8.

В состав первой экспедиционной дивизии вошли 103-й Богучарский, 104, 105, 106 и 107-й полки и остатки Кронштадтского полка, а также остатки курсов орловских, тамбовских, рязанских и небольшая группа пулеметчиков пензенских курсов. Пензенские курсанты, во главе с комсоставом, в бою под х. Огаревым были разбиты казаками. После боя лишь оказалось налицо 7 8 чел. с 2 пулеметами. Все эти части и послужили основой, из которой впоследствии выросла 40-я Богучарская стрелковая дивизия, являвшаяся грозой для белых армий и примером революционного долга, храбрости и отваги.

Экспедиционная дивизия была организована 15 июня 1919 г. в Меловой. В тот же день одновременно прибыли в штаб первый начдив Василенко Матвей Иванович, и первый комиссар дивизии Ермоленко Михаил Иванович. Начштаба дивизии был назначен Беренштаб, красный генштабист, комиссаром штаба Мишук и нач. политотдела Скалов.

Не успела еще закончиться организационная работа, как уже новая дивизия оказалась перед лицом наступающего неприятеля--корпуса ген. Секретова. После упорных и кровопролитных боев 3-я бригада, в том числе Кронштадтский полк, потеряла до 80 90% всего строевого состава. В силу этого бригада вынуждена была отойти к Калачу. Туда же перешел и штаб экспедиционной дивизии, а еще через один день пришлось эвакуировать Калач, причем, начдив Василенко, военкомдив Ермоленко и нач. штаба Беренштаб покинули Калач в тот момент, когда по главной улице мимо здания телеграфа и почты пролетела казачья сотня.

Нам с несколькими ординарцами конного взвода пришлось с боем вырываться из города. В результате этого Беренштаб, выехавший на автомобиле одновременно с нами, едва не попался в плен казакам. И лишь наступившая ночь и страшный ливень прекратили наступление казаков. Это позволило штабу дивизии остановить на раз'езде Ширинкино (ж. д. Таловая—Калач) бегущие остатки 3-й бригады и связаться с отступающими с боем 107-м полком, под командой Моргунова и военкома Ильина, и 106 м полком, под командой Качалова. Через 1-2 дня снова отход на Бутурлиновку, где был обнаружен штаб 3-й бригады, забежавший вперед штаба дивизии и окончательно потерявший свои части. Комбриг 3, бывший полковник генштаба Ойраевский, нами был смещен и отправлен в штаб корпуса для предания суду.

Обстановка на фронте позволила пробыть в Бутурлиновке несколько дней, в результате чего штаб дивизии имел возможность связаться с полками и со штабом 2-й бригады, а

также установить место пребывания 103-го Богучарского полка, 104 и 105-го полков, которые из-под Казанки двигались двумя колоннами—одна по пути Бычок, Мамоны, Павловск, Лосево, Шестаково и Бобров, а другая группа по пути Петропавловка. Н. Меловатка, Воронцовка.

Вследствие напора белого казачества штаб дивизии, эвакуировав Бутурлиновку, на короткое время останавливается в Таловой, а затем переходит в сл. Н. Чигла, Бобровского уезда. Собранные же части твердо останавливаются и закрепляются на линии ж. д. Лиски—Таловая. Устанавливается связь с правой от нас стороны с 33-й кубанской дивизией и через нее с группой Малаховского, которому дается распоряжение прибыть в сл. Тишанку для переформирования частей мобилизованными при отступлении жителями Богучарского, Павловского и Калачеевского уездов.

Части 103, 104 и 105-го полков собрались в Тишанке, Бирючинском поселке и Н. Чигле, заняв позиции по линии ж. д. Абрамовка—Таловая до Хреновой.

Из числа прибывших мобилизованных в Тишанке был вновь организован 8-й особый полк под командой нач. тамбовских курсов Иванчука. Не ожидая окончательного укомплектования, полк занял позицию на левом фланге дивизии и с боем захватил ст. Колено. Комсоставом полк был укомплектован из числа остатков орловских, тамбовских и рязанских курсов, которые нами были произведены в красные командиры. Часть из этих курсантов, а также и находящийся при них политсостав, были взяты на пополнение комполитсостава полков дивизии.

В этот период приказом Южфронта экспедиционный корпус во главе с Мироновым, сменившим Хвесина, ликвидируется и отправляется вглубь Пензенской губернии на ст Инза, для формирования красных казачьих полков.

По ликвидации корпуса первая экспедиционная дивизия вошла в состав частей 8-й армии и получила первоначально наименование первой особой дивизии, а затем в конце июля— 40-й стрелковой дивизии. При этом полкам была дана новая нумерация: 103—353, 104—354, 105—355, 106—356 и 107—357. Комбригом был назначен Косенков С. В. Так как с богучарскими полками прибыло много беженцев, эвакуировавшихся из пределов Павловского, Калачеевского и, главным образом, Богучарского уездов (члены уездных советов, волисполкомов, сельсоветов и их служащие), которые находились при обозах и тыловых частях обозов и, безусловно, отягощали наше положение с транспортом и продовольствием, то по ходатайству штаба дивизии командарм разрешил мобилизовать всех спо-

собных носить оружие (около 4000 ч.) и организовать 3-ю бригаду 40-й стр дивизии. Эта задача была не из легких, т. к у большинства товарищей были с ними их семьи и домашние вещи, увезенные из под огня белых.

Штабом дивизии был отдан твердый приказ отправить всех неспособных к военной службе беженцев, женщин и детей в глубокий тыл в село Садовое, возле ст. Анны, и очистить обозы от посторонних лиц. Для руководства этой операцией и для постоянного обслуживания беженцев в продовольственном и бытовом отношениях штабом дивизии был назначен Черных, быв. нач. чрезвыч. комиссии в Калачеевском уезде, который прекрасно с этой миссией и справился. Полки вначале было побузили, но затем успокоились и вздохнули, не опасаясь за судьбу своих родных и близких.

Из оставшихся взрослых мужчин, а также отдельных отрядов и комиссариатских рот Богучарского, Павловского и Калачеевского военкоматов и Богучарского резервного полка и была развернута в Тишанке 3-я бригада в составе трех полков: 358—под командой одного из самых старых богучарцев партизан Бондарева Георгия, 359—под командой Иванова Ивана Петровича, быв. командира Павловского отряда, и 360—под командой Савенко. Комбригом 3 был назначен Попов, а военкомом Пархоменко М. А., парторганизатор Богучарского уезда и член уездревкома.

Хотя бригада была слабо укомплектована и еще плохо вооружена (на всю бригаду имелась одна батарея из двух орудий при 359 полку), но обстановка на фронте заставляла и эту еще слабую в боевом отношении единицу бросить на передовую линию огня. К тому времени, по приказу штарма 8, наша дивизия должна была защищать участок около ст. Колено до Хреновое и быть на стыке с 9-й армией. Третья бригада была брошена на ст. Колено, т. е. на крайний левый фланг.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МАМОНТОВЫМ.

В 20 числах июля части дивизии, оправившись и пополнив свои части, по приказу штарма 8, быстро двинулись вперед и скоро заняли Бутурлиновку, Козловку, Воронцовку и доходили до Ново-Меловой слева и справа до Павловска, а части 9-й армии до Калача. Конкорпус Буденного дошел до ст. Казанской. Тогда белое командование бросает на этот участок фронта весь конный корпус ген. Коновалова, группу ген. Гусельщикова и дивизию ген. Абрамова. Наши части

под давлением противника снова медленно, с упорными боями, отходят на север. В ночь под 8 августа мы эвакуируем Бутурлиновку, а части 9-й армии, бросив Калач, уходят за Хопер. Мы теряем связь с ними. Так как на линии ж. д. Лиски—Поворино скопилось огромное количество подвижчого состава и несколько бронепоездов, штармом 8 нам было приказано любой ценой удержать участок ж. д. от Хреновое до Новохоперска, дабы можно было вывести вагоны и паровозы на Поворино и Лиски. Для этой цели необходимо было исправить два ж.-д моста—у Никольского поселка и между ст. Таловой и Абрамовкой, взорванные казаками. За исправление ж. д. мостов принялся незадолго перед этим прибывший саперный батальон. Части, терпя сильные лишения, ведя упорные кровопролитные бои с казаками за обладание ст Таловой, все же продержались и через 2 дня по законченным мостам весь подвижной состав ж. д. был увезен. На ст. Таловой лишь был оставлен в помощь нам один бронепоезд. Восстановлением мостов руководил комиссар 1-й бригады Радченко.

Как я уже упоминал, слева от нас части 9-й армии отступили, обнажив фронт на большом расстоянии. В этот прорыв и вошел ген. Мамонтов, который 10 августа набросился на части 3-й бригады, еще слабой и далеко неукомплектованной. Хотя части 3-й бригады вели себя геройски, как истые богучарцы, но Мамонтов со своим двухтысячным отрядом быстро раздавил их. Много лучшего комсостава и политсостава бригады погибло в боях смертью храбрых.

Затем корпус Мамонтова столкнулся с частями 2-й бригады, с 357-м и 356-м полками, а также и с 1-й бригадой, с 353 и 354-м полками и оттеснил их до ст. Таловая, но ст. Таловую ему взять так и не удалось. В этом бою 353-й Богучарский полк потерял раненым комполка Малаховского и еще много лучших бойцов и командиров полка. 353-й полк выдержал натиск противника на участке раз'езда Терехово—Таловая и далее.

Когда цепи полка подошли почти к ст. Таловой, тогда на линию огня был брошен бронепоезд, но ответной стрельбой со стороны белых он вынужден был снова вернуться на ст. Таловую. Учитывая огромное значение бронепоезда в бою, начдив Василенко и военкомдив Ермоленко лично отправляются с двумя ординарцами к бронепоезду и заставляют команду снова выдвинуться на линию ж. д., в сторону ст. Абрамовки. Противник, готовившийся смять цепи богучарцев и перейти за линию ж. д., увидев бронепоезд, весь огонь направил на него. Одним из осколков снарядов, разорвавшегося около нас, возле бронепоезда, начдив Василенко был ранен в голову.

Сделав начдиву первую повязку, я вызвал автомобиль из штаба, который к тому времени перешел из Таловой в поселок Александровский, в 12 верстах к северу от ст. Таловой. Я остался до конца боя при частях в Таловой и ночью уже часам к 12 прибыл в штаб дивизии. Так как на нашем участке фронта положение было тревожное и неустойчивое, с 1-й бригадой связь была утеряна, то для охраны штадива была выставлена рота 357-го полка, находившаяся в резерве. Мамонтов, перейдя линию ж. д. между ст. Абрамовка и Колено и оттеснив части 1-й бригады на север от ж.-д. линии, утром 12 августа набросился всеми силами на Александровский поселок, где расположился штаб дивизии и скопились почти все обозы полков 2-й бригады, санитарные учреждения, батальон связи, саперный батальон и политотдел. Бывшая в заставе рота 357 го полка оказала сопротивление, но была скоро изрублена и рассеялась. Казаки начали рубить направо и налево скопившихся обозников, бегущих раненых из полевых госпиталей и громить штабные учреждения. Обезумевшие люди, только что поднятые от сна, беспорядочно метались по улицам, забитым подводами с различным снаряжением и продовольствием. Все кинулись спасаться.

Организовать какую-либо защиту при этом хаосе и поднявшейся панике в деревне было невозможно. Я с начдивом Василенко, раненым накануне, верхами выскочили на выгон и стали останавливать бегущих. Из них постепенно был организован отряд человек до 300, который стал отступать цепью и спас успевшие выскочить обозы и людей. Рядом, в другом месте, Малаховский, накануне раненый в шею, тоже начал организовывать бегущих в цепь. Выходили с боем к селу Н. Чигла. В этом деле нам сильно помог выскочивший грузовой автомобиль с шофером Филипповым, захватившим один пулемет. Действуя пулеметом из автомобиля и прикрывая его пехотой, мы благополучно добрались до Нов. Чиглы.

Все имущество штаба—телефоны, телеграф и оперативная переписка—были захвачены Мамонтовым. Кроме того, в плен захвачено было около 300 человек, преимущественно из дивизионных учреждений и комендантской команды, в том числе начштаба дивизии Беренштаб. нач. комендантской команды, часть работников политотдела, которых там же Мамонтов и расстрелял. Озверевшие бандиты выкололи сперва Беренштабу глаза, а затем повесили на сухом дереве.

Это была одна из тяжелых неудач 40-й Богучарской дивизии, урок, который долго нами не забывался.

Несмотря на разгром штаба 40-й дивизии, я и Василенко связи с оставшимися частями не теряли: из дер. Чиглы доб-

ВАСИЛЕНКО

командир Богучарской дивизии.

рались в Хреновое и связались через штаб 33-й Кубанской дивизии со штабом 8-й армии, изложив историю происшедшего разгрома штаба и положение на нашем боевом участке, после этого мы двинулись от Хреновой к ст. Таловой для связи с 353, 356 и 354-м полками, которые по нашим расчетам должны были быть в этом месте. Действительно, 356-й полк мы встретили около Никольского поселка, во главе с Качаловым, который расположил свои цепи вдоль полотна ж. д., а часть своих красноармейцев посадил на телеграфные столбы вдоль полотна. Они наблюдали за движением неприятеля с юга и с севера. Отдав необходимые приказания, мы по телефону связались со ст. Таловой. 353-й полк двинулся по следам Мамонтова на Александровский поселок и Н. Чиглу. Сосредоточив все эти части в едином управлении комбрига 2 Страховича, мы приказали ему двинуться на Чиглу и выбить оттуда часть Мамонтова, который к тому времени уже занял ее. И вот снова, верхом на лошади, вдвоем с начдивом, при одном ординарце мы двинулись из Хреновой на Н. Чиглу, чтобы лично руководить боем. Темной ночью мы выехали в расположение обозов каких-то частей, а еще через минуту и мы в пехотной цепи. Нас окликают, у нас сомнение—наши ли или казаки? Только по голосам мы поняли, что находимся в расположении своих.

Бой против Мамонтова, занявшего Чиглу, начался с вечера одновременно с южной и юго- восточной части Чиглы под руководством комбрига 2 бригады Страховича, который был тут же в цепи со своим полевым штабом. Такого оглушительного шума ружейных залпов, трескотни пулеметов и буханья артиллерии я никогда уже больше не слышал на фронте до конца гражданской войны. Особенно свирепствовала наша пулеметная команда 353-го полка под руководством Шматко. Бой продолжался всю ночь. Утром мы заняли Чиглу, а Мамонтов, штаб которого подвергся разгрому, ушел на восток по направлению Бирюченского поселка, южнее Александровского поселка и дальше по направлению Артюшкино-Макарова, на ж.-д. линию Мордово и Борисоглебск.

13-14 августа весь день шел бой на участке вдоль линии ж.-д. Таловая—Абрамовка. Со стороны Таловой и Никольского поселка, по линии ж. д., курсировал бронепоезд, который оказывал сильную поддержку нашим цепям 357, 358 и 353-го полков. Вылетевшие 4 аэроплана тоже разили неприятеля с воздуха, хотя частично нанесли урон и нашим частям, очевидно, не сразу разобравшись в расположении наших и мамонтовских войск. На участке 357-го полка противником были введены 2 бронированных автомобиля. Пехота 357-го

полка и обоз 1-го разряда 353-го Богучарского полка два раза бросались на автомобили и забирали их, но мамонтовцы снова их отбивали. Полки наши настолько ожесточились, что буквально в упор расстреливали наседавшего неприятеля. Особенно жестоко дралась батарея 357-го полка под командой Бородина и военкома 1-го артдивизиона Галиева. Бородин, раненый в голову, не покинул командования батарей тогда, когда под несколькими пушками были разбиты колеса и красноармейцы уже бежали, бросив орудия. Он с несколькими смельчаками остановил красноармейцев и, сняв с зарядных ящиков колеса и поставив их к пушкам под ураганным огнем противника, начал бить его картечью в упор, буквально на расстоянии 100-200 шагов. Таким путем он спас всю свою артиллерию. В этих боях 357-й полк потерял убитыми и ранеными лучшую часть комсостава; погиб также смертельно раненый комполка Моргунов.

УХОД НАЧДИВА ВАСИЛЕНКО И НАЗНАЧЕНИЕ „ГЕНЕРАЛА-ДЕДУШКИ".

15 августа штадив 40-й Богучарской дивизии находится в Хреновой. Части 1 и 2-й бригады сосредотачиваются с южной стороны ж-д. линии Новохоперск—Хреновое—Бобров. Части 3-й бригады отходят на Макарово и далее на север до Борисоглебска. Здесь все части собираются и укомплектовываются. Полки и штаб дивизии пополняются. Василенко М. И., ослабевшего от ранения, сильно лихорадит, рана на лице начинает гноиться. С большим трудом мы уговариваем его отправиться в лазарет на излечение и почти в беспамятстве он выезжает в Москву. Это было тяжелой утратой для дивизии. Он обладал изумительной энергией, глубоким знанием и уверенностью в победе.

Мамонтов оторвался от нас и пошел на север,—Тамбов—Козлов.

Наша дивизия постепенно втягивается в бои и ожесточенно начинает теснить белых к югу. Из штаба 8-й армии командируется к нам сначала начштаба Мачигин-Елецких, а около 20 августа прибывает новый начдив 40—Грживо-Домбровский, бывший генерал царской армии.

Мое положение военкома дивизии—следить в оба за появившейся новой фигурой, взвешивать каждый его шаг, продумывать каждое распоряжение. В части писания боевых приказов и разработки операций я успел уже подковаться и подучиться у Василенко.

Он никогда не поручал разработку операций и писание приказов начштабу, а почти всегда делал это при моем участии, находясь на линии боя.

Это обстоятельство позволило мне свободно читать и расшифровывать все намечаемые начдивом и начштабом боевые операции, а следовательно и критически относиться к ним.

Таким образом, с этой стороны большой угрозы я не чувствовал, но нужно было знать настроение нового начдива и его убеждения. И я принял все от меня зависящие меры, чтобы быстро его изучить и понять в конце концов, кто он— наш или враг.

Первым его шагом было желание ознокомиться непосредственно с частями, расположенными на боевой позиции, с легондарными „богучарцами". о которых он уже слышал в штабе 8-й армии и по дороге от воинских частей, наших соседей по фронту. Выезд на передовые позиции с Василенко и руководство непосредственно боем под огнем противника было для меня естественно. Я эту школу прошел и изучил, но желание бывшего генерала выехать на позицию на другой день его приезда в штадив – это показалось мне подозрительным.

Даю надежным ординарцам распоряжение, каких лошадей им взять и какую подать начдиву. Да простит мне все это наш „милый дедушка", как потом звали мы его, ему была дана лошадь хорошая, но хуже, чем наши и со странностью— от своих лошадей никуда не шла. Кроме того, два карабина ординарцев обязаны были неотступно сзади сторожить малейшую попытку сбежать к белым.

Такая возможность при об'езде передовых позиций имелась в егда. Но мои опасения скоро рассеялись при более близком ознакомлении с начдивом и обращении его с красноармейцами.

Его приняли и скоро полюбили, да он и сам скоро сжился и сроднился с теми своеобразными, часто необычными для других частей Красной армии обычаями и традициями, накопленными в боях на южном фронте. Новый человек, даже с очень сильным характером, впервые попавший в Богучарскую дивизию, прививал все лучшее, что с собой приносил, но и сам растворялся и обезличивался, впитывая традиции и порядки богучарцев.

РАЗГРОМ ДИВИЗИИ ГЕН. АБРАМОВА У Д. АЛЕКСАНДРО-ДОНСКОЙ.

Части 40-й Богучарской дивизии, довольно быстро оправившись, начали с боем продвигаться вперед на участке Та-

ловая—Бобров. В конце августа или начале сентября нами были заняты Бутурлиновка и Воробьевка. Обходом с левого фланга и тыла был занят неожиданно и Калач. На правом фланге, на участке 2-й бригады, бои приняли упорный характер. Мы же, преодолевая превосходившие нас количественно и лучше вооруженные силы противника—корпус ген. Коновалова и дивизию генерала Абрамова, теснили их на юг от Боброва. В этот момент 8-я армия вошла в группу т. Селивачева.

Имея на правом фланге упорное сопротивление противника, части 1-й бригады перебрасываются из Калача, с боем занимают Н. Меловую, Воронцовку и Лосево и, соединившись с частями 2-й бригады, разбивают наголову дивизию ген. Абрамова у д. Александро-Донской, опрокинув ее в Дон. Вся кавалерия противника, обозы и батареи завязли в болотах берега реки. В этом сражении особую отвагу проявил комиссар 1-й бригады Радченко, бросавшийся несколько раз в атаку на грузовом автомобиле. Здесь мы захватили большое количество пленных калмыков и казаков и человек 200 мобилизованных гимназистов и реалистов г. Ростова, которые недавно прибыли на пополнение казачьей дивизии. Спаслись из этой дивизии немногие. Сколько было взято орудий, пулеметов, ружей,—это осталось тайной командиров Богучарских полков, т. к. в своих сводках ими никогда не показывались трофеи, а также и потери. За все мое пребывание в дивизии она никогда не получала орудий и пулеметов в порядке снабжения, а между прочим во всех полках количество орудий и пулеметов превышало норму в 2-3 раза.

Характерно, что пулеметы имела и пешая разведка, и конный эскадрон разведчиков и даже обозы.

Разгромив дивизию ген. Абрамова, богучарцы с боем заняли Павловск и, несмотря на упорные атаки противника, удержали его за собой и выдвинулись на левом фланге до Н. Гнилуши и Русской Журавки.

ПЕРИОД ГЕНЕРАЛЬНОГО СРАЖЕНИЯ С ДЕНИКИНЫМ, ПРОРЫВ БЕЛОГО ФРОНТА.

Между тем на правой стороне Дона и вдоль линии ж. д. Россошь—Лиски накапливались главные силы противника, старавшегося захватить ст. Лиски, как важный ж.-д. узел. Кроме того, в этом направлении с тыла напирал ген. Мамонтов для соединения с белой армией. Положение 8-й армии было тревожное. Штарм 8, покинув Воронеж, выехал в Лиски. Сюда под Лиски была направлена наша 2-я бригада, снятая с левого фланга. В кровопролитнейших боях под Лисками она

не дала Мамонтову соединиться здесь со Шкуро, а затем, когда соединившиеся корпуса Мамонтова и Шкуро сделали попытки совершить второй рейд по тылам нашей армии, то в боях под Коротояком она разгромила его „Тульскую" дивизию, созданную Мамонтовым во время первого рейда. Богучарцы захватили здесь богатые трофеи—артиллерию, много продовольствия, пулеметы и другое снаряжение. Но большой ценой достались эти победы и 2 й бригаде: она потеряла в боях значительную часть своего состава.

В дальнейшем корпус Мамонтова еще раз напряг силы, захватил Лиски и прорвал фронт в направлении Таловой, 2-я бригада 40-й дивизии, первоначально отошедшая в район ст. Колодезная и Давыдовка, затем заняла свои позиции у Боброва. В это время 1-я бригада и 7-й кавполк, растянувшись широким фронтом от Павловска почти до Калача, сдерживали яростный натиск противника. Расположенная слева от нас 56-я дивизия не раз бросалась в панику от натиска казаков. Комполка 353 Малаховскому и его штабу приходилось тратить немало усилий, чтобы привести в чувство бежавших в панике командиров одной из бригад этой дивизии.

В начале октября, после направления конного корпуса Буденного из под Казани к Воронежу, части 40-й Богучарской дивизии с упорными боями отходят снова на север, постепенно оставляя Павловск, Бутурлиновку, затем Таловую, Абрамовку и Бобров

К концу октября штадив 40 был в Анне, а ее части были расположены на участке Верхняя Тойда, Тишанка, Курлак, Архангельское. Левый фланг занимал 7-й кавполк, держа связь с 9-й армией до прихода 31-й дивизии, брошенной в начале ноября на фронт 8-й армии взамен 56-й дивизии. Справа от нас была 33-я кубанская дивизия—„сваты", как называли их богучарцы, потому что кубанцы крепко дружили с богучарцами до конца операций на Южфронте. Бои продолжались упорные. В довершение всего начались беспрерывные ливни, а затем наступили сильные холода. При плохой одежде, без обуви вели бои богучарцы. Особенно тяжелое положение было на участке 1-й бригады, стоявшей в Архангельском, на восток от Анны. Бригада после боев и измены комполка 353 [1]) под Таловой медленно пополнялась, ее полки еще были крайне малочисленны и слабо технически вооружены. И только железная воля и неутомимая энергия ее комбрига Малаховского, прибывшего после выздоровления, вернули бригаде боеспособность.

Бригада начала отражать атаки белых и переходить к наступление. В начале ноября у д. Артюшкино противник

М И. ЕРМОЛЕНКО

военкомдив 40-й Богучарской дивизии.

сильно напирал на один из ее полков. Комбриг Малаховский приказывает мобилизовать население д Артюшкино и ближайших хуторов и. вооружив их чем попало—вилами, кольями и пр., составляет из них густые цепи, а сам с регулярными бойцами 353-го полка заходит тем временем во фланг и тыл противника. Казаки, наткнувшись на такие „крупные силы"—несколько рядов пехотных цепей и массу „крестьянской кавалерии", начали сдавать назад, а 353 й полк, ударив им с флангов и тыла, захватывает их обозы, пленных и артиллерию.

Такие превращения и эксперименты на разные лады богучарцы проделывали не раз, и население всегда охотно помогало им в этом.

Глубокой осенью создается перелом на фронте. Кулак в лице корпуса Буденного, обрушившийся под Воронежем на Шкуро и Мамонтова, своим краем зацепил части белых, стоявшие перед нашими позициями, и оглушил их. Наша дивизия, перестроивши свой фронт и подтянув на свой правый фланг 7 й кавполк т. Д мнича, переходит в общее наступление, нанося противнику удары один за другим под Верхней Тойдой, Шиповкой, Коршевым, Сухой Березовкой, и занимает Б бров Хреновое. Тяжелые потери не останавливают полки. Вырванная у противника инициатива сохраняется в наших руках до конца, несмотря на упорное сопротивление группы генерала Старикова. Мы выходим за ж.-д. линию Лиски—Таловая, переправляемся через Битюг и Дон и, очистив от казаков Павловск, подходим к линии ж. д. Воронеж—Ростов около ст. Евстратовки, разрывая фронт белых. Наше продвижение имело колоссальное значение для всего Южного фронта.

ПО ПЯТАМ БЕЛЫХ.

4 декабря 1919 г. группа ген. Старикова пыталась остановить части нашей дивизии, но в трехдневных боях под ст. Журавка и Смаглиевкой 40-я Богучарская дивизия раскрошила ее так, что она после этого исчезла с фронта. Затем мы вели упорные бои с частями ген. Гусельщикова за Кантемировку, заняв ее 18 декабря. Дальше с переменными боями мы подошли к ст. Гундоровской, где окончательно разбили дивизию Гусельщикова, отбив от нее прекрасные английские полевые орудия.

[1] Тов. Малаховский командовал уже в это время бригадой.

С занятием Гундоровской была решена судьба и ст. Каменской. Мы ее заняли так быстро, что белые не успели вывезти огромнейших запасов вооружения, обмундирования и продовольствия. С занятием ст. Каменской полки Гусельщикова, состоявшие из казаков станицы Гундоровской, Луганской, Каменской и других смежных станиц, начали массами дезертировать и сдаваться в плен. В рядах белых начало наблюдаться массовое неповиновение начальству. Ген. Гусельщиков, чувствуя свою гибель, в степи между Каменской и Лихой, на коленях уговаривал собравных в круг казаков не бросать части и сражаться, т. к. скоро де подойдут на выручку союзники. Далее мы имели небольшую остановку около ст. Лихой, затем двинулись на Сулим, Александро-Грушевскую.

Здесь 40-я Богучарская дивизия временно выводится в армейский резерв. Но не прошло и несколько дней отдыха, как Мамонтов со шкуровцами и прочей сволочью напрягают последние усилия, чтобы задержать части 8-й армии перед Новочеркасском. Полкам 40-й Богучарской срочно дается задание—форсированным маршем двинуться на фронт. Богучарцы не задержались и быстро прибыли на участок боя, где орудовал Мамонтов. Около хут. Несветай богучарцы в третий и последний раз столкнулись с мамонтовцами. Здесь мы дали им такую трепку, что сам Мамонтов спасся только благодаря случайности. Наши кавалеристы 7-го полка приняли за Мамонтова одного из его ближайших сподвижников, бывших с ним в поле и со стога сена наблюдавших бой. Они погнались за мнимым Мамонтовым, а настоящий, бросив свою бурку и картупятиверстку, скрылся навсегда. Вскоре он, по слухам, заболел тифом и умер, или был насильно умерщвлен своими соперниками. Таким образом, богучарцы исправили свою ошибку у Александровского поселка, расчитавишись с Мамонтовым у хут. Несветай.

Дальше почти без боя дивизия проходит своим левым флангом Новочеркасск, Аксай и прибывает в Ростов, за день перед этим взятый Буденным. Этот беспримерный 700-верстный переход в холодную, снежную зиму с жестокими морозами в течение двух месяцев вырвал из рядов дивизии много славных бойцов, командиров и политработников, сложивших свои головы на полях сражений. Немало выбыло из строя и от тифа, буквально косившего наши ряды. Несмотря на все лишения и потери, воля к победе не покидала богучарцев. В Ростове многие наши полки насчитывали в строю не более 300 400 штыков. За выдающиеся боевые заслуги 20 января 1920 г. Реввоенсовет дает дивизии почетное название „Богучарская".

БОРЬБА ПОД РОСТОВОМ-НА-ДОНУ.

Остановка в Ростове и проявленная нерешительность в наших наступательных действиях позволили белым привести в порядок свои растрепанные части и укрепиться в Батайске. Наши лобовые атаки со стороны Ростова на Батайск и ст. Ольгинскую, расположенные на восточной стороне Дона, при движении по чистому льду, на виду у противника, были неудачны. Мы каждый раз возвращались обратно с большими потерями. А неудачи на Маныче, где действовал конкорпус Думенко, обнаружившееся предательство в его штабе порождали неуверенность в победе и в нашей дивизии. Противник, стянув довольно сильную группу против Ростова и Аксая, 19 февраля повел сильное наступление на наши позиции. 20 февраля наша дивизия, очень поредевшая к тому времени, под напором противника отступает из Ростова в Нахичевань. Из города Ростова последними уходят под градом пуль начдив Грживо-Домбровский и военкомдив Львов, незадолго перед этим сменивший меня на этом посту. Вместе с начдивом отходили пулеметчики 353-го Богучарского полка. Они видели, как этот „дедушка-генерал" плакал от бессильной злобы и обиды, что приходится уходить из Ростова.

Расположив артдивизион между Ростовом и Нахичеванью, начдив бросил сюда последний свой резерв—запасный учебный полк под командой Савенко и эскадрон 7-го кавполка и продержался здесь с этими силами до утра 21 февраля. Остальные части дивизии тем временем отходили постепенно из Ростова по направлению Армянского монастыря и дер. Салы. Утром было получено извещение, что 20 февраля казаки внезапно прорвались в Аксай, разгромили пополненную 13 ю дивизию и весь штаб ее захватили в плен. При этом также пострадала и 16-я дивизия. Под напором противника с фронта и из опасения обхода с тыла, части нашей дивизии покинули Нахичевань и перешли на линию Армянский монастырь—д. Салы. В этот день, 21 февраля, пал смертью храбрых военком дивизии Львов, который все время был при артдивизионе. Третьим военкомдивом 40 й Богучарской дивизии был назначен Врачев Ив. Як. один из участников Октябрьского переворота в Воронеже и впоследствии член Губревкома.

Еще были не менее тяжелые утраты для дивизии в боях за Ростов. Мы потеряли славного командира 7-го кавполка Домнича Ив. Нест., который заболел тифом в этот период. Без памяти, в бреду взятый из квартиры на Темрюке своими близкими людьми, он попал в руки озверелых казаков и те зверски замучили его, в куски изрубив его тело. Незадолго

перед этим в боях был убит не менее храбрый, один из старых партизан-богучарцев—командир 357-го полка Малоедов, уроженец сл. Россоши.

Оправившись в Салах, пополнив свои ряды рабочими ростовских заводов, особенно из депо Владикавказской ж. д., которые почти все ушли с нами из Ростова, мы снова двинулись на Ростов и заняли его 24 февраля вместе с другими дивизиями. Рейд конармии Буденного, разбившей в упорных боях конницу белых, и занятие ею ст. Торговой, решили участь белых на Южном фронте. После этого они бросают линию Батайск—Азов. 40-я Богучарская дивизия маршем и без задержек идет по линии Кущевка—Уманская—Полтавская до Славянской на Кубани, переходит Кубань и держит направление к Новороссийску. В это время туда же идет и кубанская зеленая армия.

В ГОРАХ КАВКАЗА.

Ввиду расформирования 8-й армии и посылки ее в Грозный на трудфронт, 40 я Богучарская направляется со ст. Крымской в распоряжение штарм 10, командармом которой был Павлов, хорошо знавший богучарцев еще в 1918 году по партизанским боям против немцев и красновцев. Дивизия походным порядком доходит в апреле до г. Пятигорска и получает задание выловить оставшиеся офицерские банды, засевшие в горах около Кисловодска и Нальчика. Под руководством Малаховского отряд из лучших частей дивизии, при непосредственном участии местных жителей, выловил около 400 офицеров и направил их в концентрационные лагери. С этой операции Малаховский возратился почти с целой конной бригадой, пополнив свой отряд за счет черкесов и ингушей, не хотевших расставаться со своим отважным предводителем. В апреле месяце под ст. Крымской при ликвидации 8-й армии был от нас взят в распоряжение Южфронта начдив 40-й Богучарской Грживо-Домбровский. Его назначили командармом трудовой армии. Прощание с ним было очень трогательное. При расставании он плакал, плакали и бойцы. С ним же уехал и военкомдив 40 Врачев, тоже назначенный политкомиссаром трудовой армии. Начдивом 40 был назначен Шорстков, бывший до того начштаба 33-й куб. дивизии, военкомдивом здесь был назначен Радченко А. П., только что оправившийся от ран.

БОРЬБА С ВРАНГЕЛЕМ И МАХНО.

В конце мая 1920 года 40-я Богучарская дивизия получает приказ двинуться из Пятигорска в Ростов и далее на польский

фронт. Прибыв к Ростову, дивизия начала сосредотачиваться для посадки на ст. Матвеев — Курган, возле Таганрога, но высадившийся на азовском побережьи Врангель изменил направление дивизии. Она была брошена на участок Мариуполь--Волноваха для борьбы с армией Врангеля. Сначала дела пошли хорошо, но затем недостаток патронов и особенно снарядов для артиллерии заставили нас приостановить наступление. Штаб 13-й армии, куда мы вошли, на первых порах плохо был связан с нашей дивизией и тоже не имел боевых запасов поблизости. Пришлось мне, как нач. снабжения дивизии, принимать экстренные меры для продвижения к фронту наших эшелонов с артиллерийскими, пулеметными парками и снаряжением. Все это, вместе взятое, позволило Врангелю укрепиться на азовском побережьи и занять Мариуполь, Бердянск, а потом Мелитополь.

Бои на врангелевском фронте имели упорный характер и шли с переменным успехом. На участке Волноваха—Юзовка (теперь Сталино) и Б. Токмак мы то наступали вперед, тесня противника, то снова отступали. В июле был отозван начдив Шорстков, мало популярный в богучарских полках. На смену ему был назначен Овчинников, краснознаменец и герой 21-й дивизии. В августе наши части были пополнены за счет мобилизованных и добровольцев из Богучара. В это время из всей конницы дивизии были организованы 4-я и 5-я кавбригады, затем об'единенные под командой Малаховского. Вскоре эти бригады вошли в состав группы Жлобы и приняли участие в его неудачном рейде в тыл противника, потеряв сотни лучших бойцов богучарцев. Кроме того, немало ущерба нанес им бандит батько Махно, появившийся в тылу наших войск.

В начале ноября перебрасывается на врангелевский фронт конармия Буденного и другие части врангелевского фронта. Здесь окончательно решается судьба Врангеля, быстро разбиваются группы Кутепова и Слащева. Приступом берутся перекопские укрепления. Конармия вторгается в Крым. 40 я Богучарская дивизия под командой Сангурского свертывается в отдельную бригаду и вливается в 9-ю донскую дивизию, начдивом которой был назначен один из комбригов 40-й дивизии Сироткин. 9-я дивизия бросается для борьбы с Махно и гонит его за румынскую границу. После этого Богучарская бригада свертывается в полк, получивший название 4-го Украинского полка им. т. Дзержинского. До настоящего времени этот полк является хранителем боевых знамен и боевых традиций 40 й Богучарской стрелковой дивизии.

ВТОРАЯ БРИГАДА.

В. В. СТРАХОВИЧ

ПОИСКИ БРИГАДЫ.

28 июля 1919 года с должности командира 2-й Кубанской бригады 33 й стрелковой дивизии я был назначен командиром 2-й бригады 40 й Богучарской стрелковой дивизии. Перед назначением я был вызван на заседание РВС 8-й армии, где командарм 8 Ратайский в присутствии членов Реввоенсовета Аснеса, Барышникова, Весника и Сокольникова об'явил, что мне вверяется командование лучшей бригадой 8-й армии.

3 августа я прибыл в с. Таловая, где должен был находиться штаб 40-й стр. дивизии, но штаба там уже не оказалось, он перешел в Александровский поселок. В Таловой только случайно задержался начдив 40 Василенко Матвей Иванович. Явившись к нему и вручив пакет штарма о своем назначении, я услышал в ответ, что вакансий и должности для меня нет. И только после того, как выяснился мой боевой стаж в старой и в Красной армии, а особенно командование 2 й Кубанской бригадой 33-й стр. дивизии, М. И. Василенко со словами: „Так бы сразу и сказали" сам отпечатал мне на пишущей машинке предписание вступить в командование второй бригадой, а комбригу Ширинде—таковое сдать.

На вопрос, где в настоящее время находится бригада, М. И. Василенко ответил: „Не знаю". По его словам, Ширинда куда-то ушел с бригадой и всякая связь с ними порвана. После этого М. И. Василенко уехал, и я остался в Таловой буквально один. К вечеру около Таловой послышались редкие выстрелы. Выйдя за околицу, я увидел редкую цепь, которая, отстреливаясь, отходила на Таловую. Противника видно не было, слышались только ответные выстрелы. Впереди отступающих суетился молодой человек в штатском платье, который, видимо, изображал командира. На мой вопрос, что это за часть и кто он такой, он ответил, что это 356-й полк, а он командир полка. Последнее обстоятельство оказалось ложью, так как он был только начальником пешей разведки 356 го полка. Все это произвело на меня грустное впечатление. Противника не видно, куда и зачем отходит цепь—неизвестно, резервов нет, командование—в единственном числе—прибегает больше к ругани, красноармейцы „матерят" коман-

дира полка, часть крайне малочисленна. Вот те данные, с которыми пришлось столкуться на первых же порах знакомства с частями бригады. Назвав себя, я приказал именовавшему себя „командиром полка" остановить цепь, прекратить стрельбу и выслать разведку. После недолгого упорства мои приказания были выполнены. Так прошла ночь с 3 на 4 августа.

4 августа, с рассветом, вновь началась стрельба с ответными редкими выстрелами со стороны противника. Получалось впечатление, что небольшая часть противника занимается перестрелкой „для развлечения". Часам к 9 утра перестрелка затихла, противник куда-то скрылся, также ушла и наша часть. Я остался в Таловой.

Около 12 часов дня к зданию, где помещался штаб дивизии, под'ехала группа из нескольких человек и обратилась ко мне с вопросом, где начдив 40. Я в свою очередь полюбопытствовал узнать, что собой представляет прибывшая группа. Оказалось, это штаб 2 й бригады (начальник штаба и два его помощника). Когда я назвал себя и пред'явил документы, они были крайне смущены. Видимо, мое назначение было для них неожиданностью. Они вынуждены были сообщить мне, что штаб бригады только что прибыл в Никольский поселок, где сейчас находится и командир бригады Ширинда.

Прибыв в Никольский поселок, я хотел немедленно вступить в командование бригадой, но Ширинда просил отложить прием бригады до 5 августа, так как в ночь с 4 на 5 он решил провести бой под Чиглой. Не зная ни местности, ни обстановки и предполагая, что командир бригады и штаб в курсе дела, я, чтобы не испортить дела, согласился на отсрочку и просил только дать мне боевой приказ для ознакомления. Оказалось, что никакого приказа нет, а приказы обычно пишутся после, для начальства; все же делается словесно, путем совещаний с командирами полков.

Результат боя оказался неудачным для нас и части должны были отступить. 5 августа, утром, за мной прибыл бронепоезд с приказанием от начдива Василенко немедленно вступить в командование дивизией, так как Василенко во время налета Мамонтова ранен Я временно сдал командование Ширинде, а сам отправился в Хреновое, где стоял штаб дивизии. Отправив раненого Василенко с бронепоездом в Воронеж, я вступил в командование дивизией до прибытия нового начдива Грживо-Домбровского. Во время командования дивизией я первым долгом постарался откомандировать начальника штаба бригады (фамилии не помню), который показал себя с невыгодной стороны, как штабной работник. Взамен его из штаба армии

прислали нового начштабрига Доронкина Е. В. Впоследствии оказалось, что я поступил верно.

В конце августа я вновь вступил в командование бригадой, после чего мы через Павловск направились в район с. Марки.

КОМАНДИРЫ.

За время похода я постарался ознакомиться как с личным составом, так и с настроением бригады. Высший личный состав бригады представлялся в следующем виде: командир 355-го полка Антонов, бывш. офицер, участник империалистической войны, был контужен в голову, вследствие чего страдал значительной глухотой, челов к слабой воли, легко подчиняющийся постороннему влиянию. Вр. и. д. помощника Смирнов—б. фельдфебель старой армии, участник империалистической войны, человек с твердым характером и сильной волей, вполне уравновешенный, обладающий большим боевым опытом, он оказывал сильное влияние на Антонова. 356-й полк—командир полка Качалов, участник империалистической войны, полковой разведчик, унтер офицер. Именовал себя прапорщиком, но доказательств представить не мог. Всегда знал все новости фронта, даже и мало достоверные. Обладал большим самомнением и честолюбием; боевым опытом обладал, но лично принимать участие в боях не любил. Непрочь был завести ссоры с товарищами и не считал себя обязательным выручать товарищей в бою; был мало разборчив в отношениях к окружающим и к населению, вследствие чего и действия командуемого им полка во всех отношениях оставляли желать много лучшего. Помощник его—Окунев—б. офицер, участник империалистической войны. В силу того, что командир полка Моргунов был убит в бою еще до моего прибытия в бригаду, командиром полка был назначен помощник командира того же полка Ртищев—участник империалистической войны, рядовой—артиллерист, человек храбрый, обладающий военным глазомером, горячий и в силу этого оказывающий сильное влияние на подчиненных. Благодаря ему, 357-й полк был признан лучшим в бригаде по выдержке, исполнительности и дисциплинированности. Помощником командира полка был назначен Малоедов—б. унтер-офицер, участник империалистической войны, знаток дела, воплощенное хладнокровие. Фактически во всех боях бригады командовал полком Малоедов, так как Ртищев в большинстве случаев командовал конным отрядом, составленным из всех кон-

ных развед иков бригады—до 400 сабель. Штаб бригады—начальник штабаДоронкин Е В. -б. офицер военного времени -артиллерист. По собственному признанию он был мало знаком с боевыми приказами; поэтому пришлось предоставить ему административную часть бригады, а всю оперативную работу взять себе. Военкомы бригады—сперва Фишлевич, затем Шамаев; военком штаба бригады—Поляков.

ОТПОР МАМОНТОВУ ПОД ЛИСКАМИ.

3 сентября в 11 часов из штарма, расположенного в Лисках, прибыл ординарец с личным приказанием командарма Ратайского немедленно прибыть с бригадой в Лиски. В 12 часов бригада уже выступила. Дорога была тяжелая, моросил дождь; обогнав бригаду, я поспешил в Лиски в штарм. Оказалось, что весь штаб уже выбыл в Воронеж, и только командарм ожидал моего прибытия. По имеющимся сведениям, Мамонтов намеревался 4 сентября занять Лиски, стремясь тем самым прервать связь фронта с тылом.

Последними словами командарма были: „Умрите, но Лиски должны быть в наших руках". С этими словами командарм выбыл на бронепоезде в Воронеж. Ночью 3 сентября подошли части бригады. 355 и 357-й полки были расположены мною по дуге впереди Лисок, имея фланги примкнутыми к р. Дону; 356-й полк—в самих Лисках, в резерве. На рассвете 4 сентября показались части Мамонтова. Наши батареи начали артиллерийский бой. Появление наших частей, очевидно, было неожиданностью для Мамонтова. Движение неприятельских частей приостановилось, но затем начался упорный бой. Мамонтов направлял удары в разные места нашего боевого расположения, стараясь прорвать фронт, но богучарцы не сдали. Несколько раз приходилось вводить в дело резервы. Наконец, бой затих. Лиски остались в наших руках.

Продолжался бой около 12 часов, до заката. Утомление было страшное. Очевидно, и противник чувствовал себя не лучше; он отказался от Лисок, и его части и обозы потянулись через р. Икорец на бобровскую дорогу. В этот напряженный момент я был вызван к прямому проводу. Оказалось, что штарм 8 находится в Острогожске, и командарм, назначая меня начальником обороны полосы Лиски — Коротояк, приказывал немедленно двинуться в гор. Коротояк для организации обороны и прикрытия штарма в том случае, если Мамонтов направится на юг, в направлении на Остро-

гожск. Сдав командование 355 и 356-м полками Качалову, я с 357-м полком направился в Коротояк.

В Коротояке находился запасный батальон 33-й стрелковой дивизии и другие мелкие части. Следя за движением Мамонтова, я установил, что он должен перейти р. Потудань в Репьевке, о чем и доложил по прямому проводу командарму и просил назначить какую-либо часть в Репьевку, так как последняя в мой участок не входила, а свободных частей у меня не было. На эту просьбу я получил от командарма отрицательный ответ. Мои предположения оправдались: Мамонтов перешел р. Потудань и вступил в Репьевку совершенно свободно, так как ни одной части для противодействия ему выставлено не было.

РАЗГРОМ „ТУЛЬСКОЙ" ДИВИЗИИ.

На следующий день, 19 сентября, командарм сообщил, что Шкуро движется с юга, стремясь соединиться с Мамонтовым; он отбросил части 31-й дивизии под Острогожск, штарм переходит в Лиски. Командарм приказал мне немедленно возвращаться к бригаде в Лиски. 20 сентября я возвратился в Лиски и получил приказание перейти в район Давыдовки. В тот же день, около 17 часов, штабриг расположился в с. Давыдовке. Штарм в это время уже находился в Воронеже. Около 21 часа 20 сентября командарм вызвал меня к прямому проводу и сообщил, что Мамонтов, соединившись со Шкуро, занял Коротояк и намерен 21 сентября перейти на левый берег Дона с тем, чтобы произвести новый рейд к Москве. Мне приказывалось немедленно занять хутор Успенский, войти в подчинение начдиву 33 Левандовскому и, составляя резерв командарма, поддержать части 33-й и 15-й дивизий. Общее руководство операцией возлагалось на начдива 33 Левандовского. Вслед за этим я получил из Лисок от Левандовского подтверждение распоряжения командарма и сообщение, что в 4 часа он будет на хуторе Успенском. На мою просьбу поторопить выступление из Лисок на хутор Успенский 356-го полка, который задержался в Лисках, ответа не получил. Ночью 355-й полк двинулся по назначению. 357-й полк должен был выступить на 2 часа позже.

К 4 часам штабриг и 355-й полк прибыли на хутор Успенский. Ни 356 ни 357-го полков не было. Расположение частей было следующее: от Коротоякского моста к востоку занимали части 15-й дивизии; к западу—3-я бригада 33-й дивизии,

2-я Богучарская бригада — хутор Успенский (1-й полк); Коротоякский мост находился в районе 15-й дивизии

Прошло два часа—Левандовского нет, боевого приказа тоже нет. Части 15-й дивизии завязывают бой; Мамонтов со Шкуро перешли на левый берег Дона и начинают теснить наши части. Остро ощущается назревшая необходимость поддержать части, хотя бы одним полком. Перестроившись в боевой порядок, полк начинает продвигаться вперед. Не доведя полка до противника шагов на 800, приказываю остановить полк, так как видно, что у противника в этом пункте сосредоточено около дивизии (впоследствии оказалось, что там была расположена мамонтовская „Тульская" дивизия). Части 15-й и 33-й дивизий, на стык которых вышел 355-й полк, отошли, и, таким образом, последний остался один перед фронтом более сильного противника...

356 и 357-го полков нет и не видно. Наконец вдали показалась колонна. Посланные ординарцы выяснили, что это 357-й полк, который долгое время блуждал, пока вышел к хутору Успенскому, так как это название „Успенский" населению неизвестно. Бегом развернулся полк и бегом же двинулся в линию 355-го полка. Не успел 357-й полк подойти шагов на 150-200 к 355-му полку, как 355-й полк, видя подходящий 357-й полк, не выдержал и бросился в атаку. Это движение было настолько стремительно и неожиданно для противника, что последний пришел в замешательство; но затем оправился и, численно превосходя 355-й полк, перешел в наступление. 357-й полк ударил с фланга на противника, и оба полка, совместно сбив противника, заставили его отступить. Впоследствии ходили слухи, что Тульская дивизия выбыла из строя после этого боя. 356-й полк участия в этом бою не принимал и прибыл только тогда, когда бой закончился.

22 сентября Мамонтов дал передышку, а 23-го вновь сделал попытку перейти на левый берег Дона, но был сбит Богучарской бригадой, которая к этому времени заняла часть участка 15-й дивизии — от моста, включительно до впадения р. Хворостань в р. Дон. За этот бой я приказал представить наиболее отличившихся к ордену „Красного знамени", но ко мне явилась депутация от 355 и 357-го полков с просьбой о представлении к наградам не персональным, а к красным знаменам, мотивируя свою просьбу тем, что по крайней мере останется память о бойцах, заслуживших эти знамена. Эта просьба была мною выполнена с особым удовольствием. 355 и 357-й полки были награждены красными революционными знаменами от ВЦИКа.

СТОЯНКА В КОПАНИЩЕ.

После этого двухдневного боя, в котором бригада понесла потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести до 40% состава, началось томительное выжидание. Бригада была переведена в район ст. Копанище, против Дивногорского монастыря. Штаб бригады—село Копанище. Противник, сосредоточив тяжелые орудия у ст. Копанище, ежедневно от 11 до 14 часов обстреливал район расположения бригады, а начдив 33 Левандовский упорно не желал вывести бригаду из того места, где она бесплодно несла убыль, не имея возможности нанести вред противнику, который до того обнаглел, что его бронепоезд подошел к монастырю, очевидно, с целью обстрелять район расположения бригады, но был отбит.

* * *

Это томительное состояние продолжалось около недели. Связи ни с 33-й, ни с 15-й дивизиями не было; Левандовский не давал никаких распоряжений и никаких информаций. А слухи появились крайне волнующие: по одним сведениям казачьи части начали переправу через Дон под Лисками, на участке 33-й дивизии; по другим—идет сильная группировка казачьих частей вдоль р. Хворостань, на участке 15-й дивизии. Стремясь наладить связь с 15-й дивизией, я послал начдиву 15 Максимову предложение—установить связь между штадивом 15—с. Троицкое—и штабригом Богучарской—с. Копанище. И получил такой ответ: „Если комбригу нужна связь, пусть он ее устанавливает, а нам она не нужна". Наконец, от начдива Левандовского пришло приказание перейти на участок 15-й дивизии, которая оттягивалась на р. Икорец. Не успели мы занять участок 15-й дивизии, как через сутки от Левандовского пришло распоряжение перейти за р. Икорец, от впадения ее в р. Дон к северу. Части расположились: 357-й полк—правый фланг, поддерживал связь с 15-й дивизией, 355-й полк—центр и 356-й полк—левый фланг. За этот период можно отметить только ряд мелких стычек на участке 356-го полка, причем дважды в ночных боях отличалась 10-я рота (штрафная армейская), за что мною было возбуждено ходатайство о прощении штрафа всем участникам боя. Ходатайство было удовлетворено начдивом 40. Все красноармейцы 10-й роты вошли в состав 356-го полка. Противник, за исключением указанных мелких стычек, нас почти не тревожил.

Прошло около недели. 15-я дивизия, по слухам, отошла к городу Боброву. На месте ее расположения появился противник, который стал, таким образом, угрожать правому флангу

РАДЧЕНКО
военном Богучарской дивизии.

357-го полка. Пришлось загибать фланг полка, но прикрыть наше расположение с тылу не представлялось возможным. Раз'езды противника появились в тылу частей и даже в районе расположения штаба бригады (с. Березовка), который прикрывался комендантской командой; были усилены разведки не только на фронте и на правом фланге расположения, но и в тылу.

ВЗРЫВ МОСТА У МЕЧЕТКИ.

Наконец от начдива 40 пришло извещение о том, что бригада вновь входит в состав 40-й дивизии, и приказание штабригу с 1-м полком перейти в с. Мечетку, а два полка выслать на р. Дон на высоте Мечетки. 355 и 356-й полки под общим командованием Качалова, направились к Дону, а 357-й полк со штабригом—на Мечетку. Учитывая разрыв, который получился между р. Битюгом и правым флангом 3-й бригады в районе М. Кисляя, я выдвинул 357-й полк в район М. Кисляя. Штабриг—в Мечетке. Через двое суток противник произвел сильный нажим на 3-ю бригаду, которая не выдержала удара противника и поспешно стала отходить на Хреновое, не предупредив даже о своем отходе. Левый фланг 357-го полка остался открытым. Послал Ртищеву приказание медленно отходить на Мечетку, к мосту, а если же не представится возможным через 3 часа подойти к Мечетке, самостоятельно следовать на Хреновое и через Бобров соединиться с бригадой. В моем распоряжении в тот момент оказалась саперная рота 40-й дивизии, которая, отыскивая место расположения штаба дивизии, случайно попала в расположение штабрига 2-й Богучарской бригады. Мечеткинский мост через р. Битюг был минирован. Все обозы штаба заблаговременно были переправлены на правый берег р. Битюг в район Пчелиновки.

Вечерело, прошло 3 часа условленного с Ртищевым времени, но от него никаких донесений не получалось. Выстрелов также не было слышно. На западной окраине Мечетки появился казачий раз'езд. Послав с ординарцем Ртищеву приказание отходит на Хреновое, придерживаясь р. Битюг, я сам со штабом, по мосту, переехал на правый берег р. Битюг и остановился в леске, что на дороге в Пчелиновку. На левом берегу реки Битюг, у моста, появились конные части противника. Осторожно, медленно вступили они на мост, и когда дошли они до половины второго пролета, я приказал взорвать оба пролета. Ухнуло и загудело, и вместе с облом-

ками моста в воздух поднялись окровавленные части людей и лошадей. Задача была выполнена: путь противнику преграждён, и штабриг направился в Пчелиновку. В этот же район прибыли 355 и 356-й полки, согласно приказанию, непосредственно полученному из штадива 40, они были расположены мною южнее Пчелиновки.

Простояв около недели, нетревожимый противником, кроме его раз'ездов, я получил приказание перейти к городу Боброву и прикрыть его с юга от раз'езда Анновки до р. Битюг. В Боброве к бригаде присоединился и 357-й полк, который, по докладу Ртищева, спокойно отошел к линии железной дороги Хреновое—Бобров и направился в г. Бобров, но был задержан командиром 3-й бригады, который, растеряв два своих полка и не решаясь иметь дело с противником при наличии одного полка, задумал присоединить 357-й полк и составить, таким образом, боеспособную часть.

ОТХОД НА ВЕРХНЮЮ ТОЙДУ.

Ртищев с полком был расположен мною в Азовке, а 355-й и 356-й полки по дуге, южнее Боброва. Между тем, события на участке 3-й бригады разворачивались с чрезвычайной быстротой. Противник стремительно двигался к железной дороге Таловая—Бобров, имея целью овладеть ею. На поддержку разбитой 3-й бригаде была выдвинута 1-я бригада, которая успела сдержать первый напор противника, но затем стала отходить к северу. Начдив 40 не счел нужным поставить меня в известность об отходе 1-й бригады, а послал только приказание сдать участок подходящей 3-й бригаде 33-й дивизии, а частям второй бригады занять спешно линию р. Битюг, от Боброва до Тойды. Так как 355 и 356-й полки уже сдали свои боевые участки подошедшим частям 3-й бригады 33-й дивизии, то я повел их из Боброва на Коршево. 357-му полку, который задержался со сдачей участка, приказал самостоятельно занять участок от железнодорожного моста до с. Коршево. Подходя к последнему, я получил от разведки донесение, что какие-то части переходят р. Битюг, на правый берег. Следующее донесение было, что идут части противника (как оказалось впоследствии— 5 и 6-я пластунские бригады под общим командованием ген. Дукмасова). Быстро развернулась бригада, и не успел противник опомниться, как был осыпан снарядами нашей артиллерии, и наши части пошли в атаку. Попытка противника прикрыть отход своих частей успеха не имела: противнику приходилось разворачивать свою

артиллерию на открытой позиции под огнем наших батарей, которые так и не дали ему возможности ввести ее в дело. Противник был прогнан обратно за р. Битюг, и бригада спокойно заняла Коршево и Шишовку.

Между тем, 357-го полка все не было. Под Бобровом слышны были орудийная и пулеметная стрельба, но сведений никаких не было. Послал разведку, которая вскоре донесла, что подходит 357-й полк. По докладу Ртищева оказалось, что противник перешел р. Битюг по железнодорожному мосту, отбросил части 33-й дивизии и пересек путь 357-му полку так, что последнему с боем пришлось прорываться на Коршево. Приказанием начдив 40 я должен был задержаться в районе Коршево—Шишовка—Чесменка—Сухая Березовка. Для чего я должен был задержаться на этой линии—для меня было совершенно непонятно, так как тот же приказ указывал, что в случае нажима противника я должен отходить на Верхнюю Тойду, имея целью прикрыть головной участок железной дороги Анна—Графская.

В этот момент для бригады создалось чрезвычайно тяжелое положение. В предшествовавших боях под Коротояком бригада понесла большие потери—до 40%, затем бесцельное стояние бригады под безнаказанным огнем противника в Копанище, все это страшно уменьшило численность бригады и в ней было только 592 штыков и сабель.

Кроме того, местность вполне благоприятствовала скрытному подступу противника. Бригада оказалась выдвинутой вперед против общего фронта, имея незащищенными оба фланга и подвергаясь, таким образом, охвату с обеих сторон. Результаты не замедлили сказаться: противник повел наступление с обоих флангов одновременно крупными силами—три полка дивизии ген. Гусельщикова. С большим трудом удалось вывести из боя бригаду, в особенности правый фланг—356 и 357-й полки, которые отходили под угрозой окружения. Наконец, бригада успела выйти из боя и в порядке отошла к Верхней Тойде, где и расположились 355 и 356-й полки, 357-й же полк был расположен на хуторе, что южнее Верхней Тойды—х. Студенный, имея заданием наблюдать за действиями противника. Противник пока активности не проявлял.

БОИ У КРИУШИ—Б. МАРТИН.

Через двое суток бригада, согласно приказу по дивизии, перешла в с. Васильевку, а на ее месте была расположена 1-я бригада той же дивизии. Несмотря на то, что бригада была утомлена предшествовавшими боями, малочисленна, ей

был дан участок Березовка - Б. Мартин—Криуши. причем на нее возлагалась задача—выбить противника из этого района. Левый фланг прикрывался 1-й бригадой, а для прикрытия правого фланга должна была подойти 2-я кубанская бригада под командой Лунева. имея заданием нанести удар по с. Красный Лог, с целью отвлечь внимание противника от участка 2-й Богучарской бригады. Но 2-я Кубанская бригада не только не подошла во-время, но и самое местонахождение ее было неизвестно. Начдив 40 дал мне задание—отыскать во что бы то ни стало 2-ю Кубанскую бригаду и связаться с ней. Это задание возлагалось на бригаду, ослабленную численно, утомленную, требующую пополнения, а между тем, у начдива в распоряжении был целый кавалерийский полк Домнича, совершенно свежий.

Посланные разведчики не возвращались: правый фланг был открыт; на левом имелось прикрытие, но крайне пассивное. Вот та обстановка, в которой находилась бригада в эти страшные дни.

Но дух бригады был достоин имени богучарцев. Ни тени уныния. упадка духа, боязни или ропота. Накануне наступления из штадива было прислано свежее пополнение для усиления численного состава бригады. Сколько я ни доказывал начдиву (по телефону) весь вред от влития в боевой обстановке свежего, еще не обстреленного элемента, сколько я ни указывал на опасность его, я получил категорическое приказание—влить немедленно пополнение в один из полков и ввести в первый же бой.

Результаты не замедлили сказаться. Все пополнение было влито в 356-й полк, составив 45% к общему составу полка. Ранним утром бригада выступила, имея направление: правый фланг— 357 й полк—Криуша, 355-й полк—центр—Б. Мартин, 356-й полк—левый фланг—Березовка. 355-й и 357-й полки быстро заняли Криушу и Б. Мартин и продвинулись к югу с целью сбить противника на Бобров и на его плечах ворваться в Бобров. Но обстановка заставила отказаться от выполнения этого задания. Противник, никем не тревожимый, перебросил свои части из Красного Лога на поддержку против Криуши, и 357-й полк должен был отойти.

В начале боя 356-й полк перешел глубокий овраг и, когда противник начал нажимать, пять рот, в которых, главным образом, было пополнение, перешли на сторону противника и увлекли за собой весь командный и политический состав. Таким образом, в 356-м полку осталось всего 5 рот, которые отошли на Васильевку, не оказав, таким образом, содействия 355-му полку. 355-й полк, выбив белых из Мартина,

держался на позиции до вечера. Наконец, под давлением превосходящих сил противника он вынужден был отойти на Васильевку. На мое донесение по телефону о результатах дня я получил приказание начдива 40, по телефону же оставаться в Васильевке до распоряжения. Сколько я ни доказывал не только бесцельность, но даже опасность для бригады располагаться в Васильевке в виду неподходящей местности, начдив твердил одно: „Исполняйте боевое приказание".

Если бы казачьи части были более энергичны, если бы они проявляли то же упорство, которое проявляла во всех своих действиях вторая бригада, то последняя могла бы не только быть разбитой, но даже захваченной без особых усилий, так как Васильевка лежит в котловине, и вряд ли удалось бы благополучно ускользнуть. Но противник допустил крупную ошибку: заняв Б. Мартин, он остановился на роздых и тем дал нам возможность маневрировать. Ночью я успел подтянуть 357 й полк, ночью же двинулся с бригадой, имея остатки 356-го полка в общем резерве, на Криуши и Б. Мартин и на рассвете неожиданно для противника выбил его и занял оба пункта, перейдя в преследование. Но ввиду угрозы моему левому флангу должен был отойти и закрепиться в этих пунктах. К вечеру бригада опять должна была отойти в исходное положение в Васильевку. Семь раз, таким образом, переходили Б. Мартин и Криуши из рук в руки, и чем упорнее не давались эти пункты в руки бригады, тем сильнее росло ее упорство. Но численно она таяла. Я никогда не обращался ни с какой просьбой к начдиву, но в данном случае не выдержал. Официальным письмом, предварительно обрисовав всю обстановку, я просил начдива выслать 7-й кавполк на Красный лог, задержать в данном пункте противника, а затем вести конные действия по тылам, и ручался, что в таком положении я выбью противника окончательно и дойду до Боброва. На мое письмо я получил приказ дивизии, что 7-й кавполк придается 1-й бригаде, а 2-я бригада снимается с участка и направляется через Верхнюю Тойду в Мечетку.

НАСТУПЛЕНИЕ ЛОСЕВО—ПАВЛОВСК.

На пути последовало новое приказание—следовать на Чиглу и далее к югу, по направлению на Павловск. В Лосеве бригада остановилась на отдых. Имея в своем распоряжении много саней, возчики, коих были из местностей, занятых казачьими частями, я не мог их распустить по домам. Для того же, чтобы сохранять силы бойцов, я во время переходов пользовался всяким случаем, чтобы перевозить бойцов

на санях. Таким же образом следовала бригада и в Лосево. На пути были замечены разведчики противника, которые быстро скрылись. Только что бригада успела войти в Лосево и расположиться, как артиллерийские наблюдатели донесли, что с юга подходят крупные силы противника. Батареи стояли на позиции, но я приказал не открывать огня до той поры, пока противник не подойдет на дистанцию действительного огня. Из стрелковых же частей выдвинул 355-й полк, который мог выставить только жидкую цепь численность полка в то время была около 160 человек. 356 же и 357-м полкам приказал укрыться для поддержки флангов 355-го полка. Противник, введенный, очевидно, в заблуждение разведчиками, вероятно предполагал, что имеет дело с обозами. Выставленная жидкая цепь 355-го полка, очевидно, еще более утвердила его в этом заблуждении, потому что он шел слишком открыто, в походных колоннах. Когда он подошел на 2-3 версты, 12 орудий открыли беглый огонь. Несмотря на это, противник развернулся и повел энергичное наступление. Когда же он стал сближаться с 355 м полком. с флангов его охватили 356 и 35-7й полки. Бой был непродолжителен; противник в сильном расстройстве отошел. По сведениям, полученным от пленных, наступала 1-я Донская дивизия. В бою был убит командир 1-го Донского полка.

В тот же день был получен приказ дивизии, возлагавший на вторую бригаду задачу—овладеть городом Павловском. Обстановка была следующая: противник—3 й Донской корпус, командиром которого только что был назначен генерал Гусельщиков вместо генерала Иванова. занимал Павловск и командующую высоту, где расположен Белогорский монастырь. Вторая бригада, двигаясь по „большаку" Лосево—Павловск, должна была овладеть городом Павловском. Для прикрытия ее правого фланга в направлении Дуванка (Александровка—Донская)—Белогорский монастырь двигалась группа 1-й бригады, состоящая из 1-й бригады и 7-го кавполка Домнича, имея заданием выбить противника из Белогорского монастыря, как командующей высоты, и тем обеспечить овладение и удержание в наших руках города Павловска. Для прикрытия левого фланга второй бригады по шоссе Александровка—Елисаветовка—Павловск должна была двигаться 31-я дивизия.

Накануне выступления, 3 декабря 1919 года, мною был отдан бригаде боевой приказ. Учитывая, что я при взятии Павловска подставляю свой правый фланг под удар противника со стороны Белогорского монастыря, затем не надеясь на своевременную поддержку соседних частей, я вызвал к себе командиров полков, батальонов и батарей и, в

присутствии прибывшего военкома дивизии И. Я. Врачева, детально проработал как самый приказ, так и мелкие детали решения боевой задачи. А затем, допуская, что группа 1-й бригады своевременно меня не поддержит, предупредил все- о возможности перемены фронта и нанесения удара сперва по Дуванке, а затем уже по Павловску.

Мои предположения подтвердились целиком. Когда бригада стала подходить к Дуванке, находившейся от „большака" около 3 верст, разведка донесла, что противник занимает Дуванку. Никаких сведений ни о группе 1-й бригады, ни о 31-й дивизии не было. Между тем, противник открыл артиллерийский огонь. Пришлось развернуть бригаду под углом в 45° и вести наступление на Дуванку. В боевую часть были выдвинуты 355 и 357-й полки, успевшие на походе пополниться добровольцами, 356-й же полк был выдвинут уступом назад, за левым флангом 355-го полка, так как о 31-й дивизии никаких сведений не имелось. Командование 357-м полком было мною возложено на помощника комполка Малоедова, командиру же 357-го полка Ртищеву было поручено командование конным отрядом, составленным из полковых разведок; отряд прикрывал правый фланг боевого расположения бригады. Быстро, несмотря на учащенный артиллерийский огонь противника, двинулась бригада на Дуванку. Военком дивизии И. Я. Врачев шел в рядах 357-го полка, как простой красноармеец. Ртищев со своим конным отрядом вел бешеные повторные атаки на крайний левый фланг противника, 12 орудий громили артиллерию противника. Наконец, когда Ртищеву удалось ворваться на кладбище и заскочить в тыл противнику, последний не выдержал нажима и стал отходить на Павловск, цепляясь за малейшую складку местности и пытаясь перейти в контрнаступление. Но богучарцы не давали ему опомниться. Пехотные части шли у него на плечах, конница Ртищева обскакивала с флангов, артиллерия побатарейно шла в цепи, поддерживая огонь на близком расстоянии. Попытка противника задержаться под Павловском успехом не увенчалась: он был загнан в Павловск, спешно прошел его и в беспорядке стал отходить на Буйловку, уже не пытаясь сопротивляться. Еще один нажим и противник был бы уничтожен окончательно, но есть предел и силам героев. Тринадцать верст прошла бригада с боем (3 в. до Дуванки, 8 в. до Павловска и 2 в. через Павловск). Утомленные бойцы буквально легли. Легли не только люди, легли даже кони, так велико было утомление. Пришлось отказаться от преследования, но противник был настолько деморализован, что и не думал о сопротивлении, а в панике в ту же ночь перешел на другой

берег Дона в Русской Буйловке. Бригаде 5 декабря был дан мною полный отдых и, под моей личной ответственностью, фунтовая порция мяса и чай с сахаром, сколько пожелают. 5-го же получена была от начдива 40 поздравительная телеграмма и с этой телеграммой фактически порвалась всякая связь с дивизией.

ПЕРЕХОД НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДОНА.

Командующий группой 1-й бригады Малаховский прибыл в Павловск и сообщил мне, что он без боя занял Белогорский монастырь, так как противник быстро отошел, не оказывая сопротивления. Вместе с тем Малаховский советовался со мной—что делать дальше, так как приказов дивизии у нас не было. Да и трудно было ожидать их, так как полевой штаб дивизии с начдивом находился в 75 верстах, а основной штадив даже в 100 верстах от фронта бригады. Я посоветовал Малаховскому держать самую тесную связь с шедшей на его правом фланге 15-й дивизией, быть в полном курсе всех задач и ставить меня об этом в известность, а мы оба будем назначать направления своих бригад параллельно направлению 15-й дивизии. Малаховский уговорился со мной, что я буду давать ему общие указания о движении, и таким образом я неофициально, но фактически вступил в командование дивизией. 6 декабря бригада выступила на Буйловку. Перед выступлением Малаховский сообщил мне, что он опасается оставаться разобщенным со мною р. Доном и просил перейти на правый берег Дона, чтобы действовать совместно, так как этот переход соответствовал тому направлению, которое я наметил, приблизительно, в зависимости от движения и действий 15-й дивизии. 6 декабря было последним днем дневных действий бригады. Полное отсутствие патронов, исчезновение отдела снабжения, а затем и расформирование его, передача функций его отделу снабжения дивизии, который находился еще далее штадива, все это ставило бригаду в очень тяжелое положение. На переданную через Малаховского настоятельную просьбу о присылке патронов, я получил от начдива ответ: „Богучарцы добудут сами". Между тем, у большей части бойцов при выходе из Павловска было не более одной обоймы. Пришлось применять иные методы боевых действий, и с 6 декабря в ночь на 7 начался период ночных боев, который продолжался включительно до 1 января 1920 г., когда на рассвете была взята станция Каменская и были подвезены патроны из отдела снабжения армии.

* * *

Этим я заканчиваю свои отрывочные сведения о действиях бригады в пределах Воронежской губернии. Они быть может не очень точны в деталях. Да и трудно по памяти восстановить подробно всю работу бригады. Как самый близкий свидетель, я должен заявить, что „богучарцы", носившие в штарме наименование лучшей дивизии, с честью и достоинством поддержали этот отзыв. Не место здесь говорить о тех условиях, в которых приходилось действовать второй бригаде, не место также говорить и о причинах, вызывавших эти неблагоприятные условия, но нельзя умолчать и о том, что на бригаду возлагалась слишком большая нагрузка. Общий тон приказов и поручений, возлагаемых на бригаду, был: „Умрите, но выполните", и бригада не умирала, а выполняла. И я считаю великой оценкой деятельности бригады отзыв штадива, что приказы в бригаду перестали посылаться потому, что они всегда запаздывали. Считаю также подчеркиванием значения бригады присылку, при переходе в Донскую область, не приказа дивизии, а директивы штарма для общей ориентировки. Голодные, босые, оборванные богучарцы, без тени уныния или ропота, шли в бои, утомленные непрерывными боевыми действиями. Без возражений шли туда, куда требовали обстоятельства. Это было особое военное братство. В бою только командир, вне боя—старший товарищ, пользующийся авторитетом и уважением.

Вечная память павшим бойцам, честь и слава оставшимся в живых, вечная слава боевому имени „Богучарская дивизия".

СТРАНИЦЫ ИЗ ПОХОДНОЙ КНИЖКИ.

И. ВРАЧЕВ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

В период героической борьбы Красной армии на фронтах гражданской войны в ее составе было не мало лучших ударных частей и соединений, на которые, главным образом, опирались наши армии и даже целые фронты. Первая конная армия, Чапаевская дивизия заслуженно пользуются всеобщей известностью, довольно широко известны 45-я дивизия Якира, 50-я Перекопская дивизия и некоторые другие. Но не у всех дивизий и армий были Фурмановы и Бабели, и не у всех дивизий и армий военные организаторы и боевые руководители исполнили свой долг перед историей. В результате этого о многих частях Красной армии, сыгравших весьма существенную роль в ее боевых операциях и пользовавшихся довольно большой известностью в период непосредственных военных действий в своих районах и краях, широкие круги советской общественности и современные—молодые—бойцы Красной армии или слишком слабо осведомлены или вовсе ничего не знают.

К числу таких частей, несомненно, относится и 40-я стрелковая Богучарская дивизия, стяжавшая себе славу одной из лучших дивизий 8-й армии.

Автору в качестве военного комиссара этой дивизии пришлось провести с ней поход от северных окраин ЦЧО до берегов Черного моря.

По счастливой случайности у автора сохранился ряд документов, относящихся к этому периоду боевых действий дивизии, благодаря чему вниманию читателя и представляются последующие страницы.

Эти страницы, в основе, представляют выдержки из записных книжек автора, и в этом их недостаток и достоинство. Недостаток—потому, что записи сухие и краткие, написанные почти телеграфным стилем, причем по условиям непосредственной боевой обстановки, когда записи всегда могли стать достоянием врага, в них намеренно не заносились сведения о численности войск, об их политико-моральном состоянии, о положении со снабжением и т. д. (Теперь об этом можно пожалеть, но тогда это было элементарной предосторожностью).

Достоинство—потому, что по указанным записям можно получить точное представление о боевых операциях Богучарской дивизии и в значительной мере и всей 8-й армии (в состав которой входила Богучарская дивизия).

Наши записи могут послужить материалом для более систематических военных очерков о Богучарской дивизии. Во всяком случае записи наши в значительной точности отражают наиболее важные события в определенный период времени.

По всем этим соображениям автор и решил придать их гласности.

Страницы из походной книжки печатаются в том виде, в каком они заполнялись в 1919 и 1920 гг., автор ограничился самой минимальной литературной правкой.

Всюду автор пользовался картой 10 верст в дюйме (этими картами в период Южного фронта была снабжена вся наша армия).

Это и все, что необходимо было предпослать предлагаемой читателю работе.

Автор.

Октябрь, 1932 г.
Москва.

1919 ГОД.

3 ноября, с. Мордово, Тамбовск. губ.

К вечеру прибыл в Мордово. В селе этом, наверно, за все время его существования не было такого большого скопления народа.

Еще бы: в селе размещен штаб 8-й армии со всеми своими учреждениями.

С величайшим трудом устроился на ночлег—все избы переполнены красноармейцами, командным составом и военнослужащими.

4 ноября, с. Мордово.

В фронтовой полосе все вопросы решаются быстро, без проволочек и волокиты. Я уже получил назначение: назначен комиссаром 40-й дивизии. Завтра получаю мандат и еду в деревню Новый Курлак, где расположен штаб дивизии. Со мной отправляется Шахновский, получивший назначение на должность заведующего политотделом этой же дивизии.

5 ноября, с. Мордово.

Получил мандат. Имел довольно продолжительную беседу с командармом Сокольниковым. Он охарактеризовал положение армии и указал на стоящие перед ней задачи. 40-я дивизия, оказывается, является самой лучшей в 8-й армии. Дивизия стяжала себе прекрасную боевую славу, но боеспособность ее значительно понижается, благодаря остаткам партизанщины. Искоренение этих остатков, поднятие дисциплины как раз и является важнейшей задачей в руководстве дивизией. Именно поэтому в дивизию назначаются два комиссара (не так давно в дивизию выехал в качестве комиссара, на смену Ермоленко, прибывший с партией мобилизованных питерских коммунистов Львов).

6 ноября, с. Щучье (Бобр. у. Ворон. губ.).

Чтобы добраться от Мордово до ст. Эртиль понадобилось почти 15 часов. На передвижение из Эртиля в Щучье, уже на подводе, понадобился целый день. Дорога прескверная. Лошаденки плохонькие, все время плелись шагом. Завтра утром движемся дальше по маршруту: Садовое—Бродовое и Н. Курлак.

7 ноября, Б. Ясырки.

Здесь пришлось остановиться, вследствие ужасно скверной погоды. Беспрерывный сильный дождь и ветер. Все мы замерзли и промокли. Встретился с председателем Бобровского уисполкома (знавшего меня по работе в Воронеже). Получил приглашение выступить с докладом о второй годовщине Октябрьской революции на сахарном заводе в Садовом.

8 ноября, с. Садовое.

Здесь в ревкоме узнал, что сюда прибывает штаб 40-й дивизии. Ехать дальше нет смысла. Мне и моим спутникам отвели квартиру. Вскоре прибыл начальник штаба 40-й дивизии Мачигин-Елецких (знакомный мне по работе в 13-й дивизии). От него узнал, что частям 40-й дивизии пришлось отойти, чем и вызван перевод штаба в Садовое. Наштадив довольно подробно информировал меня о положении в дивизии. Хотя дивизия и пользуется заслуженной боевой славой, положение ее далеко не из блестящих. Особенно остро сказываются недостатки по линии снабжения, нет, в частности,

обмундирования; ощущается недостаток в хорошо подготовленном командном составе; политическая работа налажена слабо.

9 ноября, Садовое.

Штаб дивизии п степенно стягивается в Садовое. Весь день провел в штабе, постепенно входя в курс дела. Дивизия в общем, несмотря на целый ряд недостатков в ее организации и особенно—организации дела снабжения, в хорошем состоянии. Если сравнить 40-ю дивизию, примерно, с 13-й дивизией прошлого года, тогда станут очевидными те огромные успехи, которые одержаны нами на путях перехода от неорганизованной, наспех сколоченной, полупартизанской армии,—к регулярной, дисциплинированной, централизованной и боеспособной армии.

Вечером выступал на концерте-митинге, устроенном политотделом дивизии на сахарном заводе.

10 ноября, Садовое.

Познакомился со своим коллегой, комиссаром дивизии Львовым. Лазарь Львович Львов, питерский работник, старый партиец, был в эмиграции, активный участник Октября, член Петросовета и Петроградско о губкома. Производит очень хорошее впечатление. Благоприятное впечатление производит и начдив Петр Станиславович Грживо-Домбровский, бывший генерал, старый фронтовик, командовавший полком в импер алистическую войну. Условился с Львовым, что сначала знакомлюсь с работой штаба политотдела, отдела снабжения и всех учреждений дивизии и только после этого совершу об'езд частей.

День на участке дивизии прошел спокойно. Согласно приказа командарма, происходит перегруппировка частей для выхода на правый берег р. Битюг и наступления на Бобров. Сводка всех фронтов, полученная нами, весьма отрадна, нами взяты: Гдов, Луга, Фастов, Чернигов, Севск. Положение на всех фронтах устойчивое. Скорее бы и нам перейти в наступление.

12 ноября, Садовое.

Сегодня, после сильных боев, частями нашей дивизии оставлены взятые вчера Криуша и Нащеченка. Части занимают следующие пункты: Сергиевка, Васильевка, Каменка, х. Студеный, Верхняя Тойда и ст. Тойда. 356-й полк был окру-

жен противником и, понеся большие потери, пробил себе дорогу. Прибывшее пополнение в составе 200 человек целиком сдалось противнику. На фронте армии заметно сосредоточение противником своих крупных сил против конного корпуса Буденного и в районе Нижнедевицк—Н. Ольшанка.

13 ноября, Садовое.

На фронте дивизии ружейная перестрелка. Наши части готовятся к переходу в наступление, согласно последним двум приказам.

На фронте армии замечено стремление противника захватить Воронеж. На участке 16-й дивизии неприятель достиг рубежей: Семидесятское, Яблочное. Наши части занимают: Катенская—Егорово—Борщево. С этого направления фронт подкатился к Воронежу верст на 30—35 Наступает новая борьба за Воронеж. В этой борьбе решающее значение будет иметь наша дивизия. Если мы исполним приказ командарма и, выйдя на линию р. Березовка, разовьем наступление, захватим Бобров и, овладев переправами через р. Икорец, сумеем удержать ее за собой,—Воронеж спасен. Частями 12-й дивизии взят Нижнедевицк и ведется преследование отступающего неприятеля.

14 ноября, село и ст. Тулиново.

Ввиду переброски частей нашей дивизии на правый берег Битюга, штабу дивизии со всеми управлениями и учреждениями пришлось переехать в Тулиново, как наиболее близкому к участку и удобному для управления пункту.

Из Садового двинулись в Тулиново походным порядком верхом на лошадях. Погода отвратительная—вьюга, град, буран, одним словом, все стихийные явления вместе Дорогу замело. Пришлось передвигаться по компасу по указаниям начштадива Мачигина, который,—надо отдать ему должное,—ориентировался очень хорошо. Выступив из Садового утром, лишь вечером попали в Тулиново, замерзшие до костей. Связь с частями нарушена.

15 ноября, Тулиново.

Обозы с канцелярией штаба и учреждениями дивизии еще не прибыли, и поэтому штаб не смог развернуться. Кое-какую связь с частями удалось все же установить. Части нашей дивизии, перешедшие в наступление 13 ноября, вчера

после боя заняли хх. Шеретникова, Костыркина, дд. Нащеченка, Романовка и по непроверенным сведениям—Мартин. Наступать в такой ужасный буран, в такую стихию—это героизм.

16 ноября, Тулиново.

Штаб и учреждения начинают стягиваться в Тулиново. Утром подтвердились сведения о занятии нашими частями 15-XI с. Мартин. Кроме того, заняты Березовка—Тульнево, и ведется наступление на Криуши, М. Мартин и Чесменку.

По вечерним сведениям, сегодня противник крупными силами повел наступление на части нашей дивизии, в результате чего нами оставлены: Березовка—Тульнево, Березовка, Романовка и Нащеченка. Снова пострадал целый полк. В х. Студеный 350-й полк был окружен противником и пробил себе дорогу лишь после 4-часового боя, понеся крупные потери. Армейская сводка утешительная.

19 ноября, Тулиново.

Сегодня частями нашей дивизии заняты: Березовка—Тульнево, Березовка и с. Чигла. Соседней справа—31-й дивизией—заняты: Юдановка и х. Коршевский и ведется наступление на Сухую Березовку. Противник в этом районе поспешно отступает. Соседями слева—13-й дивизией заняты: Бирюченский поселок, Старая и Верхняя Тишанка. Командарм приказал 33-й и нашим дивизиям охватить отступающего противника в кольцо, уничтожить его, после чего нашей дивизии очистить от противника район Бобров—Таловая (исключительно) и выйти на линию: Нижн. Кисляй—Бутурлиновка (включительно). На других участках армейского фронта дела также хороши. 12-я дивизия, закрепляя за собой Нижнедевицк, значительно продвинулась вперед. 16-й дивизией взята станция Давыдовка. А на левом фланге 31-й дивизией заняты: Александровский поселок, Таловая. Общефронтовая сводка также отрадна. Нами взят Курск. Перелом несомненен, признаки победы налицо. На всех нас сегодняшние сведения произвели весьма отрадное впечатление. Я предвижу начало общего наступления. Повторится весна 1919 года. Красная армия неудержимой лавиной покатится вперед. Трудно нанести только первый решительный удар, а там уже будет легче, тем более, что мы можем рассчитывать на помощь повстанцев и „зеленой армии“, оперирующей в глубоком тылу белых.

Нам только нужно серьезно готовиться к созданию хороших органов власти, избегать прежних грубых ошибок в

деле советизации казачьих областей. Нужно улучшить состав низовых работников, а, главное, поставить политработу среди местного населения.

20 ноября, ст. Анна.

Выехал с начдивом в Анну. По дороге, особенно у с. Николаевки, была отчетливо слышна орудийная, пулеметная и даже ружейная стрельба. Это наши части вели бой в районе Чесменки. Поздно вечером получено донесение о занятии нами Чесменки и Шишовки. Пришли сведения с восточного фронта о занятии Омска с большими трофеями. Очевидно, с Колчаком дело идет к полному концу. Нужно скорее покончить с Деникиным. Вести о победе на Востоке вдохновляют всех нас. Не сомневаюсь, уверен, что к лету мы покончим и с Деникиным.

21 ноября, Тулиново.

На фронте дивизии день прошел спокойно. Штабы бригад движутся вперед, и подробных донесений от них не поступало. Общеармейская сводка в общем утешительная.

22 ноября, Тулиново.

Частями нашей дивизии велся большой бой у с. Коршево, результаты боя неизвестны. Наступление 33-й дивизии приостановлено, так как противник сосредоточил у Боброва крупные силы и пытается вырвать из наших рук инициативу. Приказом по армии частям ее ставится задача—овладеть Лискинским ж.-д. узлом и Бобровом. Поставленную задачу, наверно, удастся разрешить.

Получено сообщение о переезде штаба армии в Воронеж. Это очень хорошо—облегчается связь и укрепляется вера в прочность наших успехов.

Я уже целиком вошел в дивизионную работу. Чувствую, что взял вожжи в руки и подтягиваю, правда, пока еще очень слабо, аппарат дивизии. Сегодня делаю по прямому проводу подробный доклад о состоянии дивизии командарму Сокольникову. Хочется поскорее выехать в части.

День, 23 ноября, Тулиново.

День. Вчера частями первой бригады и 7-м кавполком после долгого боя взято с. Коршево. Преследуя отступившего противника, 7-й кавполк, совместно с частями 33-й дивизии окружил Сухую Березовку, где у противника находится до 700 сабель, 30 пулеметов и орудия. Результаты неизвестны.

Частями 15-й дивизии заняты: Старо-Покровское, раз'езд Бодеево и ведется наступление на Лиски—Коротояк.

На фронте 13-й и 14-й армий также успешно идет продвижение вперед. Занята ст. и г. Нежин.

Вечер, 23 ноября.

У Сух. Березовки противнику удалось прорваться. Первая бригада, совместно с частями 33-й дивизии ведет наступление на Бобров. Сведений о результатах пока не имеется.

Поздним вечером долго беседовал с Ермоленко, прежним комиссаром дивизии. Это один из организаторов „богучарцев". От него узнал много интересного о прошлом дивизии и, главным образом, ее основного ядра—„богучарцев".

Богучарские—354,356 и 357-й полки берут начало от повстанческих отрядов. Еще в тот момент, когда революции грозила опасность со стороны германского империализма и казачьих банд атамана Краснова, в марте и апреле 1918 года, Богучарский уездный совет организует отряды из крестьян-добровольцев. Отряды эти вскоре связываются с войсками так называемой Южной завесы и от простых набегов и налетов на немецко-гайдамацкие части переходят к более или менее организованным сражениям.

В дальнейшем в Богучар прибывает унтер-офицер царской армии, член РКП(б) Малаховский, вступает в командование отрядами, преобразуя их в 103-й Богучарский полк. Полк этот впоследствии входит в состав 12-й стрелковой дивизии и вписывает в историю последней ряд блестящих страниц (бои за Лиски, наступление на Павловск, Богучар и т. д.). Летом 1919 г. сильно разросшийся, благодаря беспрерывному притоку добровольцев, Богучарский полк развертывается в бригаду в составе трех полков—104, 106 и 107-го и включается в состав экпедиционных войск, подавлявших восстание казаков (вешенское восстание).

В июле 1919 г. был издан приказ о формировании 40-й стрелковой дивизии. В основу этой дивизии и были положены Богучарские полки. Дивизия формировалась в полном смысле слова на линии огня. Не зная ни одного дня отдыха дивизия ширилась и крепла в боях и вскоре завоевала себе славу лучшей боевой единицы 8-й армии. Характерно—высокие боевые качества дивизии признавались также и белыми. Много, очень много славных дел было у дивизии. Особенно важным следует считать операции дивизии по сдерживанию натиска Мамонтова и Шкуро в момент прорыва ими фронта и отступления 8-й армии.

Но не одними розами был усыпан путь 40-й дивизии, она знала и поражения. Особенно тяжелым было поражение нанесенное конницей Мамонтова внезапным налетом на Александровский поселок, где погибли почти все дивизионные учреждения, включая штаб дивизии и политотдел, где была порублена, расстреляна и повешана масса рядовых бойцов и военнослужащих (начальник штаба дивизии Беренштаб, все работники политотдела и многие другие)...

Как жаль, что нет времени описать хотя наиболее важнейшие боевые эпизоды дивизии. Эти строки и то пишутся с величайшим напряжением сил (за счет сна)..

Необходимо отметить, что первым начальником 40-й дивизии был Василенко Матвей Иванович, тяжело раненый во время налета мамонтовцев на пост Александровский. Василенко очень популярен в дивизии, имя его и сейчас с любовью и уважением вспоминается каждым бойцом. Первым комиссаром дивизии был богучарский работник, теперешний начальник снабжения Ермоленко. Большие заслуги имеют и также пользуются громадной популярностью командир 1-й бригады Малаховский Валентин Александрович и комиссар 1-й бригады, выбывший из дивизии, благодаря тяжелому ранению, Радченко Александр Петрович. Есть и еще много организаторов дивизии, пользующихся также значительной популярностью, к счастью, и сейчас еще пребывающих в ее рядах.

24 ноября, Тулиново.

Наши части заняли Хреновое и Никольский поселок. Происходят бои за Бобров. Сведений о результатах не поступало, но нет сомнений—Бобров сегодня будет взят. Со штабом армии, по случаю его переезда, связи нет.

Поступают весьма интересные сведения от бежавших из плена. В войсках противника заметен упадок духа, появился ропот, существует определенное недовольство затяжкой войны. Люди раздеты, разуты; ощущается недостаток боевых припасов. Попадающих в плен красноармейцев раздевают и сейчас же посылают на передовые линии. Несомненно, во вражеском стране началось разложение. Перелом назрел, перелом уже наступает. Его надо всемерно использовать.

25 ноября, Тулиново.

Вчера в 2 часа дня частями нашей дивизии, после боя, занят Бобров. Противник отошел в юго-западном направлении. Продолжая продвижение, наши части заняли: Семеновский поселок, Анновку, х. Ерохино, Тройню, Орловку и Озер-

ки. Частями 31-й дивизии занята Бутурлиновка. Противник поспешно отходит на юг. От частей других дивизий, вследствие отсутствия связи со штармом, сведений не поступало. Повидимому, Лиски и Коротояк также заняты нами. Итак приказ командарма выполнен.

Очевидно, у белых что-то неладно—уж слишком быстро они отходят. За последние 5-6 дней наша дивизия продвинулась вперед верст на 50-60 (считая напрямик, по птичьему полету).

Сегодня штаб дивизии свертывается. Завтра выступаем в Мартин. Здесь будет ночевка и дневка, а 28 через Чесменку-Шишовку двинемся в Хреновое.

26 ноября, с. Мартин.

Вчера и сегодня в Тулиново доставлено большое количество больных и раненых. Санлетучка не смогла взять всех их, пришлось разворачивать собственные лазареты. Утром выступили из Тулиново. Погода хорошая—мороз и солнце. Здесь ночевка.

27 ноября, с. Шишовка.

За сегодняшний день продвинулись до Шишовки. Здесь также ночевка. Связь с частями утрачена. Спешим в Хреновое.

28 ноября, с. Хреновое.

После перехода по красивым местам—сосновый бор, переправившись по льду через Битюг, прибыли в Хреновое.

За время переезда штадива наши части вышли на линию М. Кисляй—Клен-дворики—Н. Кисляй—Чебесовка—Шестаково и, по только что полученным донесениям—Ливенка. Справа части 15-й дивизии занимают: Колыбелка, р. Дон до Шучье, Лиски, Мелогорье. 16-я дивизия занимает: Колесниково, Долженково, Острогожск, Коротояк. 31-я дивизия оставила Бутурлиновку и Козловку и отошла на Терехово. Макогоново, но, по последнему донесению, сегодня части 31-й дивизии, вновь ведя наступление, подошли к Бутурлиновке.

Осматривал Хреновской конный завод, где расположились политотдел и другие наши учреждения; все переломано и разбито. Здесь погибло много культурного и ценного добра.

Полдень, 30 ноября, г. Бобров

Прибыл сюда для разрешения ряда вопросов с местным ревкомом. Бобров заметно изменился, война отразилась и на лике этого городка. Часто встречаются разрушенные снаря-

дами дома, все магазины и лавки закрыты, причем двери и окна их наглухо забиты, движение на улицах малое, обыватели в страхе сидят по своим домам. В ревкоме все меня знают. Все дела быстро улажены. Сейчас еду в Николаевку, где должен быть штаб нашей 1-й бригады.

Вечер, 30 ноября, х. Курганный.

Всю дорогу лил беспрерывный дождь. Лошади сильно устали. Пришлось остановиться для ночевки в этом хуторе. После долгих поисков халупы, в которой можно было бы переночевать, обратились к председателю совета (и здесь— в этом крохотном хуторе уже есть совет). Последний устроил нас. Хозяин украинец, уроженец Полтавской губернии, недавно приехавший сюда на поселение с большой семьей (10 чел.). Принял нас очень приветливо, ругал казаков и высказывал свои симпатии советской власти.

Полдень, 1 декабря, с. Осиновка.

Выехав утром из Курганного, мы сбились с дороги и „поблукав" немного, попали в село на берегу Дона—в Осиновку. Николаевка отсюда в 4 верстах, но, как мы здесь узнали, там никаких частей нет. Решил поэтому ехать в Пчелиновку, предполагая найти там наши части.

Вечер, 1 декабря, с. Пчелиновка.

Здесь оказался штаб 1-й бригады. Части 1-й бригады и 7-го кав. полка перешли в наступление и ведут бой за переправы через Дон у Костомаровки. Выслушал подробный доклад о состоянии бригады. Особенно долго беседовал с комиссаром бригады Рошалем. Он производит очень хорошее впечатление. Комбриг Косенков, из бывших офицеров, весьма боевой, видимо, хорошо знающий военное дело, но, к сожалению, он очень болтлив и, кажется, любит похвастать. У всех работников штабрига настроение бодрое, боевое.

Полдень, 2 декабря, с. Шестаково.

Из Пчелиновки выехал утром. Здесь, в Шестаково, командира 2-й бригады уже не застал—он выехал в Лосево Сейчас, как только подкормятся лошади, я также поеду в Лосево. Только что попал мне в руки свежий боевой приказ по дивизии. Дивизии приказано выйти на линию: Сагуны, Лы-

ково, Павловск (включительно). 2-й бригаде приказано овладеть Павловском. Тороплюсь к месту расположения 2-й бригады, так как решил принять участие в ее операциях.

Ночь, 2 декабря, с. Лосево (Павловского уезда).

Дорога из Шестаково в Лосево местами была весьма живописной. Верстах в трех от Шестаково дорога извилисто проходит между высокими меловыми горами и Бютюгом, причем местами она настолько узка, что трудно раз'ехаться с встречными.

Где-то вдалеке слышна артиллерийская стрельба. В Березовске (село на полпути) узнал, что под Лосевым идет бой, чему был немало удивлен, так как по рассчетам противник должен находиться вдалеке от Лосева. По выезде из Березовки, когда уже начало темнеть, стала отчетливо слышна пулеметная и ружейная стрельба. Попался навстречу обоз 2-го разряда одного из полков 2-й бригады. От обозников получил подтверждение, что у Лосева идет бой. В Лосево попал к 8 ч. вечера.

Бой только что закончился. Лосево—громадное село. Встречаю красноармейцев, возвращающихся с поля сражения. Противник отбит. Настроение у всех бодрое и даже веселое. Слышны песни, гармоника.

После долгих поисков нашел полевой штаб 2-й бригады. Комбриг Страхович, бывш. офицер царской армии, уже старый, но бодрый и боевой, производит очень хорошее впечатление. Благоприятное впечатление произ одит также и политком бригады Шамаев.

Противник, оказывается, намеревался занять Лосево и в бою держался весьма упорно, но все же был отбит. Заставы противника находятся на хуторе, верстах в двух-трех от Лосева. Сейчас происходит перестрелка между нашей и неприятельской заставами, тут же на южной окраине села, что не мешает нам, однако, спокойно беседовать за стаканами чая. Что мне особенно нравится—это спокойное, бодрое и уверенное настроение комсостава и бойцов бригады. 2-я бригада вообще произвела на меня очень хорошее впечатление.

Решили завтра производить усиленную разведку, а 4-го утром перейти в наступление на Павловск.

3 декабря, с. Лосево.

Несмотря на столь близкое присутствие противника, все, кажется, кроме застав и дозоров, спали „сном праведников". Согласно приказа комбрига, конными раз'ездами бригады се-

годня заняты Прогорелово и Березки. Весь день слышна была артиллерийская стрельба в районе Сагуны. Это, вероятно, наступали части первой бригады. Была перестрелка и у нас, у Лосева, но небольшая, с разведкой противника. Готовимся к наступлению на Павловск. Недавно прошло совещание командиров, выработали подробный план наступления. Настроение у всех великолепное. Жаль только, что связь с соседями очень плохая. Тем не менее все, и я в том числе уверены, что завтра будем в Павловске. Выступление назначено на 7 часов утра.

4 декабря, г. Павловск.

В 7 ч. утра 2 я бригада в составе трех полков и трех батарей, при десяти орудиях, выступила из Лосева. Высланными вперед разъездами противник легко был выбит из захваченных им вновь хуторов Прогорелово и Березки. А бригада, всей своей массой, двигалась по „большаку". В 10 часов завязался бой у Александровки-Донской (Дуванки). Бой был очень красив и величествен. Наши пехотные цепи растянулись в длинную нить на несколько верст, а кавалерия лихо промчалась вперед, обходя противника с левого фланга. В это же время артиллерия приступила к интенсивной работе. Орудия противника вскоре замолкли. Наши цепи стремительно бросились вперед, и судьба Александровки-Донской была решена. Вступаем в деревню. Нас тепло встречает повысыпавшее на улицу население. Захвачено много пленных, масса винтовок. Настроение у всех повышенное.

Продолжая преследовать противника, безостановочно двигаемся вперед, держа курс прямо на Павловск. Вот уж ясно виден город. Противник пытается приостановить наше наступление, но тщетно Комбинированными, согласованными действиями пехоты, кавалерии и артиллерии мы снова опрокинули неприятеля. Противник сломлен и начал отступать. Местами мы переходим в атаку, доносится мощное и грозно торжественное „ура". Комбриг Страхович, военком Шамаев и я в этом бою все время были в передовых цепях. В 2 часа дня вступили в город. Население боязливо (а вдруг вернутся казаки!) приветствовало нас, указывая, куда отступили белые. Раздался торжественный колокольный звон. Это оказывается, лихие красноармейцы конной разведки, первыми ворвавшиеся в город, возвещают его населению о своем прибытии.

Сегодня наши части и все мы вместе с ними совершили переход в 30 верст, из коих 9-10 прошли с боем. Из опроса пленных выяснилось, что в бою под Александровской-Донскою целиком разбиты 11-й и 26-й полки противника, а два дру-

гих полка (13 и 14-й) сильно потрепаны. Противник, оказывается, нас не ждал и отступил в полной панике. В бою сегодня было много интересных эпизодов, но описать их нет возможности,—сильно устал. Итак—мы в Павловске.

5 декабря, Павловск.

Ночью выяснилось, что вчера, одновременно с занятием Павловска частями 1-й бригады, занято Белогорье, Лыково и Сагуны. Боеприк з по дивизии исполнен точно и аккуратно.

Сегодня удалось связаться с 31-й дивизией, частями которой занята Елизаветовка. 31-я дивизия выступает завтра на Варваровку. С нашим штадивом связь утрачена, что об'ясняется его переездом. Завтра, с раннего утра, решили продвигаться вперед, действуя совместно с 1-й бригадой. Части 1-й бригады должны занять Сергеевку—Сиротино—Хохол—Буйволку и части 2-й бригады—Рус. Буйволку—Семейки.

День сегодня прошел спокойно, как бы в отдыхе. По случаю занятия Павловска устроен был торжественный обед (без вина, конечно,) на котором присутствовали все командиры и комиссары бригады. Здесь—„бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они". Настроение у всех, разумеется, весьма бодрое... Вчера жаркий бой, сегодня спокойный сон, отдых, вкусный обед, а завтра—снова бой. Такова жизнь на фронте.

Утро, 6 декабря, с. Белогорье (Острогожского у.).

Бригады выполнили последний оперативный приказ по дивизии. Не имея нового приказа и в связи с продвижением вперед частей 31-й дивизии, мы решили произвести сегодня совместное—двумя бригадами—наступление на Сиротино—Сергеевку—Сапринка. Части 2-й бригады в 7 ч. утра выступают из Павловска и, переправившись через Дон у Хохла, Буйволки должны будут повести наступление на Сиротино с юга и востока. После того, как части 2-й бригады выступили из Павловска и достигли переправы, я выехал в Белогорье, где расположен штаб 1-й бригады. Здесь застал Малаховского, командира бригады, одного из организаторов Богучарских полков, доблестного командира, пользующегося огромным авторитетом и заслуженной славой среди бойцов своей бригады, да, пожалуй, и всей дивизии. Боевая группа бригады в составе двух полков (352 и 353-го) при 8 орудиях уже выступает. Я пойду вместе с частями. Хочу посмотреть, как сражаются коренные „богучарцы".

Вечер, 6 декабря, с. Сергеевка.

В 11-м часу выступили из Белогорья. Верст пять прошли спокойно, затем завязалась перестрелка между нашими передовыми раз'ездами и заставами противника. Я был с раз'ездами и имел первый случай убедиться в высоких боевых качествах „богучарцев".

Больше двух часов ждали условного сигнала 2 й бригады для того, чтобы наступать совместно, и, не дождавшись, перешли сами в наступление, и после небольшого боя вступили в Сиротино и х. Витебский.

В этих пунктах были небольшие силы противника, отступившего на Сапринку. Мы повели наступление на Сергеевку. Противник оказывал слабое сопротивление. Стемнело. Началось состязание нашей и неприятельской артиллерии. Интересна картина ночного артиллерийского боя. Слева, у Сапрынки, была слышна сильная перестрелка. Это, вероятно, наступала 2-я бригада, которая, повидимому, заняла Сапринку. Связаться со второй бригадой не удалось.

В 7 часов вечера, после непродолжительного боя, мы вступили в Сергеевку. Здесь, оказывается, были крупные силы противника. Остановился со штабом группы на квартире местного попа. Отступление неприятеля было настолько поспешным, что генерал Стариков не успел даже пообедать, и мы с'ели вкусный генеральский обед. Не успели белые убрать и телефонных проводов. Долго слушал их разговоры. Но так как подслушивание—„палка о двух концах", пришлось обрезать провода.

Спать спокойно сегодня, вид мо, не придется. Мы слишком выдвинулись вперед и находимся в тылу у противника, не имея при этом связи с соседними частями... Когда пишутся эти строки, на восточной окраине села происходит перестрелка. От переходов, долгого пребывания с бойцами в цепях, в глубоком снегу сильно устал. Придется все же уснуть.

7 декабря, с. Сагуны.

Ночь в Сергеевке прошла спокойно. Связь со 2-й бригадой установлена. Выехал из Сергеевки в расположение 7-го кавполка. По дороге останавливался в Лыково, где стоит 350-й полк, произведший в общем хорошее впечатление. Здесь, в Сагунах, был радушно встречен командиром полка Домничем. Я его знавал и раньше, по Воронежу, когда он, будучи командиром так называемого „2-го гвардейского советского кавалерийского полка", подпавши под влияние анархи-

стов, устроил небольшой мятеж, и по 13-й Воронежской дивизии, где он командовал кавалерийским (этим же самым) полко

Долго слушал рассказы Домнича о своем полку. Он подробно поведал мне всю его историю. Сколько славных, поистине доблестных дел было у этого полка и его командира. Домнич буквально переродился и стал хорошим командиром. От его прежнего партизанства почти не осталось и следа. Это меня очень обрадовало, так как в свое время (в тяжелый период отступлений 1918 г. я, буквально, вырвал его из рук трибунала) [1]). Решил представить Домнича к „Ордену красного знамени"... Вновь приходится пожалеть, что не имею времени. Следовало бы много, а еще лучше все записать, что слышал от Домнича.

Утро, 8 декабря, с. Сагуны.

Ночью вчера был получен боеприказ по дивизии. Нашей дивизии приказано к 10-XII выйти на линию реки Черная Калитва. Справа разграничительная линия с 15-й дивизии— р. Росссошь, включая ст. Подгорную и Евстратовка— для нас. Слева с 31-й дивизии—р. Дон. 7-й кавполк только что выступил на Подгорное, которое, по слухам, уже оставлено противником.

С полком не поехал, так как по обстоятельствам дел нужно быть в штабе дивизии.

8 декабря, с. Шестаково (Павл. у.)

Хотя и поздно, но в один переход добрался до Шестаково, где расположен штаб нашей дивизии. Со времени мо-

---

[1]) *В конце 1918-начале 1919 г. проводилась целая система мер по борьбе с партизанством и по созданию дисциплинированной регулярной армии.*

Революционным военным трибуналом 8-й армии был приговорен к расстрелу ряд командиров и комиссаров за развал дисциплины в частях. Такая же участь одно время грозила и Домничу, поскольку в кругах армейского командования о нем сложилось впечатление, как о неисправимом партизане, попустительствующем, в частности, грабежам и насилиям. Мне с немалыми трудностями удалось доказать, что в лице Домнича мы имеем хорошего боевого командира, который быстро изживет остатки партизанства и будет достоин звания командира Красной армии. Так оно впоследствии и вышло.

Автор.

ей поездки по частям на Южном фронте произошли большие события. Оказывается, наступление ведется по всему фронту. Нами занят ряд городов, и мы уже угрожаем Харькову. Теперь уже не может быть сомнения: дело идет к ликвидации Южного фронта.

19 декабря, ст. Митрофановка, Ю.-В. ж. д.

В штабе, оказывается, больше дел, чем на боевых участках. Не имел, буквально, физической возможности продолжать свои записи, я чуть было не забросил их. Решил, однако, подтянуться. Штаб дивизии находится в Россоши. Я с полештадивом выехал сегодня из Россоши к частям. Погода хорошая, мороз и солнце. К 3 часам добрались до Митрофановки. Штаб первой бригады отсюда уже переехал в Журавки. Мы с начдивом решили заночевать здесь, а завтра двинуться прямо в недавно занятую нами Кантемировку.

Противник, не оказывая большого сопротивления, продолжает отходить на юг. Наши части продвигались вперед, заняли ряд хуторов между ст. Кантемировка—Маньково, Калитвянская. В последних боях мы взяли много пленных и массу трофеев, в том числе и бронепоезд противника „Ермак".

20 декабря, с. Журавка (Богучарского уезда).

Утром собирались было двигаться дальше, как вдруг совершенно неожиданно приехал на автомобиле командарм Сокольников. Он ограничился небольшой беседой с нами и уехал дальше. Дела на фронте нашей армии и на всем Южном фронте очень хороши. Самое важное теперь—не терять времени и продолжать безостановочное наступление. Достичь одним переходом Кантемировки нам не удалось Ночуем в Журавке, где стоит хозчасть 7-го кавполка.

21 декабря, с. Кантемировка (Богучарского уезда).

Еще до полудня добрались мы с полештадивом до Кантемировки. Кантемировка—большое торговое село. Получен новый боевой приказ от командарма. Оказывается, наши соседи далеко выдвинулись вперед. 16-й дивизией занят Беловодск. 33-й—Старобельск. Части 9-й армии вышли на линию:

Бобров—Чукуевский—Журавка. Мы отстали из-за отсутствия огнеприпасов, главным образом, патронов. Нам несколько изменили направление—к 26 декабря мы должны выйти на линию: Митякинская—Сизой—Зеленоватый, а 16-я дивизия к тому же числу должна занять Луганск. И вся армия должна выйти на р. Сев. Донец к 26 декабря. Несомненно выйдем к указанному сроку, т. к. противник отступает довольно быстро.

22 декабря, Кантемировка.

Мы, кажется, вступили в благодатные края. Нас здесь прекрасно кормят: белый хлеб, пирожки, вареники, масло, сметана. Все это имеет не только командный состав, но и красноармейцы, пользующиеся большими симпатиями населения (ведь мы в Богучарском уезде).

23 декабря, Кантемировка.

Части нашей дивизии сегодня заняли Маньково—Калитвянская—ст. Чертково. Завтра с полештадивом выступаю в Чертково.

24 декабря, ст. Чертково, Ю.-В. ж. д.

Сюда попали лишь поздно ночью. За нашими частями трудно угнаться, они уже далеко выдвинулись вперед.

25 декабря, х. Меловой (Старобельского у., Харьк. губ.).

Теперь определенно можно сказать, что нами очищена от казаков вся Воронежская губерния. Вчера, на пути в Чертково переехали границу Воронежской губ. и проезжали по Старобельскому у., Харьковской губ. Сейчас находимся на стыке Воронежской губ., Харьковской губ и Донской области. Теперь вступаем в пределы „Тихого Дона".

Нашей дивизии изменили направление. Мы должны свернуть на восток и вести наступление на станицу Гундоровскую, один из очагов прошлогоднего восстания казаков. Частями нашей дивизии заняты сл. и ст. Мальчевская, по непроверенным сведениям — Миллерово и ведется наступление на Красновку.

26 декабря, пос. Турилово (Донецк. окр., Донской обл.).

Весь день сегодня были в дороге. Шел мокрый снег, а затем дождь. Все промокли. Как и следовало ожидать, и здесь — в Турилове — частей наших уже не застали. Отогрелись в теплой поповской квартире. Вкусно поели Поражает почти полное безлюдье в поселке.

Наши части еще продвинулись вперед в направлении на Гундоровскую. Получен новый приказ по армии. Оказывается, конная армия Буденного уже вышла на линию: Бахмут—ст. Славяносербск; 33-й дивизии приказано выйти на линию: Дьяково, Платоново; 16-й дивизии захватить ст. Лихая; нашей дивизии занять с-цы Гундоровскую и Каменскую. Все это к 1 января 1920 г.

27 декабря, сл. Мальчевская (Донецкого окр.).

Сегодня опять весь день были в переходе под дождем. Сильно промокли. Я простудился.

Части 2 й бригады занимают хх. Исаевский, Нижн.-Митякинский, Чеботовский и повели наступление на Н. Дубовской и Садовский; части первой бригады—Ушаков, Можайский, Гуркин. Миллерово занято частями 9-й армии. Противник стал оказывать упорное сопротивление. В помощь регулярным частям белые мобилизуют почти все мужское население (от 17 до 60 лет). Все сведения говорят о развале казачьей и „добровольческой" армии. Повидимому, наступило начало конца.

28 декабря, сл. Мальчевская.

Весь день, будучи нездоровым, провел в полештадиве, являющимся в то же время и нашей общей квартирой.

Вчера (27-XII) 354 и 7-м кавалерийскими полками занята станица Митякинская. Противник отошел на Каменскую. Частями 21-й дивизии (9-я армия) сегодня занята ст. Тарасовка. От остальных дивизий сведений не имеется. Получена общефронтовая сводка. По всему южному фронту идет наше наступление на юг. На вос очном фронте также продолжается наступление. Здесь нами взят Томск. Захвачена масса пленных с разными штабами, вплоть до штабов див зий, неисчислимое количество трофеев. Теперь уж с Колчаком дело, наверно. кончено.

29 декабря, ст. Красновка, Екатерин. ж. д.

В полдень выехали из Малчевской. За ночь выпал снег, стоит хороший мороз. У Сулина не смогли переправиться через реку. Пришлось сделать большой крюк и ехать через х. Греков. Темнота застигла нас в дороге. Попали в х. Красновский, где уже казачье население. Во всем хуторе нет ни одного мужчины, за исключением 60-70-летних стариков. Все мужское население мобилизовано. Это уже акт отчаяния белых.

В 9 часу попали на станцию Красновку. Немногочисленные жители поселка, являющиеся главным образом ж.-д. рабочими, встретили нас весьма радушно.

Утро, 30 декабря, ст. Красновка.

Устанавливаем связь со своими частями, с частями соседних дивизий и со своим штабом, от которого мы уже оторвались. Наши части продолжают наступление.

Вечер, 30 декабря, ст. Чеботовка, Ольховая, Екатерин. ж. д.

Сижу в теплом, хорошо оборудованном мягком вагоне, с одним лишь паровозом, быстрым ходом идущим в Луганск. Это произошло чисто случайно и для меня самого неожиданно. В условиях боевой обстановки все возможно. Цель поездки в Луганск—связаться со штармом и узнать, что делается у наших соседей.

31 декабря, г. Луганск.

На рассвете уже были в Луганске. Небольшой, но довольно оживленный, приятный город. Несмотря на то, что прошло лишь пять дней с того времени, как взят город, жизнь в нем бьет ключом. Все магазины открыты. Много товаров, но цены очень высокие. Население города, не говоря уже о рабочих, которые за две недели до прихода наших войск делали попытку к восстанию и освободили из тюрьмы всех коммунистов, очень рады приходу советских войск. Луганский патронный завод достался нам в полной неприкосновенности. Основные массы луганских рабочих, перед вступлением наших войск, были вооружены винтовками и находились в боевой готовности.

У наших сеседей—16-й дивизии—дела хороши. У них та же беда, что и у нас—связь. Говорили по прямому проводу со штармом. Много новостей. Спешу назад, в полештадив.

1920 ГОД.

1 января, ст. Красновка, Екатерин. ж. д.

Получен новый приказ командарма. Противник продолжает отходить по всему Южному и Юго-восточному фронту. Нашей армии приказано к 8 января выйти на линию Ростов—Нахичевань; конной армии Буденного к тому же числу взять Таганрог, а 9-й армии— Новочеркасск.

Командарм приказал: 16-й дивизии для облегчения операции 9-й армии к 8 I, совместно с частями 9-й армии, взять Новочеркасск; 33-й и 31-й дивизиям—взять Ростов, причем 33-й дивизии, продолжая преследовать противника, занять Азов; 15-й дивизии—Нахичевань, а нашей—быть в армейском резерве и следовать за 16-й и держать связь с частями 9-й армии.

Итак, настал момент самых решительных операций на Южном фронте. Пожалуй, предстоящая операция является одной из самых серьезных на этом фронте. Очень жаль, что не нашей дивизии приходится брать Ростов. Нисколько не сомневаюсь, что поставленная задача будет выполнена и при этом, наверно, своевременно, хотя допускаю опоздание на 1-2 дня.

2 января, хут. Исаевский (Дон. обл.).

Утром выехал с полештадивом со ст. Красновка. Полученные от частей донесения таковы: 30-XII части 1-й бригады из В. Григинский—Григинский повели наступление через ст. Станицу на Гундоровскую и после упорного боя заняли ее. Противник отходит на ст. Лихая. Части 2-й бригады заняли В.-и Н. Вишневецкий, Дериплатов и приступили к форсированию реки Сев. Донец. 31-XII части вели разведку в направлении Белгородцев—Власов. Части 2-й бригады форсировали Сев. Донец.

Я с полештадивом еду в Гундоровскую. Проехал несколько казачьих хуторов. Везде та же картина: пустота, тишина, нет мужского населения, нет лошадей и подвод. Казачки с большим удивлением смотрят на нас „Что же, мол, они нас не режут?“ Постепенно свыкаясь, начинают относиться к нам более или менее доброжелательно.

Вечер того же дня, хут. Плотина.

По дороге получили новое донесение. Части первой бригады 1-I перешли в наступление на Поповку, Волчинский, Белогородцев и после непродолжительного, но упорного боя

заняли таковые. 7-й кавполк занял х. Плешаково и два эскадрона выбросил на ст. Лихая.

Части 2-й бригады того же числа заняли М. Каменку, откуда повели наступление на ст. Каменскую и в 10 часов заняли ее. Здесь был весьма серезный бой, закончившийся нашей победой. Противник отступает в беспорядке. Нами захвачено громадное количество трофеев, для подсчета которых выделена специальная комиссия.

В связи с этим мы изменили свой маршрут и едем в станицу Каменскую...

Хозяин дома, в котором мы сейчас стоим, старый казак, имеющий двух сыновей в деникинской армии. Очень жалуется на войну и тяжелые условия жизни. Приветливо, даже радостно принял нас, но сколько еще у него рабских привычек,—он делал попытку целовать руку начдиву (кстати, заметить, имеющему „генеральский вид"). Это характерный показатель отсталости казачества.

4 января, станица Каменская.

После некоторых блужданий в степи попали в Каменскую вчера в 2 часа ночи. Здесь, в штабе 2-й бригады, получили довольно таки неприятную весть. Перед фронтом армии появился Мамонтов, которому удалось прорваться на стыке 16 й и 15-й дивизии и разбить 1-ю бригаду 16-й дивизии. Но в то же время частями 16-й дивизии, совместно с частями конного корпуса Думенко, занята ст. Лихая, где захвачено колоссальное количество трофеев.

Частям 1-й и 3-й бригады 29-й дивизии, переданным в наше распоряжение, отдали сейчас приказ—оказать помощь соседям и ликвидировать прорыв. Части 21-й дивизии (9-й армии) находятся на линии Усть-Белокалитвянская.

Мне кажется, что прорыв Мамонтова имеет целью прикрыть отход и на время задержать наше продвижение, но отнюдь не переход в контрнаступление. Нет сомнений, прорыв будет скоро ликвидирован.

5 января, станица Каменская.

Каменская—центр Донецкого округа. Это настоящий город. Здесь очень много больших и даже роскошных домов. Большинство этих домов оставлено их обитателями. Многие из представителей мужского населения Каменской ушли с белыми частями. Зажиточные обитатели станицы поглядывают на нас с большой опаской и боязнью.

6 января, Каменская.

Оценка действий Мамонтова целиком оправдалась. Части 1-й и 3-й бригады (29-й дивизии), высланные в район прорыва, противника не обнаружили и к сегодняшнему дню занимают: Ниж. (?) Шевырев—Власов—Акатновка, а 7-й кавполк—Плешаков. При этом командир 7-го кавполка доносит, что высланная им разведка на 50 верст противника не обнаружила. Мамонтов сам—удрал. Прорыв ликвидирован. Части 21-й дивизии сегодня должны занять Александро-Грушевский. Повидимому. все идет хорошо.

Сегодня вел весьма многолюдный митинг, устроенный политотделом нашей дивизии.

На митинге, наряду с красноармейцами, участвовало и местное население. Я выступал с докладом на тему: „Военное положение Советской республики". Доклад прошел с большим успехом.

7 января, Каменская.

Перед фронтом дивизии противника нет. Мы находимся в резерве.

После очень долгого перерыва наконец-то попало несколько номеров московских газет, правда, очень старых, но зато интересных. Имеются, хотя и неполные, отчеты о VII с'езде советов. Мы с жадностью набросились на газеты.

10 января, ст. Сулин, Ю.-В. ж. д.

Прибыли на эту станцию рано утром, Сулин—промышленный район. Здесь имеется большой завод и неподалеку рудники. Прежде здесь было свыше 6 тысяч рабочих, и они отличались своей революционностью, но теперь их немного. Значительная часть их в Красной армии, часть погибла в борьбе с Калединым, Красновым и немецкими войсками, частью расстреляны и уведены в плен белыми. Сулинские рабочие очень восторженно встретили наши части, вступившие в их поселок...

Был у командарма Сокольникова (он сейчас в Сулине). Оказывается, Ростов был взят еще 8 января частями 33-й дивизии и конармией Буденного (со стороны Таганрога). 13 и 14-й армиями заняты Мариуполь и Бердянск, фронт там проходит по берегу Азовского моря и приближается к Крымскому перешейку. 13 и 14-я армия, по выражению Сокольникова, теперь „безработные".

Наша дивизия пока будет в резерве. На будущее командарм обещал возложить на нее задачу—взять Екатеринодар.

11 января, Сулин.

Иду сегодня по улице. На скамье сидят четверо старых бородатых рабочих. Один из них окликает меня.

— В чем дело?—спрашиваю.

— Да вот мы хотим тебе спасибо сказать, что избавил нас от белых бандитов. Житья здесь от них не было.

И пошли наперебой рассказывать о жизни рудничного рабочего под властью белых. Эти старики работали на рудниках до тех пор, пока не потеряли способности трудиться. А теперь они выброшены на улицу, у белогвардейцев ведь нет собеза, и они должны итти „по-миру".

Мне кажется, что эти старые рабочие отражают настроение всего рабочего люда, освобождаемого Красной армией края. И от сознания этого чувствуешь прилив новых сил и энергии...

16 января, г. Новочеркасск.

Мы в Новочеркасске, в столице „Всевеликого войска донского". Порою просто не верится, что мы так просто добрались до центра донской контрреволюции. А в этой столице русской Вандеи есть немало признаков того, что здесь недавно господствовала буржуазия. Здесь много богатейших роскошных квартир. Чувствуется, что совсем еще недавно, несколько дней тому назад, здесь был „пир во время чумы".

Идешь по улице и думаешь: „Вот здесь, в этом здании совсем еще недавно заседал „Круг всевеликого войска донского", а сейчас над этим зданием гордо развевается красный флаг. А вот след от недавнего приказа-воззвания донского атамана. И тут же рядом теперь расклеено обращение к населению нашего политотдела. Воистину „времена меняются"...

На фронте спокойно. Наши войска отдыхают. Происходит большое скопление частей трех армий (8, 9 и 1-й конной), которые не могут разместиться в отводимых им квартирах. Директив насчет дальнейших действий не имеется. И в этом я виню наше главное командование. Оно должно было все предусмотреть и своевременно дать новую задачу, не давая передышки противнику, которую он может использовать для приведения себя в порядок. Пред нами задача: форсировать Дон и, продвинувшись на юг верст на 150, создать новый прочный плацдарм для дальнейшего развертывания операций. Без разрешения этой задачи могут быть всякие неприятные последствия.

17 января, Новочеркасск.

Сегодня к нам попал приказ армиям Юго-восточного фронта. Наша и первая конная армии вошли в состав Юго-восточного фронта. Южный фронт ликвидирован и, вместо него, образован Юго-восточный. Армиям Юго-восточного фронта дана задача—форсировать нижнее течение Дона.

Нашей армии приказано выйти на линию: ст. Кущевская—ст. Мечетинская. Справа у нас первая конная армия Буденного: ее участок—от Ростова и Кущевской до моря. Слева—9, 10 и далее 11-я армии. 10-й армии уже удалось перейти Дон и она находится на линии ст. Ремонтная. Еще южнее, в кавказском направлении, действует экспедиционный корпус, которому дана задача овладеть Кизляром.

Наступает интересный и решительный период борьбы. Если мы преодолеем преграды в лице Дона и поведем в наступление таким же темпом, как до Ростова и Новочеркасска, наше дело обеспечено—мы придем к концу кампании.

18 января, Новочеркасск.

Наша дивизия продолжает оставаться в армейском резерве. Другие дивизии нашей армии, согласно приказа командарма, отданного в исполнение директивы командфронта о форсировании Дона, перешли в наступление. Вторая бригада 16-й дивизии рано утром переправилась через Дон у Нахичевани и повела наступление на Ольгинскую. Остальные части 16-й дивизии также переправились через Дон. Части 33-й дивизии, очевидно, тоже переправились на правый берег, т. к. ими занимается Старочеркасская. Части 21-й дивизии 9-й армии, переправившись через Дон, у ст. Станицы, вели бой у Богаевской. Отдых кончился. Начинаются действия, и действия решительные.

19 января, Новочеркасск.

Первая часть задачи выполнена—Дон наш. Переправившись вчера на левый берег Дона, части 16-й дивизии заняли Ольгинское; части 33-й дивизии—Старочеркасское, Старомахинскую; 21-й дивизией заняты Манычевская, Богаевская. Части конармии вели бой у Батайска. Противник оказывает упорное сопротивление. От Ольгинской противник отступил на Хомутовскую, где, по данным разведки, находится штаб Мамонтова, спешно производящего формирования. Наш отдых кончился. Командарм приказал спешно сосредоточить дивизию в районе: ст. Аксайская—ст. Александровская, а конные части перебросили в ст. Ольгинскую.

20 января, утро, Новочеркасск.

Сведения о занятии Старочеркасской, Манычевской и Богаевской оказались неверными. Попытка овладеть Батайском успеха не имела. Противник сосредоточил в Батайске крупные силы. Своим наступлением противник вынудил 16-ю дивизию оставить Ольгинскую.

Нашей дивизии приказано к ночи сегодняшнего дня сосредоточиться в Нахичевани и с утра 21-I перейти в решительное наступление и овладеть Батайском и Койсугом.

Наши части уже выступили в Нахичевань. Сейчас я с начдивом еду туда же.

20 января, вечер, Ростов н Д.

Последние дни выпал снег и установился санный путь. На хороших санях мы с начдивом быстро доехали из Новочеркасска в Нахичевань. Мы были немало удивлены, когда, под'езжая к Нахичевани, услышали стрельбу, а прибыв в город, узнали, что под Нахичеванью у переправы идет бой. Но это было только вначале. Осмотревшись немного в Нахичевани, мы скоро поняли все. Очевидно, конармии овладеть Батайском не удалось. И вообще конармия так же, как и части 8-й армии, стоящие в Ростове и Нахичевани, к ведению серьезных боев не расположены. Ростов, со своими роскошными домами и винными погребами, для части бойцов, явился соблазнительной приманкой. Для этой части бойцов, не сумевших сдержать своих слабостей, Ростов гораздо интереснее поля сражения. Подтверждение такой оценки положения я нашел у командарма Сокольникова (уже несколько дней находящегося в Ростове), к которому тотчас же отправился по прибытии в Нахичевань. У командарма узнал, что положение наше очень серьезное. Противник собрал большие силы и крепко держится в Батайске. Конармия Буденного теряет боеспособность. 15 я и 16-я дивизии разбиты, 31-я и 33-я дивизии сильно потрепаны. Вся надежда только на нашу дивизию. Напоминая об этом, Сокольников сказал: „Помните: в Батайске мы берем Ростов".

В общем завтра нам предстоит в высшей степени важная задача.

В ночь на 21 января, Нахичевань.

Глубокой ночью в одном из частных домов Нахичевани, где расположился полештадив 40, собрали мы свой командный состав. Разрабатывали до малейших деталей план завтраш-

ней операции. Тут же составлялся боевой приказ частям дивизии. Рвущиеся неподалеку от нашего дома снаряды иногда отвлекали внимание от работы. Чертовски устали. Было уже далеко за полночь, когда вспомнили, что весь день ничего не ели...

21 января, Нахичевань.

С утра сегодня повели наступление на Батайск и Ольгинскую. На Батайск наступала наша дивизия совместно с 31-й. Правее действовала 12-я дивизия, а слева две дивизии конармии Буденного. Бой был продолжительный, почти до темноты и местами носил весьма упорный характер.

Стрелки нашей дивизии подходили на $1^1/_2$ версты к Батайску, но занять его не могли ввиду убийственного артиллерийского и пулеметного огня. Силы у противника были большие, и он, пользуясь своим преимуществом в позициях, заставил нас отойти.

Сегодняший бой был красив и величественен. С ряда искусственных и естественных высот мы с начдивом наблюдали картины сражений. Сегодняшнее сражение напоминало начдиву крупнейшие бои империалистической войны. Я в сущности впервые видел бой с участием такого огромного количества войск. Отрадно было наблюдать на линии огня превосходное настроение бойцов нашей дивизии.

С наступлением темноты все части вернулись в Нахичевань и Ростов. Конечно, причины неудач нужно искать не в превосходстве сил противника, а в невыгодности позиций. У неприятеля господствующие высоты, защищенные со стороны Дона болотами, почти непроходимыми для пехоты, не говоря уже о коннице. Но были и другие причины—плохое действие артиллерии и недостаточная решительность кавалерии...

Часто, как и сейчас вот, поражаешься выносливости наших бойцов. Я вот сегодня, не сходя весь день с седла, чувствую ужасную усталость, а бойцы наши с очень незначительным отдыхом уже три дня находятся в движении.

22 января, Нахичевань

Нашей дивизии поручена активная оборона Нахичеванской переправы. Об'езжал сегодня позиции. Несмотря на довольно значительные потери во время вчерашних неудачных боев, наши части в порядке и настроение бойцов бодрое.

Вечером сегодня у командарма Сокольникова происходило военное совещание. На этом совещании присутствовали штаб 8-й армии во главе с Сокольниковым, штаб

1-й конной во главе с Буденным и Ворошиловым, все начальники и комиссары дивизии. Совещание единодушно признало, что директиву комфронта нельзя выполнить, действуя прямиком со стороны Ростова, и что Батайск взять в лоб нельзя. После нескольких часов совещания было решено переправиться через Дон у Старочеркасской или Манычевской. Перейдя на левый берег Дона, пехота должна создать плацдарм для свободного маневрирования конницы Буденного, которая также, переправившись через Дон, должна будет нанести решительный удар противнику и стараться разгромить его живую силу. В это время на Батайск со стороны Ростова будут производиться только демонстрации.

Юго-восточный фронт по постановлению Реввоенсовета республики переименован в Кавказский фронт.

23 января, Ростов.

Сегодня наш полештадив переехал в Ростов. Я только что возвратился из полештарма 8, где узнал ряд интересных новостей. Получено радио о пленении Колчака, снятии Антантой блокады и заключении мира с Эстонией. Все дело теперь только в ликвидации Южного, т. е. Кавказского фронта.

24 января, Ростов.

Противник продолжает упорно обороняться на линии Азов—Батайск—Ольгинская—Старочеркасская. Командующий фронтом согласился с мнением высшего комсостава нашей и 1-й конной армий о том, что в районе Ростова невозможно маневрирование конных масс, и поэтому приказал 1-й конармии Буденного к утру 25-I сосредоточиться на линии: Заплатская—Бессергеневская. 9 и 12-я стр. дивизии остаются в занимаемом районе (Елизаветовка, Усть-Кайсугский, Калузаев, Ростов) и в оперативном отношении переходят в подчинение командарма 8. До окончания перегруппировки конармии наша армия будет вести активную оборону.

Командармом на нашу дивизию возложена активная оборона района: Нахичевань, Александровская... На 28-I предполагается большая наступательная операция одновременно с 1-й конармией.

25 января, Ростов.

Сегодня был произведен смотр 4-й кавбригады прибывшим в Ростов командующим кавказским фронтом Шорины м.

Командующий фронтом давал тактические задания бригаде. Кавбригада в грязь лицом не ударила, и комфронт остался очень доволен. После смотра был в вагоне командфронта, где собрались представители командования армии.

26 января, Ростов.

На фронте день прошел спокойно, ни мы, ни противник активных действий не проявляли.

27 января, Ростов.

С утра сегодня белые повели наступление на Нахичевань и Александровскую, но частями нашей дивизии это наступление было отбито.

Выступал с докладом на концерте-митинге, устроенном для красноармейцев резервных частей.

Среди обывателей Ростова распространяются слухи о том, что „большевики сегодня ночью оставляют Ростов". Характерно, что в штабе армии имеются сведения о, якобы, готовящемся на сегодняшнюю ночь выступлении белогвардейцев в Ростове. Вздор все это. Никакого внутреннего выступления белогвардейцев при той массе войск, которую мы имеем в Ростове, быть не может.

28 января, Ростов.

Ночью был получен приказ командарма о наступлении на Батайск—Койсуг, Ольгинскую и Азов. На нашу дивизию была возложена задача занять Ольгинскую и, преследуя противника, содействовать частям 15-й дивизии в занятии Батайска и Койсуга.

С утра наши части выступили. Я с начдивом об'езжал позиции на автомобиле, местами спешиваясь и принимая участие в непосредственных боевых операциях. Вначале все шло хорошо. Упорство противника было сломлено, и Ольгинская была занята нами. Но вследствие образовавшегося прорыва между 3-й и 1-й бригадами, противнику удалось конной массой в 3 тысячи сабель окружить и разбить две наших бригады. 355, 259 и 261-й полки частью изрублены, частью захвачены в плен и вообще уничтожены. Жалкие остатки 260, 356 и 357-го полков собираются в Аксайской и Александровской. При этом сдано неприятелю 4 орудия и много пулеметов. Благодаря этакой штуке части 1-й бригады и 15-й дивизии должны были отойти от Батайска в исходное положение. Напоролись мы сегодня здорово. Белые очень

ловко провели операцию. За час до этой драмы мы с начдивом шли с цепями 355-го полка. Казалось, что с нашей стороны все было в порядке, и конных масс противника не было заметно. И вдруг такой тяжелый случай. Не знаю, как скоро мы сумеем оправиться от разгрома.

29 января, Ростов.

С утра противник пытался наступать, но был отогнан. Сегодня ночью части нашей, 15 и 12-й дивизии должны совершить налет на Батайск, Койсуг. Предприятие довольно рискованное, и оно, вероятно, не удастся, так как помимо всего прочего свирепствует сильнейшая мятель.

30 января, Ростов.

Вследствие сильного бурана и ночного наступления противника на 12-ю дивизию, приказ о налете на Батайск—Койсуг был отменен. С утра части 15-й дивизии делали попытку перехода в наступление, но попытка эта встретила контрнаступление неприятеля и успеха не имела. Утром противник также обрушился и на 12-ю дивизию, заставив ее бросить Елизаветинскую и отойти на правый берег Дона. Но к полудню положение было восстановлено.

Части нашей дивизии сосредоточились в районе Гниловской. Остаток дня и вечера прошли спокойно.

Только что получены весьма неприятные сведения. Части 21-й дивизии оставили Манычевскую. Конкорпус Думенко и конармия Буденного потерпели некоторое поражение и отошли несколько на север. Все это нехорошие симптомы. Деникинцам, видимо, удалось оправиться. и они хотят разбить нас по частям, чтобы затем перейти в наступление по всему фронту, захватить вновь инициативу в свои руки и сбросить нас в Сев. Донец. Но мы не должны этого допустить ни в коем случае.

31 января, Ростов.

Ночь и день на фронте армии прошли спокойно. Погода—мороз 12°, сильнейший ветер и буран.

1 февраля, Ростов.

Ночь и день на фронте армии прошли спокойно. Ни противник, ни мы никаких активных действий не проявляли. Крепкий мороз, сильный ветер.

2 февраля, Ростов.

На фронте нашей 12, 15 и 16-й дивизий спокойно. 33-я дивизия вела наступление на Ольгинское, но, встретив сильное сопротивление. должна была отойти в исходное положение. 12-я (?) дивизия вела ожесточенный бой у Старочеркасской, потерпела поражение и оставила Ольгинское (?). Остатки разбитых частей 12-й дивизии собирались частью в Аксайской, частью в Краснодворском. Думенко и Буденный вели наступление на Хомутовскую, а к вечеру откатились далеко на северо-восток (в район Заплавской).

Сегодня ночью частями нашей дивизии будет совершен налет на Койсуг. Сомневаюсь что-то в успехе этого предприятия.

3 февраля, Ростов.

Налет не удался, вернее, не удался в полной мере. Случилось так, вследствие неисполнения приказа частями 1-й бригады. По этому поводу назначено следствие. Случай этот не менее неприятен, чем недавний разгром двух наших бригад, 4-я кавбригада задачу выполнила—она была у северо-западной окраины Койсуга и попортила железную дорогу.

На фронте других дивизий спокойно. Под Новочеркасском положение восстановлено.

4 февраля, Ростов.

Ночью происходила артиллерийская перестрелка. День прошел спокойно. Погода улучшилась, мороз ослабел, появилось солнце.

6 февраля, Ростов.

На фронте армии спокойно. В виду нажима противника в районе Старочеркасской, командарм приказал частям армии перейти к активным действиям. Завтра с рассветом будет произведено наступление 9-й, нашей, 16-й пехотной и 16-й кавалерийской дивизий, с целью прорвать фронт противника в районе Кулешовка, Кагальницкая, и уничтожить азовскую группу неприятеля. Задача нашей дивизии—занять Койсуг и Кулешовку.

7 февраля, Ростов.

Вчера глубокой ночью приказ о наступлении был отменен. Ночь и день на фронте Азов, Батайск, Аксайская прошли спокойно.

8 февраля, Ростов.

На фронте армии спокойно. В штарме получены сведения о занятии нами Николаева, Херсона, Одессы, Очакова, Красноводска и Торговой.

9 февраля, Ростов.

На фронте армии попрежнему спокойно. На левом фланге Кавказского фронта мы успешно продвигаемся вперед. Частями 11-й армии занята Константиновка, что в 50 верстах восточнее Ставрополя. В тылу повстанцами занят г. Ейск. Имеются сведения о группировке противника в районе Азова и намерении наступать на Ростов. Но последним сведениям я не придаю особого значения. Противник не обладает силой, позволяющей разбить и отбросить нас на север, а раз так, то он теперь, когда Дон скоро вскроется, в серьезное наступление не пойдет. Единственно, что могут сделать белые, так это совершить налет на Ростов или производить демонстративные наступления, которые мы, конечно, сумеем отразить. Наше продвижение на левом фланге имеет большое значение. В случае развития здесь наших успехов мы можем заставить неприятеля бросить Батайск и Койсуг.

10 февраля, Ростов.

На фронте по Дону и Манычу спокойно. Подтверждаются сведения о занятии Ейска красными партизанами. В районе Ейск, Парткантон сформирована повстанческая бригада солидной численности. Мы установили связь с повстанческой бригадой. Бригада эта в ночь на сегодня должна была атаковать Азов с тыла.

11 февраля, Ростов.

На фронте армии спокойно. Повстанческое движение в тылу противника усиливается. В ставропольском направлении наши части находятся в 35 верстах от Ставрополя.

12 февраля, Ростов.

На фронте без перемен. „На Шипке все спокойно". Действительно, Ростов становится „Шипкой". Но нам пора двигаться вперед, и двигаться серьезно. Нужно кончать войну

на юге. Сегодня написал в „Советский Дон" статью по этому поводу. („Еще раз—и навсегда"—это о решительном наступлении на Кавказском фронте [1]).

13 февраля, Ростов.

Получен приказ о переходе на рассвете завтрашнего дня в решительное наступление по всему фронту армии.

9-я дивизия должна выйти на линию Кагальник (у моря)—Кулешовка; 15-я дивизия—Батайск; 16-я кавдивизия—Кулешовка, после чего совместно с частями нашей дивизии ударить во фланг и тыл батайской группе противника. 16-я пех. дивизия должна занять Ольгинскую, 33-я дивизия—Нижн. Подполинский—Манычская. Нашей дивизии приказано занять Кулешовку, а с подходом 16-й кавдивизии энергичным движением захватить Койсуг. В приказе отмечается, что предстоящая операция должна послужить началом общего наступления. Но вряд ли будет так. Нет что-то уверенности в успехе.

14 февраля, Ростов.

И на этот раз выполнить операцию в полной мере не удалось. Вначале все пошло хорошо, в особенности на флангах. На правом фланге частями 9-й дивизии были заняты: хх. Хорольский, Петроторовка, Петровский, и велся бой под Азовом. Нашей дивизией были заняты х. Шведов и Кулешовка. Части 15-й дивизии находились в 100 шагах от Батайска. 16-я дивизия занимала Ольгинскую и вела наступление на Батайск с сев.-восточной стороны. 33-й дивизией были заняты хх. Арпачинский, Н. и В. Подполинский и велся бой за обладание Манычской. Наступление было развернуто широким фронтом, причем на этот раз нам удалось достичь максимальной согласованности действий. В разгар операций перевес был явно на нашей стороне. Но случилось то, что всегда случалось при нашем наступлении на этот проклятый Батайск. Кавалерия белых прорвала фронт у Кулешовки и, смявши наши части, заставила их в панике отступить на правый берег Дона. Наша дивизия снова понесла очень большие потери. Наши 9, 15, 16-я кавдивизии отошли в исходное положение. 16 и 33-я дивизии удерживают занятые пункты.

---

[1]) *Статья помещена в газете „Советский Дон", в № 11 от 14 февраля 1920 г.*

15 февраля, Ростов.

Как сегодня выясняется, вчера мы опять потерпели тяжелое поражение. Снова „с'ело" три полка—353, 354 и 356-й. В полках осталось на поле сражения по 4, 10 и 16 штыков. В связи с такой убылью в бойцах, 3-я бригада расформировывается. Получено пополнение, при помощи которого нужно снова сколачивать дивизию. Но части, сформированные из одного пополнения, бывают ненадежными. Нужна Богучарская „закваска". Но внеплановое пополнение (добровольцы из Богучарщины), за счет ко орого дивизия обычно восстанавливала боеспособность своих частей, вряд ли теперь придет,— уж очень далеко мы ушли от Богучара.

Белые, очевидно, чувствуют, что трепанули нас вчера изрядно и повели сегодня наступление на Усть-Койсугский, который после боя нам пришлось оставить. Под влиянием этого события было немного „жарко", но к ночи удалось восстановить положение—Усть-Койсугский снова нами занимается. Противник, видно, что-то замышляет. Есть донесение о движении его в камышах северне Койсуга. Нужно быть на страже.

16 февраля, Ростов.

В связи с понесенным нами поражением и активностью противника перед фронтом дивизии сегодняшняя ночь прошла в большой тревоге. Никто из нас в полештадиве не спал.

Мы не можем допустить перехода инициативы в руки неприятеля. Поэтому завтра тоже наступаем.

17 февраля, Ростов.

На правом фланге армии спокойно. На левом фланге части 33, 16 пех. и 16-й кав. дивизий ведут наступление. К вечеру бой шел у Ольгинской. Результаты пока неизвестны.

Нам переменили участок. Новый участок нашей дивизии: Усть-Койсугский (исключительно)—Ростовская переправа—Нахичевань (исключительно). Таким образом, непосредственная оборона Ростова в руках нашей дивизии. Это чрезвычайно повышает нашу ответственность, тем б лее, что за время ростовских боев людской состав в частях переменился, и старых кадровых бойцов осталось немного.

18 февраля, Ростов.

На правом фланге фронта Ростов—Новочеркасск день прошел спокойно. На левом фланге части 9-й армии после

сильного боя оставили ст. Богаевскую и ряд хуторов и заняли линию: Заплавская—Бессергеневская. Левофланговые части нашей армии вели наступление на Манычскую и Ольгинскую. Результаты еще неизвестны.

Обстановка для нас складывается весьма неблагоприятная. Мы находимся под угрозой фланговых ударов.

С 23 часов бронепоезд противника обстреливает Ростов из тяжелых орудий. Когда возвращался из полештарма, снаряды рвались на Пушкинской улице, один разорвался шагах в 20 от меня. Я получил приказ командарма лично обследовать сторожевые охранения. Еду на позиции.

19 февраля, Ростов.

Всю ночь провел на передовых позициях, проверяя заставы и сторожевые охранения. Нашел все в порядке.

Сегодня получены отрадные вести. Вчера частями 33-й дивизии одержаны большие успехи: занята Манычская, причем захвачено 3 орудия, 25 пулеметов, 300 винтовок и пленные. Противник в панике отступил на Княжевско-Леоновский. Сегодня ударной группой двух дивизий—33 и 16-й кавалерийской—ведется наступление в районе: Пустошкин—Княжевско-Леоновский. 13 и 16-я пех. дивизии наступают на Ольгинскую.

На правом фланге армии спокойно. Днем снова обстреливался Ростов, но слабее вчерашнего.

Значительно усилилось число перебежчиков. Из показаний последних можно заключить, что деникинская армия деморализована и продолжает разлагаться. При таких условиях можно надеяться, что момент нашего перехода в решительное наступление настанет скоро.

20 февраля, 14 часов, Ростов.

В 6 часов противник повел наступление и, прорвавши фронт на участке 2-й бригады, занял Гниловскую. В 10 час. утра в Ростове уже началась паника. В 13 часов белые заняли предместье Ростова Темерник. Части 1-й бригады заняли позиции на высотах Ростова у вокзала. 4-я кавбригада отрезана, три полка 2-й бригады, повидимому, лопали в плен. Положение в высшей степени серьезное.

20 февраля, 16 часов, Ростов.

Тревога все усиливается. Наш штаб уже эвакуирован. Кроме меня, Львова и начдива из штаба оставили только одного

сотрудника да несколько конных ординарцев для связи. Уходим на улицу, так оно лучше будет. Теперь некогда писать. Нужно действовать на поле сражения. На улицах большая паника. Продолжается беспорядочное отступление тыловых учреждений, нашей и конной армии и всех дивизий. И откуда только набралось такое большое количество людей, лошадей а, главное, всякого барахла. Пытался было направить отступающих тыловиков цепи, какое там—у них одно желание удрать поскорее и подальше от Ростова. Да это, пожалуй, и лучше, потому что такие „бойцы“ могут внести только разложение.

Под натиском противника наши части отошли на Большой проспект. Бой идет на улицах Ростова. Настали последние часы нашего пребывания здесь. Уже последние обозы выходят. Штабы других дивизий также отступили. Во всем городе остались только мы со своим походным штабом.

Ночь, 20 февраля, Нахичевань.

С 16 часов до глубокого вечера был на позициях. Об'езжал цепи, расположенные по улицам Ростова. Противником заняты Темерник, вокзал, куда уже прибыли его бронепоезда, и северо-западная часть города. Из города выбрались все, остались только стрелки. Улицы пустынны. Чуть ли не на каждом шагу рвались снаряды, свистели пули.

Бои с некоторым затишьем продолжаются еще и сейчас. Здесь, в Нахичевани, в небольшом домике сошлись начальники и комиссары четырех дивизий. Посовещавшись, решили город не оставлять, и, перейдя в контрнаступление, восстановить утраченное положение. Стали поступать хорошие донесения. Две бригады (15-й и 16-й дивизий) одержали успех над противником на северо-западной окраине Ростова, где заставили его отступить, и продолжают преследовать в направлении на Гниловскую. Эти сведения подбодрили нас, но, увы—ненадолго. Скоро пришли новые донесения. С наступлением темноты наши части в виду усталости отошли в исходное положение.

Таким образом, часть Ростова занимается нами, а часть—противником. Начальник гарнизона г. Ростова, начдив 15 Сангурский на легковом автомобиле с пулеметом произвел смелую разведку и был в расположении противника. Заодно он привез из своего склада (это в расположении белых!) мясные консервы и шампанское. Чашка шампанского и консервы восстановили совсем было утраченные за сегодняшний тяжелый день силы.

Утро, 21 февраля, Нахичевань.

Получен приказ командарма о восстановлении во что бы то ни стало утраченного положения. С раннего утра об'единенные части нашей, 15-й и 16-й дивизий перешли в наступление. Вначале операции развивались успешно, и мы уже заняли вокзал, но вскоре нас оттуда вышибли. Сейчас фронт снова проходит по Таганрогскому проспекту. Рано утром частями армии были оставлены Аксайская и Большелогский. Таким образом, создалась угроза Новочеркасску и опасность обхода Нахичевани...

По только что полученным сведениям, частями 16-й и 33-й дивизий удалось восстановить положение (у Большелогского, Аксайской). И эти же части бросаются на северо-запад для ликвидации попыток противника распространиться севернее Ростова.

В общем положение весьма напряженное и тревожное. Час развязки близится. Все распоряжения отданы, вместе с начдивом выезжаю на позицию.

Ночь, 21 февраля, станица Аксайская.

Развязка уже произошла. В 16 или 17 часов (некогда даже было заметить время) мы оставили Ростов, а в 18-19 часов и Нахичевань. Сегодня был очень тяжелый, ужасный день. Весь день провел в рядах сражающихся бойцов. Уличные бои—ужасно неприятная вещь. Видишь наступающего противника с одной стороны, а пули сыпятся со всех сторон. Теперь мне понятно, почему при отступлении из городов бойцы всегда говорят о том, будто в них стреляли из окон. У меня у самого сегодня было такое впечатление. Но вряд ли кто-либо в Ростове стрелял из окон. Это пули, попадая в каменные стены, рикошетом ложатся на землю, создавая впечатление стрельбы из окон. Противник поддерживал все время интенсивный огонь артиллерии. Снаряды то и дело рвались у наших цепей. При всем этом ужасный, небывалый для Ростова мороз—свыше 20°. Мы понесли очень большие потери. На моих глазах по соседству выбывали из строя десятки бойцов. Днем, когда мы с начдивом об'езжали передовые позиции, то попали в зону артиллерийского огня, осколком одного из снарядов, разорвавшегося шагах в десяти от нас, был убит Львов. Смерть наступила мгновенно. Он упал с лошади и на наши вопросы уже ничего не мог ответить.

Временами наши части отступали в панике. Несколько раз мне с начдивом удавалось останавливать бегущих и вновь

выстраивать их в цепи. Это было в Ростове. Когда же кавалерия белых показалась в Нахичевани,—удержать отступавших в беспорядке бойцов не было никакой возможности. Из Нахичевани мы отступили в величайшей панике. Пытались было задержаться у кирпичных заводов на окраине Нахичевани. Здесь мы сколотили кое-какие цепи из отступавших в беспорядке бойцов разных полков и разных дивизий. Пока мы,—командование трех дивизий, собравшись в какой-то халупе, обдумывали план дальнейших действий, наши цепи незаметно растаяли, и в наше расположение влетела кавалерия белых. Мы едва спаслись. Лично я обязан спасением начдиву Грживо-Домбровскому, так как он под пулями помог мне оседлать коня (ординарец легкомысленно расседлал лошадь и сам сбежал при появлении казаков).

Мы сейчас в Аксайской. Аксайская теперь значительно выделяется вперед на всем фронте армии. Части наши деморализованы. Каждый миг можно ждать всяких „сюрпризов".

Общие события сегодня развивались так. Наши части, измученные двухдневными уличными боями при ужасном морозе и голоде, не смогли удержаться, поддались панике и побежали. Условия уличного боя усиливали паническое настроение, и части бежали в полном беспорядке. Сейчас все перепуталось, и трудно выяснить, кто куда отступил и какие мы понесли потери. В нашей дивизии три часа тому назад, когда мы собирались атаковывать Нахичевань, насчитывался всего лишь 151 штык.

Устали все мы отчаянно. Что-то сулит нам завтрашнее утро?

Утро, 22 февраля, ст. Аксайская.

Ночь была очень беспокойная и крайне тревожная. Несмотря на ужасную усталость, все мы спали одетыми в полном снаряжении. Наша дивизия вошла в состав группы Медведовского (начдив 16). Медведовский решил части 16-й дивизии отвести в х. Большелогский. Нашей дивизии приказал занять участок Аксайская—Александровская. После этого Медведовский со своим штабом уехал из Аксайской. На мой вопрос к нему при от'езде: „А что делать нам?" он ответил: „Сидеть и умирать". Действительно, нам как будто ничего другого и не остается. Дело в том, что бывшие вчера вечером при отступлении из Нахичевани 150 штыков неизвестно куда рассеялись. У нас, кроме артиллеристов (здесь собралась вся артиллерия дивизии), нет в буквальном смысле слова ни одного бойца. Сидеть здесь при таком положении в высшей степени рискованно. Об этом красноречиво напо-

минают остатки 13-й дивизии, целиком изрубленной позавчера здесь. На улицах Аксайской валяются трупы красноармейцев и командиров, трупы лошадей, повозки, снаряды и всякого рода военное имущество.

„Сидеть и умирать"—это недостойно. Нужно организоваться к самообороне. Сейчас поеду в Большелогский, чтобы добиться каких-либо мер со стороны командарма. А мера есть только одна—отвод нас с боевого участка, чтобы спасти артиллерию и дать нам возможность в несколько дней собраться хотя бы с кое-какими силами.

День, 22 февраля, х. Большелогский.

Жуткое впечатление производит картина боя, вернее, рубка в Аксайской день тому назад. На северной окраине станицы валяется масса голых, зверски изуродованных трупов. Это следы вчерашнего внезапного налета кавалерии белых. Недавно прибывшая после формирования в глубоком тылу 13-я Воронежская дивизия целиком была вчера уничтожена противником, включая и начальника дивизии. Ужасно тяжелое зрелище.

Повтори белые свой налет сегодня, он бы им удался еще в лучшей мере, так как одной артиллерией мы бы, конечно, не смогли удержать Аксайской...

В Большелогском удалось снестись по проводу с командармом, находящимся в Новочеркасске. Доложил о действительном положении, прося об отводе для сбора частей и приведения их в порядок. Командарм согласился с этим и дал Медведовскому директиву занять линию обороны: Султан—Салы—Монастырский—Большелогский, а в Аксайской оставить лишь только конные части. Нашей дивизии приказано к вечеру сегодняшнего дня сосредоточиться в станице Грушевской и в двухдневный срок привести себя в порядок. Оказывается, наше положение не так уж печально. Частям 9-й армии и 3 й дивизии 13-й армии приказано занять Ростов, наступая с запада. Буденный разбил противника у Торговой и ведет наступление на Тихорецкую.

Вечер, 20 февраля, ст. Аксайская.

Сейчас с остатками своих частей выступаем из Аксайской. Все, т. е. собравшийся в Аксайской комсостав дивизии, были очень обрадованы, узнав, что я привез приказ об отходе из Аксайска. Да и действительно, как не обрадоваться? Ведь Аксайская при данном положении фронта армии—мыше-

ловка. И сидеть в этой мышеловке без частей—удовольствие не совсем приятное. Я убежден: останься мы эту ночь в Аксайской, мы не избегли бы участи 13-й дивизии.

Путь из Аксайской не совсем безопасен, но мы пойдем со всеми мерами предосторожности. Попрежнему сильнейший мороз.

23 февраля, станица Грушевская.

Добрались сюда лишь к 5 утра. Все замерзли и очень устали. Начинают постепенно собираться части и учреждения дивизии. Оказывается, „не так страшен чорт, как его малюют". Нас не так уж сильно разбили в Ростове. 40-я дивизия действительно „непромокаемая", как ее шутливо называют сами бойцы. За завтрашний день мы что-нибудь сколотим и действительно представим из себя резерв. А то ведь с резервом выходило нечто комическое: „армрезерв" без единого штыка.

24 февраля, станица Грушевская.

Получен новый приказ командарма. Части 3-й и 9-й дивизий 23-II заняли Ростов, Нахичевань, Гниловскую и ст. Заречную, таким образом, положение восстановлено. Белые побыли в Ростове всего лишь полтора-два дня. Под Новочеркасском также одержаны успехи. Частями 33-й дивизии заняты Краснодворский и Старочеркасская.

Наша дивизия продолжает оставаться в армейском резерве и 26-II должна быть готова к занятию боевого участка.

Люди постепенно собираются. Как выяснилось, ни один из полков целиком не погиб. 20-II под Темерником полки 2-й бригады действительно были отрезаны, но им, хотя и с большими потерями, все же удалось пробиться. Цела и кавбригада, но она только попала в район расположения 13-й армии и действует теперь вместе с частями последней. Сегодня наша дивизия насчитывает почти 1000 штыков. Сбор бойцов продолжается. Многих бойцов задерживают под Сулином,—так далеко отступили они, охваченные паникой, но это все из новых пополнений. Старые кадровые бойцы находятся при своих частях или на пути к ним.

25 февраля, ст. Грушевская.

Нам удалось сколотить 1100 штыков и 250 сабель (без кавбригады), связь с которой еще не установлена.

Был в Новочеркасске, в поезде командарма. Старочеркасская, Краснодворский и Манычская снова оставлены нами. А на правом фланге частями 9-й дивизии и 3-й бригады 3-й дивизии (13-й армии) заняты Усть-Койсугский, Колузаев, Кунжинский. Нашей дивизии приказано к ночи сегодняшнего дня и не позже 4 часов 26-II сосредоточиться в районе станция Александровка—станица Аксайская. Части сейчас выступают, мы с начдивом выступаем завтра утром.

26 февраля, хут. Большелогский.

Завтра предстоит наступление по всему фронту армии. На правом фланге будет действовать 15-я дивизия, в центре группа Медведовского. Нашей дивизии дана задача вести наступление на Ольгинскую с тем, чтобы приковать к себе внимание противника. Главные силы опять будут действовать со стороны Ростова и Нахичевани, на Батайск—Койсуг.

27 февраля, х. Большелогский.

С утра застучало, затарахтело и загремело, операция началась. Ездил в Аксайскую и с наблюдательного пункта следил за развитием операций. Вначале наше продвижение было успешным. Части 2-й бригады заняли было северную окраину Ольгинской, но затем, понеся большие потери, отошли на $1^{1}/_{2}$ версты от последней, где вели бой до наступления темноты. Перед сумерками затих бой и справа. Позже мы узнали, что части 9-й дивизии, заняв хут. Шведов, подходили к Кулешовке, а части группы Медведовского подходили к Батайску, но встретив упорное сопротивление, после сильного боя, отошли в исходное положение.

Итак, и на этот раз операция не удалась. А выполнить ее надо во что бы то ни стало и немедленно. Немедленно потому, что оттепель уже началась и через некоторое время Дон вскроется. Если к этому времени мы не перейдем Дона,— это будет означать затяжку войны...

Всем нам ужасно надоел хутор Большелогский. В одной избушке помещается наш полештадив и команда связи; спать приходится на полу и не раздеваясь. Не раздеваясь потому, что нет гарантии от внезапного налета белых. Случай с 13-й дивизией еще свеж в памяти каждого.

28 февраля, х. Большелогский.

С утра на участке дивизии спокойно. После полудня слышался бой на участке 33-й дивизии. Части последней заняли хх. В. и Н. Подполинский и вели наступление на Ольгинскую с юго-восточной стороны. Нам было приказано

поддержать это наступление. Наши конные части выступали и подходили к Ольгинской, но с наступлением темноты части 33-й дивизии отошли, а с ними вместе отошла и наша конница. В силу этих событий произошла отмена последовавшего было приказа о смене нашей дивизией частей 16-й дивизии и занятии участка: Александровская—Нахичевань—Ростов, о чем все мы очень сожалели (опротивел Большелогский).

В виду одержанных 33-й дивизией успехов, командарм приказал нашей и 16-й кавалерийской дивизиям выступить завтра в 5 часов утра с исходного положения и атаковать станицу Ольгинскую. Пожалуй, на этот раз дело выйдет.

25 февраля, х. Большелогский.

Части нашей и 16 й кавалерийской дивизий, как и было приказано, с рассветом перешли в наступление на Ольгинскую. В 10 часов Ольгинская после упорного боя была занята. Но противник перешел в контратаку и своими яростными решительными действиями, главным образом, убийственным огнем артиллерии и пулеметов, заставил части нашей и 16-й кав дивизий отойти с большими потерями. Через 3-4 часа, однако, полки нашей дивизии и 16-й кавалерийской, при поддержке 33-й дивизии с юго-восточной стороны, бросились в атаку, заняли Ольгинскую, порубили много белых и продолжали преследовать в панике бежавшего противника до наступления темноты, захватив при этом около 2000 пленных. Несколько позже выяснилось, что в этом бою целиком была разбита Марковская дивизия белых.

Таким образом, нами сегодня одержана серьезная победа. Командарм приказал развить одержанный успех и всей армией с утра завтрашнего дня перейти в решительное наступление.

С нетерпением ждем завтрашнего дня. Завтрашний день должен решить судьбу всей предстоящей весенней кампании.

1 марта, станица Аксайская.

Наконец-то долгожданный момент наступил. Сегодняшняя операция удалась. Разбитый в районе В. и Н. Подполинский—Ольгинская, противник отступил на юг. Частями группы Медведовского обходом с юго-востока после короткого, но упорного боя занят Батайск и Койсуг. На правом фланге занят Азов, где наши части восторженно были встречены населением. Нашей дивизией занят хутор Злодейский и ст. Злодейская, 33-й дивизией—станица Хомутовская. 9-я армия вышла на линию р. Кагальник. Получены сведения о том, что частями

11-й армии заняты ст. Кавказская и Ставрополь. Наступление началось по всему Кавказскому фронту. Всюду противник сбит и спешно отходит. Фронту поставлена задача: охватить кольцом „добрармию". Командарм приказал продолжать безостановочное преследование противника. Первые лучи весеннего солнца улыбнулись нашему оружию. Не сомневаюсь, что теперь мы пойдем вперед такими же темпами, как шли к Ростову.

2 марта, ст. Аксайская.

На фронте 8-й и 9-й армий наступление продолжается. Части нашей дивизии к вечеру должны были занять и, по-видимому, заняли х. Федоровский—Кушнаревский—Новобатайское. Группой Медведовского занята ст. Каяла. 9-й дивизией—Петровская—Николаевка. Противник всюду поспешно отходит. Ему не удалось задержаться на р. Кагальник. Нам важно теперь выйти на р. Ея. Если и у этого рубежа белые не задержатся, это будет означать их полное бессилие, близкий крах и безостановочное наше движение на Екатеринодар.

Сегодня впервые было 3° тепла. Весна уже вступает в свои права. Снег быстро тает, кругом журчат потоки. Настроение у всех приподнятое.

3 марта, хут. Злодейский.

Утром с полештадивом выехали из Аксайской. Проезжали через Ольгинскую, где был небольшой отдых. Ох, уж эта Ольгинская, скольких жертв она нам стоила! Ведь сколько раз мы безрезультатно наступали на нее!

Кругом свежи еще следы жестоких боев. На всем протяжении под Аксайской до Злодейского валяются трупы со следами сабельных ударов. Преобладают трупы неприятеля. Трупы можно считать десятками и сотнями,—это следы жаркой рубки. 13-я дивизия отомщена.

Части нашей дивизии вышли на линию Федоровский—Кушнаревский—Новобатайское. Из этих пунктов казаки бежали в панике, побросав обозы. Наши конные части выброшены вперед в южном направлении.

4 марта, село Новобатайское.

Новобатайское—большое село с преобладанием так называемого иногородного населения... Здесь наши войска также были встречены с хлебом и солью.

Части нашей дивизии заняли Ильинку—Алексеевский и выбросили конную разведку на Кущевку. Захвачены трофеи и пленные. Пленные начали прибывать в Новобатайское

большими партиями. Все сведения ярко рисуют картину развала „добрармии". Пехота вся сдается, кубанцы бросают оружие и уходят по домам. Наступило начало конца.

5 марта, с. Новобатайское.

Противник по всему фронту продолжает отходить в юго-западном направлении. Нами захватывается масса пленных и многие трофеи. Наша (8) армия вышла на линию р. Ея, противнику не удалось задержаться и на этом естественном рубеже.

Нашей армии приказано энергично преследовать противника в направлении Кущевская—Тимошевская; 9-й армии вклиниться во фронт противника в направлении Старолеушковское—Медведовская; 1-й конной армии—Старолеушковская—Тимошевская; 10-й армии—Тихорецкая—Екатеринодар.

Дни развязки близятся. Если удастся этот маневр,—а он, несомненно, удастся,—судьба Екатеринодара предрешена. Мы выйдем на р. Кубань, у нас значительно уменьшится линия фронта, и мы сможем нанести противнику сокрушительный удар и сбросить его в Черное море.

6 марта, ст. Кущевская. (Кубанской области).

Мы уже вступили в пределы Кубани. Весна в разгаре. Распутица задерживает наше движение вперед.

Кубанские станицы резко отличаются от донских станиц, не говоря уже о черноземных деревнях и селах. Чувствуется, что попали в страну крепкого, зажиточного казачества. Много скота, лошадей, большие земельные наделы, богатые усадьбы с садами, огородами и виноградниками, хорошие благоустроенные дома и пр. На пути в Кущевскую останавливались на одном хуторе.

Хутор принадлежит казаку. Хозяйство этого кулака по своим размерам нисколько не уступит хозяйству среднего помещика в черноземной полосе. Разве может владелец этого хозяйства не быть заклятым врагом революции, пролетариата? На Кубани можно, так сказать, воочию видеть социальные корни белогвардейщины.

7 марта, ст. Кущевская.

Окончательно установилась теплая погода. Грязь непролазная. В самой станице приходится сообщаться верхом на лошадях. Почти вся наша пехота посажена на захваченных у неприятеля лошадей. Очень тяжело приходится артиллерии. Орудия перевозятся 8-10 парами лошадей на 1 пушку и, несмотря на это, артиллерию не всегда удается перевозить.

О сколько-нибудь правильном снабжении частей боеприпасами не может быть и речи, части живут за счет захватываемых у противника боевых припасов. О продовольственном снабжении и думать не приходится. Тылы нашей и других дивизий ужасно растянулись. Все это не может не вселять некоторой тревоги. Если бы мы встретили серьезное сопротивление противника, то могли бы сильно напороться. Но вряд ли противник способен на организацию такого сопротивления, он окончательно деморализован.

Нами заняты станицы Крыловская (33-й дивизией), Уманская (16-ая) и Кисляковская (наша дивизия). Получен новый приказ командарма, указывающий на благоприятную обстановку, сложившуюся после занятия Уманской и приказывающий войскам 8-й армии энергично наступать в юго-западном направлении, дабы отрезать пути отступления первому добровольческому корпусу и уничтожить его.

10 марта, станица Ново-Михайловская (на карте х. Михайловский).

В силу трудностей связи со штабом армии и необходимостью быстрого маневрирования войск, дивизии сведены в группы войск. Наша дивизия с сегодняшнего дня вошла в подчинение группы Медведовского. Последний приказал всей дивизии к вечеру сосредоточиться в х. Челбасский. Части уже выступили, скоро и мы с полештадивом выступаем.

11 марта, станица Ново-Платнировская (по карте х. Челбасский).

Прибыли сюда ночью. 16-й дивизией занята станица Челбасская, 33-й дивизией—Ирклиевская, Старолеушковская. Правый фланг армии несколько отстал. Противник задерживается у Новоминской. Для ликвидации этого противника группе Медведовского приходится уклониться на запад. Нашей дивизии к вечеру сегодняшнего дня приказано сосредоточиться в хх. Уря-Василенки, Климиченко-Прокопенко и других хуторах на р. Ср. Челбасска.

Части уже выступили, а сейчас выступает и полештадив. За последние дни нашей дивизии целиком сдался Уманский полк противника, благодаря чему число сабель у нас значительно увеличилось.

12 марта, станица Крыловская.

До хуторов вчера мы не добрались и заночевали в Крыловской. Крыловская—большая станица. От этой станицы идет прямая дорога на Екатеринодар, находящийся отсюда

в 121 версте. 120 верст—ведь это сущие пустяки. Еще несколько дней—и мы будем в Екатеринодаре. Там сейчас большая паника. Об этом говорят все перебежчики и местные жители.

Утро, 14 марта, х. Кондрюцкого, на р. Бейсуг.

Получен приказ о сосредоточении частей нашей дивизии в станице Новокорсунской, куда сейчас и выступаем.

Вечер, 14 марта, станица Новокорсунская

Станица небольшая, а в ней скопилось три дивизии целиком—16, 33-я и наша. Был в полештадивах 16 и 33-й. Обстановка такова: конармия Буденного должна была 14-III занять Екатеринодар, но выполнить эту задачу ей не удалось; точных сведений о расположении частей конармии не имеется. Конкорпус 9-й армии, 21 и 23-я дивизии с утра сегодня повели наступление на Кореневскую. За обладание Тимошовской сегодня велся бой, но результаты неизвестны. 9-я дивизия заняла без боя Новониколаевку у Лимана.

От Новокорсунской до Екатеринодара остается всего 60 верст.

Утро, 15 марта, станица Новокорсунская.

Ни одна из дивизий нашей армии не имеет связи с штабом армии. Из приказа 9-й армии видно, что 8-й армии к 19-III приказано выйти на линию станицы Славянская, станции Троицкая, а передовым частям—станции Крымская. 9-й армии к тому же сроку—Новомышастовская—Марьинка—станция Афипская—Энем. На основании этого Медведовский приказал частям группы содействовать 33-й дивизии по занятию Медведовской, а нашей дивизии сосредоточиться в ст. Тимошевская, которая вчера вечером была занята 15-й дивизией.

33-я дивизия повела наступление на Дядьковскую—Медведовку—Сергиевскую; отчетливо был слышен артиллерийский бой, но результаты неизвестны.

Из всего видно, что нашей армии придется повернуть на юго-запад, к морю; примерно на линию: Новороссийск—Анапа. Что же—такая перспектива приятна. Жаль только, не придется принять непосредственного участия в боях за Екатеринодар.

Вечер, 15 марта, ст. Тимошевская.

Был в штабе 15-й дивизии, где получен последний приказ командарма. Противник по всему фронту, оказывая арьергардами сопротивление нашему наступлению, главными силами отходит за р. Кубань.

Задача фронта—окружить противника и уничтожить его живую силу. Первая конармия и 10-я армия, наступая южнее ж. д. Тихорецкая—Екатеринодар, должны отрезать пути отступления противника на восток—в Терскую область. Задача 9-й и 8-й армий выйти на ж. д. Екатеринодар—Новороссийск, отрезать добровольческий корпус от Екатеринодара и не дать ему возможности сесть на суда для эвакуации в Крым.

Нашей армии приказано к 18-III выйти на линию: Темрюк—Варениковская—Крымская—Абинская. Армия делится на 2 группы: Медведовского в составе 16, 15 и 40-й дивизий и Вольнского—в составе 9 стр. и 16-й кавдивизий.

Полдень, 16 марта, ст. Тимошевская.

Перед рассветом получили приказ по группе. 15-я дивизия с утра выступает для занятия станиц Старовеличковская—Поповническая. Наша дивизия должна двигаться вслед за 15-й и, в случае надобности, оказать ей поддержку. 16-я дивизия выступает в Медведовскую, которая, повидимому, вчера была занята.

Сейчас будем двигаться и мы с полештадивом, хотя бой за обладание Старовеличковской еще не кончился.

Вечер, 16 марта, х. Казачий Старовеличковский (Таманского отдела на карте нет).

Когда прибыли сюда, бой у Старовеличковской еще продолжался. Бой только что затих: очевидно, Старовеличковская занята. Мы теперь не привыкли к тому, чтобы намеченные пункты не занимались.

Полдень, 17 марта, станица Старовеличковская.

Только что прибыл с полештадивом в эту станицу. Старовеличковская была занята вчера в 17 часов. Противник оказывал упорное сопротивление. С его стороны действовали 3 бронепоезда, корниловская и дроздовская дивизии, однако, сильно поредевшие, небольшой численности. С час бой шел на улицах станицы, причем со стороны противника в этом бою принимали участие офицерские части.

Обстановка сложилась следующая. 33-я дивизия сегодня должна занять Марьинку—Елизаветинскую. Конкорпус Жлобы и стрелковые дивизии 9-й армии сегодня же должны атаковать Екатеринодар. Очевидно, с юго-востока атаку на Екатеринодар будет производить конармия Буденного, но официаль-

ных сведений об этом нет. Группа Волынского сегодня ведет наступление на Полтавскую и далее на Славянскую. Группа Медведовского—на Новомышастовскую—Ивановскую, а в ночь на 18-III конные части группы выступят на Троицкую для захвата ж.-д. моста.

Вечер, 17 марта, станица Андреевская (на карте х. Ново-Мышастовский).

В Старовеличковской пришлось задержаться ненадолго. По дороге в Андреевскую на горизонте показалась цепь закубанских гор. Уже виден Кавказ. Вперед, скорее вперед!

Ночь, 17 марта, станица Ивановская.

Прибыли сюда в 22 часа. Эта станица занята нами без боя. В пути было видно большое зарево в стороне Екатеринодара. Это, наверное, белые, оставляя город, подожгли склады. Екатеринодар, наверно, сегодня занят нашими войсками.

18 марта, станица Ивановская.

Екатеринодар вчера занят нашими войсками. Подробности пока неизвестны. Под станцией Динской конкорпусом Жлобы захвачено 3 бронепоезда, 38 вагонов снарядов, несколько миллионов патронов и другие ценные трофеи.

Пехота нашей группы сегодня отдыхает; кавалерия выслана на Славянскую, Троицкую, Ольгинский, Екатерининский. Результаты пока неизвестны. В сторону Славянской—Троицкой и далее слышны были взрывы. Вероятно, взорваны мосты через Кубань.

19 марта, г. Екатеринодар.

Пользуясь передышкой, прибыл в Екатеринодар. Город принял праздничный вид. На улицах наряду с войсками толпы рабочего люда, особенно молодежи. У всех в петлице или на головных уборах красные банты. Эти красные банты ничего общего не имеют с теми, которые можно было видеть в петлицах любого обыватсля и даже буржуа в дни Февральской революции. Вряд-ли в каком другом городе так восторженно встречали Красную армию, как в Екатеринодаре. На улицах можно наблюдать сцены братания красноармейцев с рабочими. На всех площадях города стоят батареи на позициях, над городом летают неприятельские самолеты. Но это

нисколько не нарушает спокойствия. Все уверены, что на этот раз Екатеринодар занят Красной армией навсегда. Сегодня наши части переправились через Кубань и ведут наступление на Энем. Получены сведения о занятии нами Армавира.

Бой за Екатеринодар был непродолжительным, но довольно упорным. Нами взято свыше 20 тысяч пленных, много орудий, пулеметов, винтовок, захвачены склады с амуницией, снаряжением, патронами и много других трофеев.

Видел жертвы деникинщины—массу освобожденных нами из тюрем революционеров. Часть из них—большевики, часть—беспартийные. Но преимущественно рабочие, часто встречаются и крестьяне—„иногородные". Вид у них болезненный, измученный, но зато в глазах ярко сверкает огонек радости.

21 марта, ст. Ивановская.

Вернулся в Ивановскую. Полештадивы и части еще здесь. Пехота все еще отдыхает. На участке дивизии и группы все благополучно.

22 марта, станица Славянская.

Обстановка на фронте сложилась так. Все армии Кавказского фронта форсировали р. Кубань. Противник оказывает слабое сопротивление. Задача нашей армии выйти на берег Черного моря и овладеть Новороссийском. Часть 9-й армии переправилась через Кубань у Варениковской; также должна сегодня переправиться и 16-я кавдивизия. 15 и 16-я дивизии выступили сегодня в Анастасьевскую и завтра на рассвете выступят на Варениковскую для переправы на левый берег Кубани. Нашей дивизии дана задача—занять и оборонять участок по р. Кубани от Троицкой до х. Екатерининского.

23 марта, станица Славянская.

Вслед за 9 стр. и 16-й кавдивизиями сегодня переправилась на левый берег Кубани и 16-я стр. дивизия. 21-я дивизия (9-й армии) сегодня вела наступление на Холмскую. Бронепоезд противника обстрелял части нашей дивизии у Троицкой; обстреливал также и Славянскую, но снаряды рвались в верстах двух от нее.

На нашем участке принято 50 солдат и 4 офицера перебежчиков с лошадьми и полным снаряжением; кроме того,

переправившись через Кубань на лодках и вплавь, нам сдался целый госпиталь противника. Наш эскадрон вошел в связь с зелеными. В общем, дела хороши. Сегодня, наконец, получили сведения о тыловом штадиве, он прибыл к вечеру в Тимошевскую. Дали предписание немедленно следовать в Славянскую.

24 марта, Славянская.

Дела на фронте блестящи. Мы неуклонно идем к победоносному завершению кампании.

На участке нашей армии Кубань форсирована. Главные силы армии сосредоточились в районе: Варениковская—Гасточиевская. Группа Волынского еще вчера повела наступление на станицу Анапскую и Анапу. Группа Медведовского 16-й стр. дивизией сегодня наступает на Натухаевскую, Раевскую, откуда конные части будут брошены на Новороссийск для атаки города с юго-западной стороны. 15-я дивизия наступает на Греческое, Русское, Молдаванское, Крымскую, откуда выбросит конные части на станцию Тоннельную и Новороссийск для атаки его с севера. 3-я бригада 16-й стр. дивизии должна занять Джигинскую, Благовещенскую, Таманскую и, очистив от белых весь Таманский полуостров, высадить десант у Керчи и занять ее.

9-я армия успешно продвигается в юго-западном направлении.

Наша дивизия вышла из состава группы Медведовского и действует опять самостоятельно. Кавалерия дивизии перебрасывается в Варениковскую для обеспечения флангов и тыла армии; пехотные части занимают прежний участок по р. Кубани.

Сегодня противник оставил Куровскую и Троицкую, уведя из последних и бронепоезда. 2-й бригаде приказано переправиться на левый берег Кубани и занять Троицкую.

От тылового штаба сведений нет. Он, наверно, находится в движении от Тимошевской.

25 марта, станица Славянская.

Полная ликвидация Деникина началась. Ежедневно на нашу сторону переходит масса перебежчиков, организованно, сотнями и целыми полками. 24-III у Холмской частями 9-й армии был окружен и разоружен 2-й Донской корпус противника; взято в плен 10 000 человек, 14 орудий, масса пулеметов и т. п.

На фронте нашей армии заняты: Натухаевская. Раевская, Русское, Молдаванское, Греческое, и, повидимому, Анапа (о чем официальных сведений еще не поступало). Ст. Крымская окружена частями 33-й и 16-й дивизий, шел бой, и этот пункт, повидимому, занят. Части нашей дивизии переправляются в Троицкую, которая уже занята пехотой.

Сегодня довелось получить сводки соседних армий. 9-я армия, наступая в юго-западном направлении, достигла района станции Абинской. Конная армия Буденного занимает линию: Курдянская, Тульская, Махошевская, Ярославская. Полештарм в Майкопе. 10-я армия вышла на линию: Каладжинская, Бесстрашная, Спокойная, Клычевское, Баталпашинская, Суворовская. Полештарм в Армавире.

Итак, дела наши прекрасны.

О тыловом штадиве попрежнему вестей никаких нет.

27 марта, станица Крымская.

Крымская была занята нами 25-III. Новороссийск, наверно, также занят, но официальных сведений об этом нет. Части нашей дивизии выступили в Неберджайскую. Штаб дивизии прибыл, наконец, вчера в Славянскую.

28 марта, Крымская.

Новороссийск занят нами 26-III, вечером. Захвачены грандиозные трофеи, и свыше 20 тысяч пленных, в том числе много офицеров. 27-III Новороссийск обстреливался английскими и французскими военными судами. Подробности неизвестны. В тот же день две кавбригады 33-й дивизии выступили на Кабардинку.

Какова дальнейшая задача армии и нашей дивизии—неизвестно; приказ еще не получен и связи с командармом нет. Есть две возможности: 1) охрана Черноморского побережья и 2) переформирование армии в трудовую. Иные возможности трудно предполагать, так как противник перед фронтом нашей армии совершенно ликвидирован, и итти дальше нам некуда—перед нами Черное море. Конечно, можно еще наступать в юго-восточном направлении, до Черноморского побережья, но там и без нас хватит сил; можно было еще предполагать переброску дессантом на Крымский полуостров, но вряд ли это позволят сделать транспортные средства. Вообще, наша армия стала „безработной". Долгожданный момент, наконец, настал: Новороссийск наш, мы у Черного моря, Деникин ликвидирован.

6 апреля, Крымская.

Перерыв в записях произошел из-за болезни. Болен возвратным тифом. Пользуюсь перерывом между приступами для этих записей.

За последнюю неделю произошли значительные события: Кавказский фронт ликвидирован окончательно. Наша армия преобразуется в трудовую и перебрасывается к Каспийскому морю. Дивизия наша уже выступила походным порядком на Петровск-порт. Я, к сожалению, из-за болезни вынужден оставаться здесь.

25-30 апреля, г. Екатеринодар.

Болезнь надолго вывела меня из строя. В Крымской, Ивановской и других станицах собрал целую команду выздоравливающих и вместе с этой „командой" пытались теперь догнать 40-ю дивизию.

2 мая, г. Екатеринодар.

Очень хорошо, торжественно и радостно прошел в Екатеринодаре праздник 1 Мая. Мне, несмотря на усталость и изнуренность, пришлось дважды выступать с речами.

Был у командарма 9 Василенко (бывш. начдив 40). От него узнал, что 40-я дивизия находится в районе Пятигорска, она вышла из состава 8-й армии, теперь Кавказской трудовой армии, и включена в состав 10-й Терской армии. На дивизию возложена задача по ликвидации остатков белогвардейских частей и появившихся банд в Минераловодском районе. При помощи Василенко организован от'езд всей моей команды в Пятигорск.

10 мая, г. Пятигорск.

Штаб 40-й Богучарской дивизии расположен в Пятигорске, а части в Пятигорске, Кисловодске и других пунктах Минераловодского района. Богучарцы на курорте, как странно! Совсем еще недавно мысль об этом могла казаться сплошной фантазией. Вот бы им, богучарцам, отдохнуть здесь, на курорте. Ведь они заслужили право на отдых. Но сейчас не до отдыха. Богучарская дивизия успешно провела операции по ликвидации банд в Минераловодском районе и теперь перебрасывается на Западный фронт для борьбы с белополяками. Я получил назначение в Кавказскую армию труда. В должность военкома 40-й дивизии вступил Радченко. За дивизию можно быть спокойным, она в твердых руках.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Алексеев—Предисловие 4

М. В. Борисов—Введение 10
Силы революции. Военно-политический союз пролетариата и крестьянства 12
Как вооружалась революция на Богучарщине. Партизанское движение 15
Организация полка 17
Организация дивизии 18
Боевая история полка и дивизии 19
Военно тактический опыт богучарцев 25

И. П. Пархоменко—Под знаменем партии 27
Партийная работа в уезде в 1918 году 29
Работа советов в 1918 году 31
Немецко-гайдамацкая оккупация и казачья контрреволюция 32
Первое отступление из Богучара 38
Белые в Богучаре 42
Партийная работа в уезде в 1919 г. 45
Советская работа в 1919 году 47
Занятие Богучара советскими войсками в 1919 г. и дальнейшие боевые действия 48
Бригада 40-й дивизии и ее боевые действия 52
Период занятия контрреволюционными войсками Богучарского уезда в 1919 г. 55

В. А. Малаховский—От Богучара до Кавказских гор. 57
Станция Пасеково 58
Богучарские партизаны 60
Отступление 69
Штурм города Боброва 77
Южная армия 82
Разгром генерала Краснова 91
Генерал Май-Маевский 96
Восстание донских казаков 101
Экспедиционная дивизия 105
„Коробочка“ 107
40-я Богучарская дивизия 113
Прорыв генерала Мамонтова 120
Перелом 128
По следам белых 129
В горах Кавказа 132
Врангелевский фронт 134

М. И. Ермоленко—В боях с Мамонтовым 139
История возникновения 40-й Богучарской дивизии . . . . . —
Первая встреча с Мамонтовым 142

Уход начдива Василенко и назначение „генерала-дедушки“ . 147
Разгром дивизии ген. Абрамова у д. Александро-Донской . . 148
Период генерального сражения с Деникиным, прорыв белого фронта 149
По пятам белых 152
Борьба под Ростовом-на-Дону 154
В горах Кавказа 155
Борьба с Врангелем и Махно . . . . . —

В. В. Страхович—Вторая бригада 157
Поиски бригады . . . . . —
Командиры 159
Отпор Мамонтову под Лисками 160
Разгром „Тульской“ дивизии 161
Стоянка в Копанище 163
Взрыв моста у Мечетки 165
Отход на Верхнюю Тойду 166
Бои у Криуши—Б. Мартин 167
Наступление Лосево—Павловск 169
Переход на правый берег Дона 172

И. Врачев—Страницы из походной книжки 174
Вместо предисловия . . . . . —
1919 год 175
1920 год 194

ИЛ
БИБЛИОТЕКА

1377

Цена 3 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
ВОРОНЕЖ, ПЛЕХАНОВСКАЯ УЛ., НОВЫЙ БАЗАР
БАЗА КНИГОЦЕНТРА
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ВОРОНЕЖ, ПР. РЕВОЛЮЦИИ, 1-й МАГАЗИН КОГИЗ
„КНИГА—ПОЧТОЙ"